О ЯЗЫКѢ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМЪ,

ЕГО НАЧАЛѢ,

образователяхъ и историческихъ судьбахъ.

СОЧИНЕНІЕ

КОНСТАНТИНА ЗЕЛЕНЕЦКАГО.

Одесса.

Печатано въ типографіи А. Брауна.

1846.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Одесса, Марта 8-го дня 1846 года.

Цензоръ *В. Пахманъ.*

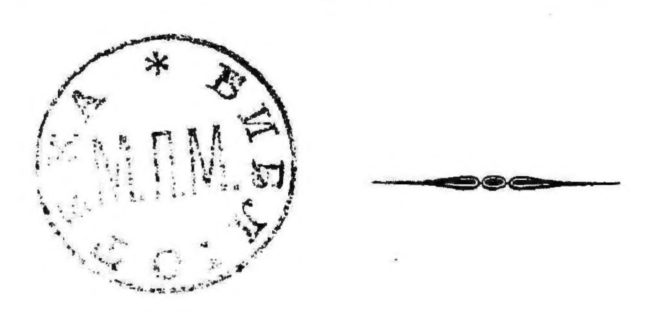
Памяти

МИХАИЛА ТРОФИМОВИЧА

КАЧЕНОВСКАГО

благоговѣйное посвященіе.

Цѣль излагаемой книги состоитъ въ томъ, чтобы сообщить любителямъ отечественнаго возможно полное и отчетливое изложеніе какъ современныхъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ, касательно языка употребляемаго въ нашемъ Богослуженіи, такъ и судебъ его съ IX-го стол. по наше время. Для достиженія этой цѣли, сочинитель собиралъ и сводилъ отдѣльныя мнѣнія ученыхъ, занимавшихся этимъ предметомъ, и, гдѣ было надобно и возможно, самъ дѣлалъ выводы, казавшіеся ему найболѣе правдоподобными.

Церковно-Славянское нарѣчіе есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ исторіи образованія и развитія языковъ. Все бытіе свое оно получило отъ перевода книгъ св. писанія и книгъ церковныхъ на одно изъ Славянскихъ нарѣчій юго-восточной отрасли. Посему, въ первоначальномъ родникѣ своемъ, языкъ этого перевода заключалъ въ себѣ живое народное слово. Въ книжной же обработкѣ фразъ и выраженій внесены были въ него слова и формы Греческія. Божественность содержанія сплавила эти двѣ разнородныя стихіи языка въ одно цѣлое, которое всего опредѣлительнѣе характеризуется своимъ обыкновеннымъ названіемъ языка или нарѣчія Церковно-Славянскаго. Ни у одного изъ Славянскихъ племенъ нарѣчіе это не служитъ языкомъ народнымъ, но у всѣхъ православныхъ оно есть языкъ Церкви. И этотъ языкъ Православія

никогда не оставался языкомъ мертвымъ, подобно Латыни Запада. Получивъ начало въ живомъ словѣ народа, онъ и въ послѣдствіи не разлучался съ нимъ. Такимъ образомъ, хотя въ Болгаріи, Сербіи и Россіи языкъ церковный оставался всегда однимъ и тѣмъ же чему доказательствомъ служатъ наши печатныя церковныя книги распространенныя въ новое время въ этихъ земляхъ и равно доступныя всеобщему пониманію,—всюду однакожь, въ этихъ земляхъ, языкъ Богослужебный имѣлъ вліяніе на языкъ народа и находился съ нимъ въ живой и постоянной связи. Ближайшимъ подтвержденіемъ этихъ словъ можетъ служить нашъ Русскій языкъ, который съ теченіемъ времени принялъ въ себя столь многое изъ языка церковнаго. Далѣе, во всѣхъ этихъ странахъ, языкъ церковный, въ свою очередь, подвергался вліянію языка народнаго. Онъ былъ въ употребленіи у всѣхъ восточныхъ Славянъ, въ кругу духовенства и людей книжныхъ. На немъ исключительно писали они. Изъ книгъ, составлявшихъ его письменность, черпали они всѣ тѣ изреченія, которымъ хотѣли придать особенную силу въ обыкновенномъ разговорѣ. Духовенство не только въ проповѣдяхъ и поученіяхъ, но и въ ежедневныхъ бесѣдахъ съ мірянами, употребляло выраженія изъ книгъ церковныхъ и возвышало этимъ достоинство и тонъ рѣчи. Такимъ образомъ языкъ церковный нечувствительно сближался съ народнымъ и устранялась всякая возможность принимать первый изъ нихъ за какое нибудь нарѣчіе, чуждое общественному пониманію и извнѣ принесенное. Народъ принималъ это нарѣчіе за свое собственное, хотя за такое, которое посвящено Господу и его Церкви и слѣдовательно возвышается особымъ величіемъ и прелестью. Все это подтверждаетъ слова, сказанныя нами выше сего, что церковный

языкъ не былъ никогда языкомъ мертвымъ, какимъ считали его нѣкогда и нѣкоторые. Въ каждомъ изъ Славянскихъ племенъ, которыя употребляютъ его, онъ находился въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ языкомъ народнымъ, подвергалъ его своему вліянію и, въ свою очередь, самъ дѣлалъ уступки и сближался съ нимъ. Эти уступки и сближенія были однакожъ съ его стороны гораздо маловажнѣе, нежели со стороны противной. Оттого то, хотя въ позднѣйшее время и произошла разница между Церковно-Славяно-Русскимъ, Церковно-Славяно-Сербскимъ и Церковно-Славяно-Болгарскимъ языкомъ; но разница эта была слишкомъ незначительна, такъ что, какъ мы уже упомянули, Церковныя книги нашей Руской редакціи и печати могли совершенно удобно служить въ Болгаріи и Сербіи. Незначительность этого различія объясняется тѣмъ, что первоначальный источникъ былъ одинъ и тотъ же. Тѣ, которые называютъ церковный языкъ нашъ мертвымъ, не могутъ указать на ту эпоху, когда изъ живаго превратился онъ въ мертвый. Кириллъ и Меѳодій не могли сдѣлать этого трудомъ своимъ: они только возвысили простой, народный языкъ на степень богослужебнаго и дали ему особый отливъ, въ слѣдствіе Греческаго подлинника книгъ Св. Писанія.

Языкъ церковный имѣетъ свою письменность и литературу, которой развитіе продолжается и нынѣ, именно въ духовныхъ сочиненіяхъ православныхъ учителей Церкви. Отличіемъ этой литературы отъ всякой другой служитъ ея святость, божественное цѣломудріе помысловъ и возвышенность стиля. Для насъ изученіе Церковно-Славянскаго языка, его исторіи, литературы и судебъ важно и поучительно всего болѣе. Вспомнимъ, что это

языкъ нашей церкви и предковъ; что онъ имѣлъ рѣзкое и продолжительное влiянiе на все наше народное образованiе; что онъ много содѣйствовалъ освобожденiю нашей письменности отъ влiянiй иноземныхъ. — Въ настоящемъ случаѣ, прежде всего мы обратимъ вниманiе на вопросъ: гдѣ и кѣмъ первоначально совершенъ былъ переводъ книгъ св. писанiя на Славянскiй языкъ и разсмотримъ его критически.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мнѣнія о томъ, кѣмъ и когда совершенъ былъ первоначальный переводъ книгъ Св. Писанія на Славянскій языкъ, и когда изобрѣтена была Кирилловская азбука.

Въ кругу западно-Славянскаго духовенства долго существовало мнѣніе—отчасти поддерживаемое и теперь—будто переводъ книгъ св. писанія на Славянскій языкъ совершенъ былъ еще въ IV вѣкѣ блаженнымъ Іеронимомъ, уроженцемъ Далматскимъ, изобрѣтшимъ будто-бы и азбуку Славянскую (1). Въ подтвержденіе этого, приводятъ слова самого Іеронима, сказанныя имъ въ посланіи къ нѣкоему Софронію: «со всевозможнымъ стараніемъ исправя пе« реводъ св. писанія, я давно уже передалъ его людямъ языка моего.» Тѣже почти слова повторяетъ блаженный Іеронимъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій. Въ этихъ словахъ выраженіе: « *людямъ языка моего* » конечно весьма важно. Кого разумѣетъ подъ ними авторъ? Самъ онъ былъ родомъ изъ Далмаціи, но въ то время, именно въ IV вѣкѣ, въ этой землѣ не было еще Славянскаго племени, которое, какъ извѣстно, переселилось туда изъ своихъ первоначальныхъ жилищъ великой Сербіи и Болгаріи, только въ царствованіе Императора Ираклія, между 610 и 641 годами. При томъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, и именно изъ Эразма Ротердамскаго,

(1) Въ изслѣдованіи г. проф. Новицкаго: « О первоначальномъ переводѣ св. Писанія на Славянскій языкъ » статья о томъ, что не бл. Іерониму принадлежитъ этотъ переводъ отдѣлана съ большимъ искуствомъ и ученостью. Намъ оставалось только привести ея результаты.

знаемъ мы, что блаженный Іеронимъ былъ происхожденіемъ Римлянинъ и природнымъ языкомъ своимъ имѣлъ Латинскій. Въ сочиненіяхъ своихъ онъ нигдѣ не говоритъ, что знаетъ языкъ Славянскій, а тѣмъ менѣе, что сдѣлалъ на него какой либо переводъ церковныхъ книгъ. Изъ сочиненій этихъ напротивъ съ очевидностью можно усмотрѣть, что ему извѣстны были только три языка: Еврейскій, Греческій и Латинскій. На сей то послѣдній совершилъ онъ свой переводъ св. писанія, который извѣстенъ подъ имянемъ Вульгаты. Слѣдовательно, мѣста въ сочиненіяхъ блаженнаго Іеронима, подобныя вышеозначеннымъ, по здравому смыслу, должно относить не къ Славянскому, но къ Латинскому переводу книгъ св. писанія. Наконецъ изъ самой жизни блаженнаго Іеронима нельзя не видѣть, что мужъ этотъ жилъ постоянно въ Римѣ и на Востокѣ; въ зрѣломъ возрастѣ не посѣщалъ земель Славянскихъ и занятъ былъ вообще экзегетическими трудами надъ св. писаніемъ, которое перевелъ на господствовавшій тогда Латинскій языкъ. По всему видно, что онъ, хотя и родился въ Далмаціи, мало обращалъ вниманія на Славянъ.

Несправедливо также приписывали блаженному Іерониму изобрѣтеніе такъ называемой Глаголито-Славянской азбуки, которая долго носила его имя и которая составляетъ нынѣ предметъ глубокомысленныхъ разысканій многихъ Славянофиловъ. Мы будемъ имѣть случай говорить о ней далѣе.

Умалчиваемъ о прочихъ обстоятельствахъ, которыя приводимы были въ подтвержденіе Славянскаго перевода книгъ св. писанія, сдѣланнаго будто бы въ Западной церкви. Таково на-примѣръ преданіе о распространеніи христіанской вѣры въ V столѣтіи у Скиѳовъ, разумѣя подъ ними Славянъ,—преданіе, которое, будучи нео-

предѣлительнымъ само по себѣ, ни мало не говоритъ въ пользу Іеронимова перевода. Таково еще сказаніе нѣкоторыхъ Богемскихъ писателей XVI ст. и между прочимъ Дубровскаго и Велеславина, о томъ, что Богемцы изстари считали блаженнаго Іеронима переводчикомъ книгъ св. писанія на Славянскій языкъ, и что этому вѣрилъ и знаменитый благодѣтель Богеміи, Императоръ Карлъ IV. Все это сказаніе, равно какъ и вѣрованіе Императора, не представляетъ собою никакого исторически-достовѣрнаго основанія.

Прежде нежели мы перейдемъ къ доказательствамъ того, что переводъ книгъ св. писанія составляетъ достояніе преподобныхъ мужей Кирилла и Меѳодія, изложимъ еще мнѣнія о томъ, что изобрѣтеніе Славянской азбуки и начало перевода, хотя и не принадлежатъ блаженному Іерониму, но все таки относятся ко временамъ до-Кирилловскимъ и совершены въ Восточной Церкви.

Предположенія о первобытной Славянской азбукѣ велись еще съ давнихъ временъ. Такимъ образомъ еще Странскій думалъ, что какое то особое древне-Русское (ruthenische) письмо было въупотребленіи у древнихъ Богемцевъ. У насъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, многіе твердили о такъ называемой Рунной азбукѣ, будто бы первобытной Славянской; говорили, что ею написаны были какія то провѣщанія Новгородскихъ языческихъ жрецовъ; и утверждали, что Кириллъ и Меѳодій составили свою азбуку изъ этихъ рунъ съ прибавленіемъ только нѣкоторыхъ буквъ изъ Греческой и другихъ азбукъ, подобно тому какъ епископъ Ульфиласъ составилъ особую готическую азбуку изъ сѣверныхъ рунныхъ, Греческихъ и Латинскихъ буквъ. Но переходимъ къ мнѣніямъ болѣе важнымъ и наукообразнымъ.

Раковецкій, при изданіи Русской Правды, высказалъ мнѣніе, что образованность Славянъ, ихъ письмена и даже переводъ книгъ св. писанія на ихъ языкъ относятся ко времени гораздо болѣе раннему, нежели то, въ которое жили преп. Кириллъ и Меѳодій. «До насъ не дошло, говоритъ Раковецкій въ первой части своего труда (²), письменныхъ памятниковъ Славянскаго язычества (³). Когда Славяне приняли Христіанство, библейскія и церковныя книги переведены были съ Греческаго на ихъ языкъ. Этотъ переводъ есть единственный памятникъ, по которому можно судить о томъ, каковы были свойства языка Славянскаго до принятія христіанства. Кто основательно изучитъ древній церковно-Славянскій языкъ и сравнитъ съ нимъ другія единоплеменныя нарѣчія, тотъ убѣдится, что языкъ этотъ представляетъ собою неисчерпаемый источникъ для дальнѣйшаго обогащенія всѣхъ ихъ. При томъ свѣдѣнія о древнихъ Славянахъ имѣемъ мы не отъ собственныхъ, но отъ чужеземныхъ писателей, которые вообще называютъ Славянъ грубымъ и дикимъ народомъ и неохотно приписываютъ имъ лишь нѣкоторыя качества, какъ то: храбрость, правоту, гостепріимство и друг. Языкъ Славянскій называютъ они просто lingua barbara. Чацкій, Ломоноссовъ и друг. говорятъ, что Славянскій языкъ только тогда получилъ прочное основаніе, когда обогатился переводомъ книгъ св. писанія. Соглашаясь съ этимъ, спрашиваю однакожъ: возможно ли, чтобы св. писаніе, въ которомъ такъ много высокихъ понятій и есть цѣлыя книги, написанныя возвышеннымъ, поэтическимъ

(²) I. B. Rakowiecki Prawda Russka. Warch 1820—22. Ч. I. стр. 57 и слѣд.

(³) При изданіи первой части этого труда не были еще извѣстны памятники Богемской письменности, относящіеся къ языческимъ временамъ и открытые Ганкою.

слогомъ, могло быть переведено на языкъ до того времени необразованный и дикій и переведено съ такою легкостью, силою и прелестью [1]? Былъ ли возможенъ этотъ переводъ безъ готоваго запаса словъ и выраженій? Извѣстно, что языкъ совершенствуется постепенно, вмѣстѣ съ успѣхами образованности; а Славяне отличались ею еще съ древнѣйшихъ временъ. За-долго до принятія Христіанства они имѣли города, села, занимались торговлею и ремеслами и были хотя язычниками, но не варварами. Все это необходимо ведетъ къ предположенію, что и языкъ ихъ былъ образованъ. Подтвердить это можно положительными фактами. Отъ языческихъ Славянъ дошло до насъ много словъ и выраженій, относящихся къ гражданской и частной жизни; а это самое показываетъ, что языкъ ихъ очевидно сохранилъ слѣды своего первобытнаго происхожденія. Обратимъ вниманіе на названія мѣсяцевъ, бывшія у нихъ въ употребленіи за-долго до Р. Хр., на множество сильныхъ словъ, оборотовъ и выраженій, на высокіе и изящные эпитеты Существа Высочайшаго, которые встрѣчаемъ въ библіи. Могъ ли грубый, варварскій народъ имѣть столь много собственныхъ выраженій, чтобы прямо приступить къ переводу св. книгъ?

«Можно также думать, продолжаетъ Раковецкій, что Славяне, до принятія Христіанства, обладали не только искуствомъ письма, но и многими письменными произведеніями. Могли-ли жрецы Славянскіе не имѣть книгъ, послужившихъ основаніемъ позднѣйшему гражданскому праву этого народа? Могъ ли самъ народъ не передать потомству

---

(1) Справедливость требуетъ замѣтить, что въ наше время св. писаніе переведено на множество языковъ, даже самыхъ необразованныхъ и грубыхъ. Но хорошо ли? Вотъ въ чемъ вопросъ.

своихъ героическихъ преданій? Если у Американцевъ находимъ слѣды письменъ, то почему не предположить ихъ у Славянъ, народа, который имѣетъ столь-же древнюю образованность ([8])?

«Изъ всего этого, говоритъ нашъ авторъ далѣе, можно заключить, что Славяне еще до Кирилла и Меѳодія имѣли свои письмена. Противъ этого конечно возстанетъ строгій, притязательный критикъ и спроситъ: гдѣ этѣ книги; отчего не дошли онѣ до насъ, подобно Еврейскимъ, Греческимъ, Латинскимъ, Арабскимъ и проч.» Тутъ Раковецкій подробно изложилъ какимъ образомъ не только памятники Славянскаго язычества, но и многія позднѣйшія Церковныя рукописи, истреблены были пламенемъ, которое распространяли по Славянскимъ землямъ завоеватели. За симъ онъ продолжаетъ:

«Исторія говоритъ, что многіе Славяне издавна находились при дворѣ Византійскомъ; что напримѣръ, въ VIII вѣкѣ Славянинъ Никита былъ Патріархомъ Константинопольскимъ. Это заставляетъ думать, что съ VIII столѣтіи и многіе изъ Славянъ были уже христіанами. Притомъ за долго до Кирилла и Меѳодія Славяно-Сербы жили въ Македоніи, гдѣ и до нынѣ находится городъ Сербица, неподалеку отъ Ѳессалоникъ, и имѣли въ странѣ этой свои монастыри, въ которыхъ иноки могли служить литургію на отечественномъ языкѣ. Изъ среды ихъ конечно избраны были Константинъ и Меѳодій. Мужи сіи взяли съ собою, продолжаетъ Раковецкій, уже готовыя богослужебныя книги и только пополнили, списали и распространили ихъ на Западѣ. Выше сего уже замѣчено было, что

([8]) Отъ древнихъ Американцевъ дошли до насъ слѣды именно того письма, которое предполагаетъ собою невозможность всякой письменности. Письмо это, какъ извѣстно, есть изобразительно-символическое.

Славяне еще до Кирилла и Меѳодія имѣли письмо. Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на невѣроятность того, чтобы Кириллъ и Меѳодій, безъ предварительныхъ покушеній и опытовъ, установили Славянскую азбуку и ея правописаніе, въ такомъ видѣ, въ какомъ существуютъ они и доселѣ.» — Что̀ сказать о всѣхъ этихъ догадкахъ Раковецкаго? Очевидно все его мнѣніе основано на чистомъ предположеніи, которое не имѣетъ никакого историческаго, положительнаго основанія. Это гипотеза и ничего болѣе.

Венелинъ, извѣстный своими рѣзко-оригинальными догадками, во второмъ томѣ сочиненія: «Древніе и нынѣшніе Болгаре» утверждаетъ, «что св. писаніе переведено въ первый разъ на Славянскій языкъ не Кирилломъ и Меѳодіемъ, а гораздо прежде ихъ». Принимая Готѳовъ за племя Славянское и находя еще въ IV вѣкѣ епископовъ Готѳскихъ и Соборы въ Панноніи, онъ полагаетъ, что Христіанство было извѣстно Славянамъ въ IV вѣкѣ. Переводъ библіи, сдѣланный Готѳскимъ епископомъ Ульфиласомъ, онъ также готовъ принять за Славянскій. «Кириллъ и Меѳодій, говоритъ онъ (6), *заслоняютъ* собою не только исторію Славянскихъ письменъ, но и подлинную эпоху крещенія самихъ Словенцевъ. Обращеніе Панноніи и введеніе въ ней Славянскаго Богослуженія также несправедливо приписано позднѣйшими св. Меѳодію, какъ и изобрѣтеніе Греческаго устава и нѣсколькихъ глаголическихъ буквъ, коими наполненъ Греческій алфавитъ, приписано св. Кириллу.» Ссылками на разныхъ писателей, на Прокопія, Іорнанда, Кесарія, брата св. Григорія Назіанзинскаго, на Амміана Марцеллина и другихъ, силится онъ доказать существованіе до-Кирилловскаго, Славянскаго Богослуже-

(6) Отечественныя Записки. 1839. Томъ 2. Отдѣленіе 2. страница 1 и слѣдующія.

нія и азбуки. Но у писателей этихъ нигдѣ не говорится объ этомъ предметѣ прямо, положительно. Венелинъ умозаключаетъ посредствомъ разныхъ выводовъ и соображеній, произведенныхъ съ большими натяжками. Такъ напримѣръ, необходимость крещенія Славянъ задолго до Кирилла и Меѳодія основываетъ онъ на томъ, что народъ этотъ еще въ IV и V столѣтіяхъ жилъ въ Панноніи и Ретіи и слѣдовательно не могъ не участвовать съ Латинами въ принятіи Христіанской вѣры;—далѣе, на томъ, что у Паннонцевъ (Словенцевъ) были свои епископы, изъ коихъ два засѣдали на Соборѣ Сирмійскомъ, въ 357 году;—на томъ, что еще Кесарій, братъ Григорія Назіанзинскаго, различаетъ между Словенами и Физонами такихъ, которые употребляютъ въ пищу мясо и груди животныхъ, и такихъ, которые не дѣлаютъ этого и стало быть соблюдаютъ посты, и наконецъ на другихъ обстоятельствахъ, которыя также не имѣютъ прямой, документальной силы и важности.

Мнѣніе профессора Бодянскаго, высказанное имъ лѣтъ за пять предъ этимъ (7), принадлежитъ также къ этой категоріи. Въ 1839 г. былъ онъ въ Райградѣ, монастырѣ св. Венедикта, близъ города Брюнна. Здѣсь онъ имѣлъ случай разсматривать рукопись Martyrologium Odonis, писанную на Латинскомъ языкѣ, въ царствованіе Карла Великаго и нашелъ въ числѣ другихъ приписокъ, находящихся на поляхъ этой рукописи, Греческое слово λαΓριαѧ, писанное нашими древне-Славянскими буквами. Въ этомъ словѣ, всѣ буквы, по свойству и происхожденію своему, сходны съ Греческими, кромѣ послѣдней ѧ, которой нѣтъ въ Греческой азбукѣ и которая составляетъ достояніе собственно

(7) Жур. Мин. Нар. Просвѣщенія. 1839. Августъ.

Славянской. Это показываетъ, что слово писано именно Славянскими буквами. Поелику же рукопись писана нѣсколькими десятками лѣтъ прежде Кирилла и Меѳодія, то слово это, говоритъ г. Бодянскій, «есть *самый древнѣйшій*, сколько намъ извѣстно, *памятникъ Кириллицы*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свидѣтельство, что предки наши Славяне знали уже азбуку, названную потомъ Кирилловскою, Кириллицей, еще до Кирилла и Меѳодія.» Замѣтимъ впрочемъ, что къ старинной рукописи одно какое либо слово могло быть приписано гораздо позднѣе.

«Для объясненія этого событія, продолжаетъ г. Бодянскій, не остается другаго средства, какъ допущеніе того мнѣнія, что Солунскіе братья не были первыми нашедшими и употребившими нашу азбуку; что она еще до нихъ была въ ходу у Греческихъ Славянъ, которые, какъ сосѣди Грековъ, находясь въ безпрерывныхъ съ ними сношеніяхъ, естественно не могли не употреблять Греческой азбуки для выраженія своихъ мыслей на родномъ языкѣ, мало заботясь впрочемъ о правописаніи и пиша по своему усмотрѣнію и знанію; что сначала эта азбука была очень несовершенна и больше походила на Греческую, чѣмъ на отдѣльную, самостоятельную; что наконецъ Константинъ и Меѳодій, рѣшась быть просвѣтителями Славянъ Христіанскою вѣрою, не выдумали новой азбуки, но взяли бывшую въ ходу, по крайней мѣрѣ извѣстную уже отчасти, *дополнили и усовершили ее*.»

Далѣе, въ подтвержденіе своего мнѣнія, г. Бодянскій приводитъ слова Черноризца Храбра, который, какъ обыкновенно полагаютъ, жилъ и писалъ въ X или XI вѣкѣ и который между прочимъ говоритъ: «Прежде убо Словѣне не имяху книгъ, но чрътами «и рѣзами чьтяху и гадаху погани суще; кръстивше же ся рымь-

«скими и гръчьскими письмены нуждахуся писати, Словѣньска рѣчь «бѣ не устроена. И тако бѣша многа лѣта; потомъ же человѣко-«любецъ Богъ посла имъ св. Константина философа, нарицаемаго «Кирилла, мужа праведна и истинна и сотвори имъ письмена, ова же «по Словѣньстей рѣчи.» Отсюда видно, что праотцы наши не вѣрили, чтобы только Константинъ и Меѳодій были первыми изобрѣтателями Славянскаго письма, но что еще до этихъ мужей употреблялись у нихъ сперва *чръты и рѣзи*, а потомъ у однихъ Римское, а у другихъ Греческое письмо, неустроенное, кое какъ, и наконецъ уже устроенное, принаровленное къ ихъ рѣчи.»

Въ дальнѣйшее подтвержденіе своего мнѣнія, г. Бодянскій указываетъ еще на монету у профессора Бочека, на которой Славянское слово писано на оборотъ Греческими буквами.

Должно согласиться, что изъ всѣхъ предположеній о Славянскомъ до-Кирилловскомъ письмѣ, предположенія г. Бодянскаго удовлетворительнѣе другихъ и ведены естественно, безъ теоретическихъ натяжекъ, въ которыхъ невольно должны мы упрекнуть Венелина. Обстоятельства, приведенныя г. Бодянскимъ, особенно слова Черноризца Храбра, весьма важны и служатъ сильнымъ подтвержденіемъ его мнѣнія. Нѣтъ спора, что Славяне до Кирилла и Меѳодія могли писать Греческими буквами слова своего роднаго языка, какъ это же самое видимъ мы теперь въ примѣрѣ нынѣшнихъ Болгаръ, которые Греческими же буквами новѣйшей орѳографіи переписываются другъ съ другомъ на своемъ отечественномъ языкѣ. Вообще обстоятельство это очень могло имѣть мѣсто, но оно не ведетъ ни къ какимъ результатамъ, потому что, по всѣмъ свидѣтельствамъ временъ минувшихъ и по всѣмъ документальнымъ актамъ, сохра-

нившимся до нашего времени, мы не можемъ не признавать Кирилла и Меѳодія образователями Церковно-Славянскихъ письменъ, установителями языка Церковнаго и переводчиками св. писанія. Данныя въ ихъ пользу въ этомъ отношеніи слишкомъ разнообразны и многочисленны. Съ этимъ соглашается и г. Бодянскій, упоминая позднѣе въ другомъ мѣстѣ (8) о Константинѣ и Меѳодіѣ, какъ о Славянскихъ первоучителяхъ, совершившихъ переводъ книгъ св. писанія на свой отечественный языкъ. Вотъ эти данныя.

1) Свидѣтельство *Папы Іоанна VIII*, который былъ современникомъ сихъ первоучителей Славянскихъ. Въ буллахъ своихъ къ Меѳодію отъ 879 и къ Богемскому королю Святополку отъ 880 года (9) онъ ясно говоритъ «о Словенскихъ письменахъ, изобрѣтенныхъ нѣкіимъ философомъ Константиномъ, и о литургіи, святомъ «Евангеліи и Божественныхъ изрѣченіяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта «на Славянскомъ языкѣ (10).» Все это, какъ изъ общаго смысла этихъ буллъ явствуетъ, возъимѣло начало свое только при Святополкѣ. Изъ этихъ буллъ видно еще, что вопросъ о Славянскомъ богослуженіи былъ совершенно новъ и послужилъ предметомъ, за который Меѳодій обвиненъ былъ врагами своими предъ Папскимъ престоломъ. Замѣтимъ, что въ достовѣрности этихъ буллъ иные, и въ томъ числѣ Венелинъ, сомнѣваются.

2) Другое современное свидѣтельство принадлежитъ неизвѣст-

---

(8) Жур. Мин. Нар. Просвѣщенія. 1843. Іюнь. Отд. II. стр. 134.

(9) См. Шлецера Несторъ, въ переводѣ Языкова, часть 2 стр. 502-509.

(10) Literas denique Slavonicas a Constantino quodam Philosopho repertas, quibus Deo laudes debitae resonant, jure laudamus et in ea lingua Christi domini nostri praeconia et opera, ut enarrentur, jubemus.

ному сочинителю отрывка de conversione Bojoariorum ([11]) и относится, по замѣчанію Добровскаго, къ 873 году приблизительно. Этотъ неизвѣстный считалъ введеніе богослуженія на Славянскомъ языкѣ въ Панноніи нарушеніемъ правъ Зальцбургскихъ архіепископовъ и именно этому обстоятельству приписываетъ удаленіе протопресвитера Рихбальда изъ Панноніи. Онъ упоминаетъ при этомъ о Меѳодіѣ и о вновь изобрѣтенныхъ имъ Славянскихъ буквахъ (noviter inventis Slavinis literis).

3) Въ древней Легендѣ о Богемской Княжнѣ Людмилѣ изобрѣтеніе Славянскихъ буквъ и переводъ книгъ св. писанія на Славянскій языкъ приписывается Кириллу ([12]).

4) Свидѣтельство Нестора, который говоритъ о Солунскихъ братьяхъ: «сима же пришедшима (въ Моравію) начаста составливати «письмена азбуковная Словенски, и преложиста Апостолъ и Евангe«ліе; и ради быша Словене, яко слышаша величіе Божіе своимъ языкомъ ([13]).»

5) Пресвитеръ Діоклейскій, писавшій около 1161 года, представляетъ также немаловажное свидѣтельство въ пользу нашего предмета. Вотъ слова этого пресвитера, находящіяся въ его Historia regni Slavorum: «Святѣйшій мужъ Константинъ установилъ священнослужителей и составя Славянскую азбуку перевелъ съ Греческаго языка на Славянскій благовѣстіе Христово, Псалтирь и всѣ св. книги Ветхаго и Новаго Завѣта и, уставя, по обычаю Грековъ, обѣдню, утверждалъ ихъ въ вѣрѣ во Христа. Простясь же со всѣми, обра-

---

([11]) Добровскій Кириллъ и Меѳодій. стр. 34.

([12]) Ibid. стр. 29.

([13]) Кенигсб. списокъ лѣтописи. стр. 21.

щенными имъ къ вѣрѣ во Христа, поспѣшалъ по апостольскому благословенію въ Римъ» ([14]).

6) Свидѣтельство Черноризца Храбра, о которомъ мы упоминали выше и который утвердительно говоритъ:... «святый Константинъ философъ, тъ намъ письмена сотвори и книгы преложи и Меѳодие братъ его ([15]).»

7) Легенда, найденная въ бывшемъ Бенедиктинскомъ Блаубейернскомъ монастырѣ (въ Виртембергѣ), относимая Добровскимъ къ XIV столѣтію и помѣщенная Шлецеромъ въ его «Несторѣ», содержитъ въ себѣ довольно обстоятельное извѣстіе о жизни и подвигахъ Кирилла и Меѳодія и вполнѣ оставляетъ за ними честь перевода св. книгъ на Славянскій языкъ.

8) Слова Четіи-Минеи въ жизнеописаніи Кирилла и Меѳодія, (11-го Мая): (Кириллъ и Меѳодій изобрѣли) «азбуку Словенскую имущую въ себѣ 38 письменъ, во еже бы преложити книги Греческія на языкъ Словенскій.»

Мы привели здѣсь только тѣ свидѣтельства, на которыхъ основывается неопровержимость той истины, что Кириллъ и Меѳодій были первыми изобрѣтателями Славянской азбуки и переводчиками книгъ св. писанія и которыя всего чаще встрѣчаются въ изслѣдованіяхъ Добровскаго, Шлецера, Шафарика и другихъ Славянофиловъ. Этихъ свидѣтельствъ могли бы мы привести гораздо болѣе. Такова на примѣръ Греческая біографія Болгарскаго архіепископа Климента, дошедшая отъ глубокой древности и приводимая Добров-

---

([14]) Добровскій: Кириллъ и Меѳодій. стр. 28.
([15]) Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій. Изслѣдованіе К. Калайдовича. стр. 191.

скимъ, въ его: «Кириллѣ и Меѳодіѣ», равно какъ и другіе памятники. Мы не сочли нужнымъ однакожь распространяться о предметѣ, который и безъ того не подлежитъ сомнѣнію.

На основаніи всѣхъ вышеозначенныхъ данныхъ, нельзя не признавать, съ неопровержимою законностію, что преподобые Кириллъ и Меѳодій были первоначальными составителями настоящей Славянской грамоты и переводчиками книгъ св. писанія на Славянскій языкъ. Истина этого основывается не на какомъ либо темномъ и неопредѣлительномъ преданіи, но на документахъ въ строгомъ смыслѣ историческихъ, на современныхъ свидѣтельствахъ и актахъ. Мужи, каковы были Добровскій, патріархъ всѣхъ нынѣшнихъ Славянофиловъ, и Шлецеръ, такъ глубоко и основательно разобравшій въ своемъ «Несторѣ»; вопросъ о переводѣ книгъ св. писанія на Славянскій языкъ, принимали рѣшительно, что всей своею грамотностью и письменностью Славяне обязаны Кириллу и Меѳодію и что до этихъ первоучителей, «свѣтильниковъ міру», какъ говоритъ Четія, у нихъ ничего не было, въ этомъ отношеніи. Притомъ свидѣтельства, приведенныя выше, со всею ясностью показываютъ, что если бы даже до Солунскихъ братьевъ и существовала Славянская грамота и начатки переводовъ, то Кириллъ и Меѳодій, обратившіе на себя столь общее вниманіе, конечно сдѣлали весьма важный и рѣшительный шагъ въ этомъ дѣлѣ, такъ-что по всей справедливости имъ принадлежитъ титло первоучителей Славянскихъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Кириллъ и Меѳодій. Ихъ первые годы и посланіе къ Хазарамъ и въ Моравскую землю. Дѣла ихъ съ Римомъ. Какія книги св. писанія перевели они.

Старѣйшіе обработыватели житія преподобныхъ Кирилла и Меѳодія суть: Пешина (1), Пражскій ученый XVII вѣка, Стредовскій (2), Моравскій священникъ, писавшій въ началѣ прошедшаго столѣтія, Ѳеофанъ Прокоповичъ (3), знаменитый Іерархъ нашей Церкви, Коль (4), первый профессоръ Исторіи Словесности въ С.-Петербургской Академіи Наукъ, Ассемани (5), префектъ Ватиканской библіотеки, оказавшій большія услуги изученію Сирійскаго языка и литературы, Добнеръ (6), священникъ, жившій въ половинѣ прошедшаго столѣтія, и Ульманъ (7), Премонстранскій монахъ, жившій тогда-же. Всѣ они впрочемъ замѣчательны только какъ собиратели матеріяловъ (8), и то иногда недостовѣрныхъ. Выше другихъ стоятъ Ѳео-

(1) Mars Moravicus. Praga. 1677. 958 pg. in fol.

(2) Sacra Moraviae Historia sive vita Cyrilli et Methudii. Solisbaci. 1710. 528 pg. in 4°

(3) Разсмотрѣніе повѣсти о Кириллѣ и Меѳодіѣ. СПб. 1722.

(4) Introductio in historiam et rem litterariam Slavorum. 1728.

(5) Calendaria Ecclesiae universae, etc. Roma. 1755—57. in 4°.

(6) Annales Bohemorum. Praga. 1765,

(7) Alt-Mähren. Olmütz. 1762.

(8) Труды Пешины, Стредовскаго и Ульмана Шлецеръ, въ своемъ «Несторѣ», называетъ просто негодными. Особенно возстаетъ онъ противъ втораго изъ нихъ, за котораго впрочемъ вступается Добровскій, осуждающій въ свою очередь сочиненія Коля, выхваляемыя Шлецеромъ.

фанъ Прокоповичъ, Ассемани и Добнеръ. Сочиненія сего послѣдняго, по словамъ самого Шлецера, послужили основаніемъ всѣхъ его изслѣдованій по этому предмету. Собственно критическому разсмотрѣнію житія первоучителей Славянскихъ начало и вмѣстѣ краеугольный камень положили Добровскій (9) и Шлецеръ (10). За ними слѣдуетъ рядъ любителей въ большей или меньшей мѣрѣ. Главнѣйшими же источниками о жизни преподобныхъ Кирилла и Меѳодія служатъ наши Четіи-Минеи и Acta Sanctorum Западной Церкви.

Кириллъ и Меѳодій (11), въ Богемскихъ актахъ носящіе имена Цердота и Страхота, жили въ половинѣ IX-го вѣка и происходили отъ благородной и вѣроятно Славянской фамиліи изъ города Солуни (Ѳессалоникъ), какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ древнѣйшія легенды. По словамъ Четіи-Минеи, они были дѣти сотника Льва и супруги его Маріи, жившихъ при императорахъ Византійскихъ Львѣ Арменинѣ, Михаилѣ Травлѣ и сынѣ его Ѳеофилѣ. Старшій изъ нихъ Меѳодій служилъ при императорѣ Михаилѣ Травлѣ воеводою и начальствовалъ въ сопредѣльныхъ Славянамъ земляхъ. Чрезъ десять лѣтъ, при иконоборномъ Императорѣ Ѳеофилѣ, онъ вступилъ въ монашество на Олимпійской горѣ. Не столь ученый, какъ его

---

(9) Аббатъ Іос. Добровскій, коего біографія составлена Палацкимъ, написалъ по нашему предмету: Cyrill und Method, der Slaven Apostel. Praga. 1823 (на Русскій языкъ эта книга переведена профессоромъ Погодинымъ); Slavin, Botschaft aus Böhmen an alle Slavische Völker. Prag. 1806 — 80; Glagolitica, als Anhang zu Slavin. Prag. 1832 изд. 2-ое.

(10) Изслѣдованія Шлецера о жизни и трудахъ преподобныхъ Кирилла и Меѳодія помѣщены во 2-ой части его «Нестора» (по переводу Языкова: глава 10 стр. 406—582). Эта десятая глава обработана съ образцовымъ умѣньемъ, трудомъ и знаніемъ дѣла. Она заслужила даже похвалу самого сочинителя.

(11) Въ Четіи-Минеи житіе ихъ описано подъ 11 Мая; въ Acta Sanctorum 9-го Марта.

братъ, онъ тѣмъ не менѣе отличался разнообразными знаніями. Константинъ, подъ конецъ жизни принявшій въ Римѣ, вмѣстѣ со св. схимою, имя Кирилла, *еще отъ пеленъ показоваше въ себѣ нѣчто дивно*. Съ первыхъ дней своей жизни, онъ пренебрегъ сосцами кормилицы и потребовалъ груди матерней. По седьмому году, когда его начали учить грамотѣ, онъ видѣлъ вѣщій сонъ: будто нѣкій воевода собралъ всѣхъ дѣвицъ города и велѣлъ ему выбрать себѣ одну изъ нихъ *въ сожитіе*. Константинъ избралъ Софію. Родители истолковали этотъ сонъ, какъ вѣщій знакъ его будущей премудрости и несчадили ничего для воспитанія отрока. Въ молодости, блаженный Константинъ особенно любилъ и читалъ св. Григорія Богослова. Когда по смерти Ѳеофила, на Константинопольскій престолъ вступилъ сынъ его Михаилъ еще отрокъ, подъ опекою матери Ѳеодоры и трехъ вельможъ, тогда одинъ изъ сихъ послѣднихъ Логофетъ Дроми, а по другимъ Ѳеоктистъ, знавшій родителей Константина и самого юношу, призвалъ его, чтобы онъ учился вмѣстѣ съ царемъ Михаиломъ. Тутъ Константинъ прошелъ весь курсъ тогдашней мудрости: грамматику и «Омирово стихотвореніе», Реторику, Философію, Ариѳметику, Астрономію и «Мусикію», какъ сказано въ Четіи-Минеи. Прозванный Философомъ (12), Константинъ особенно славился, какъ замѣчаетъ Шафарикъ, знаніемъ различныхъ языковъ. Греческій языкъ зналъ онъ конечно еще въ дѣтствѣ; по Славянски выучился, вѣроятно, также дома въ Солуни, гдѣ, какъ и во всей Македоніи, за нѣсколько столѣтій предъ тѣмъ, поселились Славянскія племена (13). Хазарскому и Армянскому выу-

---

(12) Священникъ Діоклейскій, писавшій около 1161 года, говоритъ о немъ vir sanctissimus atque in divinis scriptoribus profundissime a pueritia edoctus.

(13) До сихъ поръ не рѣшено были ли это Болгары или Сербы. Въ наше время однакожь въ окрестностяхъ Ѳессалоникъ живутъ Болгары.

чился онъ въ послѣдствіи. Между тѣмъ мудрость и добродѣтель Константина были причиною, что онъ сдѣлался близокъ къ царю и былъ первымъ доместикомъ Логофета. Сей послѣдній хотѣлъ было женить его на своей воспитанницѣ, но онъ тайно ушелъ на *узкое море*, воспріялъ иноческій санъ и только чрезъ шесть мѣсяцевъ былъ отысканъ и приведенъ обратно въ Константинополь, «да не будетъ свѣтильникъ подъ спудомъ, но въ свѣщницѣ». Тутъ въ санѣ іеромонаха сдѣланъ онъ былъ библіотекаремъ при Соборной Софійской церкви въ Константинополѣ и кромѣ того учителемъ философіи.

Надобно знать, что всѣмъ этимъ подробностямъ, взятымъ изъ легендъ и Четіи-Минеи, Добровскій не вѣритъ. Объ нихъ умалчиваетъ и Шафарикъ въ своей «Исторіи Славянскаго языка и литературы по всѣмъ нарѣчіямъ»; но эти подробности важны потому, что носятъ на себѣ рѣшительный отпечатокъ вѣка и придаютъ особый цвѣтъ житію сихъ «свѣтильниковъ міру».

Первое посланіе Константина совершено было, по приказанію императора Михаила къ Сарацинамъ, на рѣку Евфратъ, въ городъ ихъ Самару и къ царю Амирнумну, для оправданія вѣры Христовой, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ Четія-Минея. Слѣдствія этого посольства неизвѣстны. Замѣтимъ только, что о немъ умалчиваютъ Добровскій и Шафарикъ, вѣроятно какъ о недостовѣрномъ, и упоминаетъ только митрополитъ Евгеній въ своемъ «Словарѣ писателей духовнаго чина». Чрезъ нѣсколько времени, когда, при томъ же императорѣ, Хазары прислали посольство съ просьбою о Христіанскомъ учителѣ, тогда назначенъ былъ туда Константинъ, взявшій въ эту миссію и брата своего Меѳодія. На пути въ Хазарію, Константинъ остановился на нѣкоторое время въ Хер-

сонѣ, городѣ сопредѣльномъ Хазарамъ и выучился здѣсь Хазарскому языку. «Таможе и Жидовскому языку навыкоша» говоритъ Четія-Минея. Далѣе онъ былъ такъ счастливъ, что обрѣлъ изъ моря мощи священномученика Климента, папы Римскаго ([14]), которыя по преданію сами вышли къ нему изъ воды. Часть ихъ онъ взялъ съ собою. Послѣ того, какъ повѣствуютъ, онъ обратилъ почти всю Хазарію въ Христіанство. Добровскій и Шафарикъ думаютъ, что когда Константинъ и Меѳодій исполнили свое назначеніе въ Хазарской миссіи, то прежде отправленія своего въ Моравію, занимались обращеніемъ Болгаръ, по просьбѣ тамошнихъ князей. При этомъ то случаѣ, говоритъ Добровскій, Константинъ, для снисканія себѣ большаго успѣха, изобрѣлъ Славянское письмо и перевелъ Евангеліе и другія книги на Славянскій языкъ. Говоря о крещеніи Болгаръ, мы должны упомянуть о преданіи разсказываемомъ многими Византійцами. Вотъ оно: Болгарскій царь Борисъ, или Богорисъ, пожелалъ расписать загородный домъ свой, для чего и велѣлъ вызвать одного Римскаго (Ромейскаго) живописца, инока Меѳодія. Живописецъ, которому приказано было написать что-либо устрашающее воображеніе вздумалъ, изобразить Страшный Судъ. Эта картина такъ поразила царя, что онъ послѣ того крестился. Событіе это относится, по соображеніямъ

([14]) Преданіе объ этомъ любопытно. Оно говоритъ, что при императорѣ Траянѣ, Климентъ былъ сосланъ изъ Рима въ Херсонъ, обратилъ здѣсь многихъ въ Христіанство и былъ за то потопленъ въ морѣ нѣкіимъ Авфидіономъ, по повелѣнію императора. Чудомъ образовалась въ морѣ храмина, въ коей хранились мощи священномученика и волны въ теченіе семи сотъ лѣтъ каждый годъ отливались отъ берега и позволяли благочестивымъ поклоняться мощамъ Угодника. Такъ было до императора Никифора, когда за грѣхи людей море закрылось навсегда. Чрезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ того, мощи предстали Константину сами собою.

ученыхъ, ко времени послѣ 860 года. Многіе думаютъ, что этотъ инокъ Меѳодій былъ братъ Константина. Шлецеръ, основываясь на выводахъ хронологическихъ, доказываетъ однакожъ, что Меѳодій не былъ тогда еще монахомъ и происхожденіемъ былъ не изъ Рима, а изъ Ѳессалоникъ. Добровскій основательно возстаетъ противъ этого, утверждая, что разныя обстоятельства, какъ то: современность сихъ двухъ Меѳодіевъ (живописца и первоучителя Славянскаго), невозможность отрицать рѣшительно, что Меѳодій былъ въ то время монахомъ, и наконецъ то, что подъ словомъ μοναχὸς Ῥωμαῖος разумѣется не Римлянинъ, но Ромеецъ, Греко-Римскому царству принадлежащій монахъ,—позволяютъ признать Меѳодія живописца и Меѳодія первоучителя за одно лице. Время пребыванія Константина и Меѳодія въ Болгаріи не означается съ точностію въ легендахъ; въ Четіи-Минеи даже вовсе умалчивается объ немъ. Никакимъ образомъ однакожъ нельзя думать, чтобы первоучители Славянскіе изъ Моравіи отправлялись въ Болгарію: этого не видно ни изъ какихъ важныхъ источниковъ и утверждать это значило бы противорѣчить всему ходу повѣствуемыхъ событій. Константинъ и Меѳодій не предпринимали изъ Моравіи путешествія на Востокъ и были только въ Римѣ. Всего естественнѣе предположить, что въ этой землѣ были они на пути своемъ въ Хазарію или изъ нея. Покрайней мѣрѣ это было по дорогѣ. Въ Болгаріи-то около этого времени, по всей вѣроятности, положили они начало переводу книгъ св. писанія и богослуженію на Славянскомъ языкѣ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ во первыхъ то обстоятельство, что Моравскіе князья, испрашивая въ Константинополѣ Славянскихъ учителей, и побужде-

ны были къ этому, по замѣчанію Добровскаго ([15]), примѣромъ Славянъ Дунайскихъ; а во вторыхъ, что лексическая основа Церковно-Славянскаго нарѣчія, какъ это почти доказано въ наше время, изобличаетъ Болгарское происхожденіе. Стало-быть пребываніе и проповѣдываніе Константина и Меѳодія въ Болгаріи относится именно ко времени посланія ихъ въ Хазарію.

Призваніе Константина къ Хазарамъ и обращеніе въ то-же время Болгаръ представляютъ обширное поле для критическихъ разысканій. Главный вопросъ заключается въ томъ, какое племя разумѣется здѣсь подъ Хазарами,—каково, во всемъ этомъ повѣствованіи, отношеніе Хазаръ къ Болгарамъ, и не слились-ли въ устахъ преданія и въ смыслѣ лѣтописцевъ эти два народа въ одинъ?

Греческіе и Восточные писатели говорятъ о Хазарахъ слишкомъ неопредѣленно ([16]), и потому даютъ поводъ къ толкованіямъ всякаго рода. Если подъ Хазарами разумѣть племя Славянское, какъ это принимаютъ нѣкоторые современные намъ изслѣдо-

---

([15]) Добровскій: Кириллъ и Меѳодій. стр. 49.

([16]) Относительно языка и наружнаго вида Хазаръ — двухъ лучшихъ данныхъ для опредѣленія принадлежности народа къ тому или другому племени — Ибнъ-Фоцланъ, жившій въ землѣ ихъ, говоритъ: «языкъ Хазаръ не есть ни Тюркскій, ни Персидскій, и не имѣетъ сходства ни съ какимъ другимъ на свѣтѣ. Наружностью Хазары также не походятъ на Турокъ; они черноволосы и притомъ двухъ родовъ: одни, называемые Кара-Хазаре, имѣютъ цвѣтъ лица смуглый, но смугловатость эта близка къ совершенной чернотѣ, такъ-что ихъ можно-было-бы почесть за Индійцовъ. Другіе бѣлы, и отличаются красотою и статностью».

Ибнъ-Хаукалъ, также знавшій Хазаръ лично, сообщаетъ о томъ-же слѣдующее: «настоящіе Хазаре имѣютъ свой языкъ, не Тюркскій и не Персидскій, а такой-же какъ у Болгаръ. У Буртасовъ тоже свой языкъ; такимъ-же образомъ и Руссы говорятъ своимъ языкомъ, не похожимъ ни на языкъ Хазаръ, ни на языкъ Буртасовъ». См. De Chasaris. Excerpta ex scriptoribus Arabicis. Interprete Fraehnio Petropoli. 1822. 4° p. 9 a 27.

ватели, тогда вопросъ о призваніи Константина къ Хазарамъ и обывшемъ въ тоже время обращеніи Болгаръ въ Христіанство разрѣшится самъ собою: выйдетъ или что Хазаре одно и тоже съ Болгарами, или что эти два народа были въ сосѣдствѣ и въ близкомъ родствѣ между собою, но что во всякомъ случаѣ обращеніе однихъ было соединено съ обращеніемъ другихъ.

Большинство ученыхъ мнѣній однакожъ на той сторонѣ, что Хазаре не суть Славяне и что это народъ Восточный. Тутъ очевидно обращеніе Хазаръ становится дѣломъ совершенно особымъ отъ крещенія Болгаръ. Что касается до сихъ послѣднихъ, то хотя историки несогласны въ томъ ославянившійся ли это Восточный народъ или чистые Славяне, мы не можемъ не принимать ихъ въ дѣлѣ и въ эпоху крещенія за Славянское племя. Какъ-бы то ни было, неопредѣлительность свѣдѣній нашихъ о Хазарахъ, увѣренность въ томъ, что и Болгаре получили Евангельское ученіе отъ Константина и Меѳодія и получили его именно въ то время, когда сіи мужи призваны были къ Хазарамъ, заставляютъ насъ предполагать или что въ повѣствованіи о Константиновомъ посланіи къ Хазарамъ, подъ сими послѣдними разумѣется просто Славянское племя, Болгаре, каковыми будто и были они дѣйствительно — это предположеніе однакожъ слишкомъ рѣшительно; или, по крайней мѣрѣ, что преданіе смѣшало два разные народа: Славянскій и Восточный, и подъ именемъ втораго разумѣло первый, если въ самомъ дѣлѣ Хазары были Восточнымъ, а не Славянскимъ народомъ. Мы думаемъ, что въ этомъ послѣднемъ мнѣніи гораздо болѣе осторожности и вѣроятія. Дѣло въ томъ, что Хазары могли быть народомъ отдѣльнымъ отъ Славяно-Болгаръ (не говоря о томъ, что могло быть и со-

вершенно противное); это однакожь не могло воспрепятствовать преданію смѣшать эти два народа и разумѣть подъ первыми вторыхъ.

Притомъ многіе изъ новѣйшихъ писателей допускаютъ-же какую-то древнѣйшую связь Болгаръ съ однимъ изъ народовъ Турецко-Татарскаго племени. Чтó мудренаго, что, при неопредѣлительности извѣстій Восточныхъ и Греческихъ писателей о Хазарахъ, подъ симъ послѣднимъ племенемъ разумѣется въ преданіи именно эта смѣсь Болгаръ съ Турецко-Татарскимъ племенемъ, отъ которой, какъ думаютъ эти писатели, произошли и нынѣшніе Болгаре.

Подтвержденіемъ тому, что преданіе подъ Хазарами — справедливо или нѣтъ, другой вопросъ — разумѣло Болгаръ или Славянъ вообще служатъ слова Четіи-Минеи: «Хазары.... бяше народъ Скиѳскій, языка Славенскаго или Россійскаго». Тутъ Четія опредѣлительно говоритъ, кого разумѣетъ подъ Хазарами. Стало быть, Добровскій напрасно возстаетъ противъ нея въ этомъ случаѣ: если Хазары и существовали на берегахъ Чернаго Моря, какъ народъ Восточный, а не Славянскій, то со стороны преданія тутъ только ошибка въ имени. Этимъ-же объясняется обстоятельство, что, говоря о призваніи Константина къ Хазарамъ, Четія умалчиваетъ о бывшемъ въ то-же время обращеніи Болгаръ: объ одномъ и томъ-же говорить два раза было нельзя. Далѣе, въ Четіи-Минеи повѣствуется какъ Хазарскій Каганъ собралъ вокругъ себя учителей Еврейскихъ, Сарацынскихъ и Христіанскаго Константина, какъ въ присутствіи его сей послѣдній преодолѣлъ остальныхъ соперниковъ и обратилъ Кагана въ Христіанство. Не это-ли-же преданіе дошло до насъ, съ немногими измѣненіями, другимъ путемъ: и о нашемъ Владимірѣ повѣствуется тоже самое, а извѣстно, что древняя Русь

была въ близкихъ связяхъ съ Болгаріей. Преданіе о Болгарскомъ царѣ могло быть приписано Владиміру. Надобно помнить, что здѣсь историкъ имѣетъ дѣло съ преданіями, со сказаніями лѣтописцевъ, которые могли записывать у себя въ легендахъ со словъ народа, переиначивающаго событія. Должно помнить, что въ этомъ переиначеніи всегда таится зерно истины: открыть ее дѣло историка.

Предположеніе наше выгодно потому, что оно соглашаетъ сказаніе легендъ и Четіи съ выводами новѣйшихъ изыскателей въ пользу того мнѣнія, что св. писаніе впервые переведено было на древне-Болгарское нарѣчіе, мнѣніе, которое съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ силы и прочности.

На обратномъ пути изъ Хазаріи, преподобный Константинъ силою молитвы претворилъ соленую воду въ пресную и достигъ наконецъ Константинополя, ведя съ собою отпущенныхъ Хазарами плѣнниковъ. Здѣсь ожидало преподобныхъ братьевъ новое призваніе. Между 861 и 863 годами, Моравскіе князья Ростиславъ, Святополкъ и Коцелъ (17) прислали къ императору Михаилу посольство и просили себѣ учителя, который научилъ-бы народъ ихъ читать Божественныя книги на родномъ языкѣ и наставилъ бы его въ Христіанскомъ законѣ. Въ 863 году Константинъ и Меѳодій отправились въ Моравію, гдѣ народъ принялъ ихъ съ восторгомъ. Замѣтимъ, что до этого событія подробности повѣствованія находятся въ сказаніяхъ и четіяхъ Восточной Церкви. Съ этого-же происшествія главнымъ источникомъ повѣствованія служатъ западныя легенды.

---

(17) Западныя хроники, а вмѣстѣ съ ними и Шафарикъ въ своей исторіи, говорятъ при этомъ объ одномъ только Ростиславѣ; въ Четіи-Минеи прибавленъ Святополкъ, а у Нестора упоминаются всѣ трое.

Многіе западные писатели, соглашаясь, что Кириллъ и Меѳодій были первоначальными переводчиками книгъ св. писанія, утверждаютъ, что мужи сіи посланы были въ Славянскія земли не отъ Константинопольскаго патріарха, но изъ Рима, отъ папы ([18]). Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда кажется страннымъ, какимъ образомъ Моравскіе князья, бывшіе въ духовной зависимости отъ Римской тіары, могли просить учителей отъ Грековъ; какимъ образомъ самъ папа принялъ учителей этихъ подъ свое покровительство ([19]). Шлецеръ объяснилъ однакожь все это съ должною опредѣлительностью. Моравы, (разумѣя подъ ними подданныхъ обширнаго, кратковременнаго Моравскаго царства, бывшаго въ IX столѣтіи) желая имѣть у себя учителей, которые преподали-бы имъ св. писаніе на ихъ собственномъ языкѣ, не могли обратиться съ просьбою объ этомъ къ папѣ, отъ котораго получали только Латинскихъ учителей. Имъ оставалось просить о Славянскихъ учителяхъ только Константинопольскаго императора и патріарха. Посредствомъ этой новой связи съ Греціей, Моравскіе князья могли даже надѣяться получить помощь противъ Нѣмецкихъ государей, съ которыми они находились тогда въ раздорѣ. Съ другой стороны, Кириллъ и Меѳодій должны были обратиться къ Римскому престолу; потому что власть патріарха Константинопольскаго не простиралась на Моравію, принадлежавшую Римскому папѣ. Наконецъ всему этому не могло препятствовать и раздѣленіе Церквей, которое въ то время еще не было все-

---

([18]) Добнеръ: Annales Bohemorum. Ассемани: Calendaria Ecclesiae universae.

([19]) См. о первоначальномъ переводѣ св. писанія на Славянскій языкъ. Соч. Ор. Новицкаго. Кіевъ. 1837.

общимъ и существовало только между высшими лицами Іерархіи ([20]). Переходимъ теперь къ дальнѣйшимъ слѣдамъ нашихъ первоучителей.

Четыре съ половиною года Константинъ и Меѳодій оставались въ Моравіи, проповѣдывали и отправляли священнослуженіе на Славянскомъ языкѣ. Въ 867 г. папа Николай I потребовалъ ихъ въ Римъ. Братья отправились туда немедленно, но не нашли уже папы Николая въ живыхъ. Онъ умеръ 13-го Ноября 867 года. Въ то-же время ему наслѣдовалъ папа Адріанъ II. Сей послѣдній, узнавъ, что Константинъ несетъ съ собою мощи св. Климента, вышелъ къ нему на встрѣчу за городъ въ сопровожденіи духовенства и народа ([21]). Оба брата, какъ бы изъ благодарности за столь драгоцѣнное приношеніе, говоритъ Добровскій, были посвящены въ епископы, а ученики ихъ, взятые ими съ собою, въ священники и діаконы. При этомъ-же случаѣ папа одобрилъ Славянское богослуженіе и переводъ книгъ св. писанія. Константинъ не принялъ однакожь паствы, быть можетъ потому, что почувствовалъ близкую кончину. Съ согласія папы воспріялъ онъ св. схиму и съ нею имя Кирилла и чрезъ сорокъ дней послѣ того, 13-го Февраля 868 года, умеръ въ Римѣ. Тѣло его торжественно было предано землѣ въ церкви св. Климента въ Римѣ, а память его чествуется Церковью и до нынѣ.

Меѳодій, посвященный въ епископы, не замедлилъ въ томъ-же 868 году возвратиться въ Моравію. Онъ былъ епископомъ цѣлой страны (Episcopus regionarius), а потому у себя въ паствѣ не имѣлъ

([20]) Шлецеровъ Несторъ въ Русск. переводѣ часть 2, глава 10. — Новицкій. стр. 15.

([21]) Добровскій: Кирилъ и Меѳодій. стр. 51 и 52.

постояннаго мѣстопребыванія, хотя позднѣйшія легенды мѣстомъ его обыкновеннаго жительства назначаютъ Велеградъ, который съ тѣмъ вмѣстѣ признаютъ и главнымъ городомъ всего королевства. Поелику однакожь древнѣйшія легенды умалчиваютъ объ этомъ, то мы не можемъ съ достовѣрностью принимать ни Велеградъ, въ области Ростислава, ни Мораву, въ Панонін, за мѣсто епископской каѳедры Меѳодія. Мы можемъ только титуловать его епископомъ Моравскимъ и Паннонскимъ, какъ называлъ его папа Іоаннъ VIII въ своихъ письмахъ (22).

Чрезъ годъ послѣ обратнаго прибытія Меѳодія въ Моравію, здѣсь начались ужасныя распри. Въ 869 году, Карломанъ напалъ на Ростислава Моравскаго и разбилъ его. Святополкъ, племянникъ Ростислава, измѣнилъ ему и передался, со всею своею землею, на сторону Германцевъ, его враговъ и побѣдителей. Вскорѣ Святополкъ до того простеръ свою злобу противъ дяди, что взялъ его въ плѣнъ и предалъ Карломану въ 870 году. Несчастный Ростиславъ былъ отведенъ въ оковахъ въ Регенсбургъ и тамъ осужденъ на смерть. Но императоръ Людовикъ даровалъ ему жизнь, повелѣлъ ослѣпить его и заключить въ монастырь, гдѣ онъ и умеръ. Вѣроломный Святополкъ, въ свою очередь, сдѣлался подозрителенъ Нѣмецкому Двору и былъ также заключенъ. Между тѣмъ, Моравы, оставшись безъ царя, заставили принять правленіе ближайшаго родственника Святополкова, Славоміра, который напрасно усиливался изгнать Нѣмцевъ изъ завоеванныхъ ими мѣстъ. Негодуя на Славоміра, Нѣмцы выпустили Святополка, тѣмъ болѣе, что

(22) Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. von Schaffarik. Ofen. 1826 стр. 87.

никто не могъ изобличить его въ измѣнѣ или невѣрности. Предводительствуя Баварцами, Святополкъ вошелъ въ Моравію, свой родовой удѣлъ; но при осадѣ одного укрѣпленнаго мѣста, перешелъ на сторону своихъ соотечественниковъ, разсѣялъ Баварцевъ и сдѣлался обладателемъ Моравіи ([23]),

Въ это чрезвычайно безпокойное время Меѳодій находился кажется въ областяхъ Коцела ([24]), въ Паннопіи. Здѣсь нашелъ онъ Нѣмецкихъ священниковъ. Поставленные архіепископомъ Зальцбургскимъ, они были слишкомъ недовольны тѣмъ, что народъ принялъ Славянскую литургію, введенную Меѳодіемъ, предпочтительно предъ Латинскою. Зальцбургскіе архіепископы не могли переносить равнодушно упадка власти Латинскихъ священнниковъ и потому всячески старались привести Меѳодія въ подозрѣніе у папы. Его обвиняли въ томъ, что онъ отступаетъ отъ ученія Римской Церкви, ведя народъ къ заблужденіямъ, и учитъ не такъ, какъ обѣщалъ словесно и письменно предъ престоломъ Апостольскимъ. Папы смотрѣли однакожъ на Меѳодія и на введенное имъ Славянское богослуженіе съ другой точки зрѣнія. Стараясь утвердить свое древнее право на Паннонію, принадлежавшую съ древнѣйшихъ временъ Римскому престолу, они находили выгоду въ томъ, чтобы покровительствовать Меѳодію: этимъ могли они ближе удержать Паннонскую эпархію въ своей подчиненности. Не безъ этой цѣли папа Адріянъ поставилъ въ 868 г. Меѳодія епископомъ Паннонскимъ и Моравскимъ. При преемникѣ его Іоаннѣ VIII, Зальцбуржцы обратились

([23]) Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, von Schaffarik. Ofen. 1826.

([24]) Иные называютъ его Hezilo; у Рапча: Кочулъ.

съ доказательствами правъ своихъ на Паннонію, не къ самому ему, а къ императору Людовику и сыну его Карломану, которымъ папа отвѣчалъ на это двумя посланіями. Въ сихъ послѣднихъ онъ требуетъ, чтобы епископу Меѳодію позволено было отправлять въ Панноніи приличное сану его служеніе свободно и безпрепятственно. Когда однакожь, какъ показано было выше, обвиненія усилились, папа не могъ оставить ихъ безъ вниманія. Въ письмѣ своемъ отъ 14-го Іюня 879 года къ Тувентару, Моравскому князю, онъ убѣждаетъ его держаться ученія Римской Церкви, и говоритъ, что отъ пресвитера Іоанна, посланнаго симъ княземъ въ Римъ, онъ узналъ, что даже самъ Тувентаръ колебался въ истинной вѣрѣ. Если-же, говоритъ папа, епископъ Моравскій или какой-либо священникъ осмѣлится проповѣдывать иначе, то они, воспламененные усердіемъ къ Богу, должны единодушно отвергнуть ложное ученіе и остаться вѣрными преданіямъ апостольскаго престола. Добровскій, въ примѣчаніи къ своему изслѣдованію: «Кириллъ и Меѳодій», справедливо замѣчаетъ, что здѣсь подъ епископомъ нельзя разумѣть никого кромѣ Горазда, посвященнаго, какъ говоритъ преданіе, Меѳодіемъ; потому что Гораздъ, бывъ Грекомъ или Болгариномъ, не во всѣхъ отношеніяхъ училъ такъ какъ Латины: подозрѣваемый въ ереси, онъ былъ удаленъ. Неограничиваясь увѣщаніемъ Тувентара, Іоаннъ VIII собственнымъ посланіемъ своимъ на имя Меѳодія, тогоже года и числа призываетъ его въ Римъ для оправданія, представляя при этомъ и второй предметъ жалобы: Славянскій языкъ при Богослуженіи. Въ слѣдствіе призванія, Меѳодій явился въ Римъ, вмѣстѣ съ повѣреннымъ отъ Святополка Земижизномъ. Изъ личнаго и яснаго донесенія Меѳодіева,

папа узналъ, что онъ исповѣдуетъ и поетъ Сѵмволъ, согласно съ евангельскимъ и апостольскимъ ученіемъ, какъ учитъ Римская Церковь и какъ передали св. отцы; узналъ наконецъ, что Святополкъ и весь народъ его искренно преданы апостольскому престолу. Поэтому Меѳодій оставался въ Римѣ недолго, не болѣе полугода, и былъ посланъ обратно для управленія ввѣренною ему паствою; а народу повелѣно было принять его съ должнымъ почтеніемъ, какъ своего пастыря, коего епископское достоинство утверждено было за нимъ апостольскою властію. Тогда-же папа посвятилъ священника Вихинга, посланнаго Святополкомъ въ Римъ, въ епископы Нитры и повелѣлъ ему быть послушнымъ во всемъ своему архіепископу. Въ тоже время папа пожелалъ, чтобы Святополкъ, съ согласія Меѳодія, прислалъ въ Римъ еще одного священника или діакона, котораго-бы могъ онъ посвятить въ епископы для другой церкви, гдѣ нуженъ будетъ епископскій престолъ. Это дѣлалъ онъ съ тою цѣлію, чтобы въ будущее время архіепископъ съ сими двумя епископами, посвященными отъ папы, могъ ставить епископовъ и въ другія мѣста. Наконецъ папа приказалъ, чтобы священники, діаконы и другія духовныя особы были подвластны и во всемъ послушны архіепископу Меѳодію и не поступали ни въ чемъ безъ его вѣдѣнія. Что касается втораго предмета жалобы, то-есть Славянскаго богослуженія, то Іоаннъ VIII согласился на представленія Меѳодія по этому предмету; похвалилъ Славянскую грамоту, изобрѣтенную философомъ Константиномъ и повелѣлъ, чтобы дѣла Христовы и Слава Господня провозглашались и на языкѣ Славянскомъ. Въ этомъ позволеніи видно, что папа желалъ во первыхъ удержать за собою Славянъ, которые въ случаѣ запрещенія ихъ роднаго языка при

богослуженіи, могли отступить отъ Западной Церкви, а во вторыхъ—сохранить единство Церкви, приведенное въ опасность раздѣленіемъ, которое началъ и поддерживалъ Фотій. Наконецъ Іоаннъ VIII желалъ, быть-можетъ, снова присоединить, посредствомъ этой терпимости, къ Западному патріархату Болгарію, изъ которой въ 870 году должны были удалиться всѣ Латинскіе священники. Впрочемъ, не смотря на все это, папа не хотѣлъ унизить и Латинскаго языка; а потому, въ письмѣ своемъ къ Святополку, онъ повелѣваетъ, чтобы во всѣхъ церквахъ земли его Евангеліе читано было, для большей важности, сперва по-Латыни, а послѣ того для народа по-Славянски.

Около этого же времени (Добровскій полагаетъ, что это было между 874 и 880 годами), Меѳодій крестилъ Богемскаго герцога Боривоя, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ Козьма, спустя 230 лѣтъ послѣ происшествія. Возвратившись въ 880 году въ Моравію, архіепископъ Меѳодій былъ здѣсь худо принятъ, не смотря на одобреніе и грамоты Іоанна VIII. Въ отсутствіи Меѳодія Латинскіе священники овладѣли Святополкомъ, который уже не оказывалъ надлежащаго уваженія первоучителю Славянскому. О неприятностяхъ, встрѣтившихся Меѳодію въ Моравіи, существуютъ довольно неопредѣлительныя преданія: догадываются, что всѣ эти происки противъ Меѳодія были дѣланы подчиненнымъ ему епископомъ Вихингомъ, котораго поддерживалъ самъ князь Святополкъ. Извѣстно только, говоритъ Добровскій, что чрезъ семь мѣсяцевъ по прибытіи своемъ изъ Рима, онъ жаловался папѣ, который и на этотъ разъ далъ ему самый утѣшительный отвѣтъ. Не смотря однакожъ на это, происки, нападки и даже преслѣдованія продолжались: Вихингъ довелъ дѣло до того даже, что Славянскій епископъ Гораздъ

и его приверженцы были изгнаны изъ страны. Тогда Меѳодію, который могъ опасаться, что въ Моравіи поступятъ съ Славянскими священнослужителями такъ, какъ въ 870 году поступлено было съ Латинскими священниками въ Болгаріи, не оставалось думать ни о чемъ болѣе, какъ о томъ, чтобы, для поправленія дѣлъ, снова отправиться въ Римъ, согласно съ позволеніемъ папы. Сей послѣдній обѣщалъ только тогда прекратить распри, когда обиженный явится къ нему лично. Такимъ образомъ Меѳодій не замедлилъ отправиться въ Италію. Здѣсь, какъ думаетъ Добровскій, вскорѣ послѣ прибытія своего въ Римъ, преподобный Меѳодій кончилъ труженическіе, исполненные горестей, дни свои. Послѣ 881 года нигдѣ уже не упоминается о немъ. Архіепископство Меѳодія продолжалось слѣдовательно не долѣе 13 лѣтъ. Шлецеръ полагаетъ, что Меѳодій, возвратившись на этотъ разъ изъ Рима въ Паннонію, спокойно продолжалъ трудиться еще 20 лѣтъ; но мнѣніе это невѣроятно: въ такомъ случаѣ о Меѳодіѣ сохранились-бы какія-либо извѣстія.=

Остается еще важный вопросъ касательно преподобныхъ мужей Солунскихъ; это—какія именно книги св. писанія перевели они на Славянскій языкъ?—Главное затрудненіе при этомъ вопросѣ состоитъ въ томъ, что извѣстія, дошедшія до насъ по этому предмету, неопредѣлительны и неточны. Извѣстія эти принадлежатъ нашему Кіевскому лѣтописцу Нестору, Экзарху Болгарскому Іоанну, Діоклейскому священнику и наконецъ сочинителю древней легенды о Богемской княжнѣ Людмилѣ ([25]).

([25]) Разсужденіе г. Новицкаго: о первоначальномъ переводѣ св. писанія на Славянскій языкъ. Кіевъ. 1837.

Вотъ слова *Нестора*: «преложиста апостолъ и Евангеліе...... «посемъ же преложиста Псалтырь и Октоихъ и прочія книги....... «Меѳодій же посади два попа скрописца зело и преложи вся книги «исполнь отъ Гречьска языка на Словѣнескъ въ шесть мѣсяць...» (26). Ясно, что въ послѣднемъ случаѣ дѣло идетъ не о переводѣ св. писанія попами скорописцами, а о переписаніи ими книгъ уже переведенныхъ, во всей ихъ полнотѣ. Не смотря на это, Шлецеръ и Калайдовичъ, конечно основываясь на выраженіи: «*вся книги исполнь*», полагаютъ, что Кирилломъ и Меѳодіемъ переведены были всѣ священныя книги. Во всякомъ случаѣ выраженіе это имѣетъ только мнимую опредѣлительность, потому именно, что легко можетъ относиться къ той только части св. книгъ, которая потомъ списана была попами скорописцами или, какъ названы они въ Кенигсбергскомъ спискѣ, борзописцами.

Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, писатель конца IX и начала X столѣтія въ предисловіи къ своему переводу сочиненія Іоанна Дамаскина: «*Небеса*» говоритъ слѣдующее: «а великый Божии архіепискоупъ Меѳодии, братъ іего прѣложи *вся оуставныя книгы* 60 отъ Елиньска «языка, іеже іесть Грьчьскъ въ Словѣньскъ».—Спрашивается, какія книги должно разумѣть въ этомъ случаѣ подъ уставными? Извѣстно, что въ различныя времена и въ различныхъ Церквахъ, число уставныхъ или каноническихъ книгъ было различно. Покрайней мѣрѣ, касательно подробностей и дальнѣйшихъ распространеній, тутъ опять поводъ къ различнымъ толкованіямъ; опять тѣ-же несогласія, та-же неопредѣленность. Извѣстно притомъ, что нѣкото-

(26) См. Лѣтопись Нестора по списку Мниха Лаврентія. Москва. 1824.

рые изъ новыхъ писателей сомнѣваются въ самомъ вѣкѣ Іоанна Экзарха и относятъ его не къ X, но къ XII столѣтію.

Изъ западныхъ писателей, *Діоклейскій священникъ*, жившій въ половинѣ XII столѣтія, равно какъ и сочинитель древней *легенды о Богемской княжнѣ Людмилѣ*, говоритъ, что «Константинъ, составивъ Славянскую азбуку, перевелъ съ Греческаго языка на Славянскій, Благовѣстіе Христово, Псалтырь и всѣ св. книги Ветхаго «и Новаго Завѣта». Преданіе это высказано со всею опредѣлительностію; но можемъ ли мы во всемъ положиться на слова Діоклейца и сочинителя легенды? Справедливо на вопросъ этотъ отвѣчаетъ г. Новицкій ([27]): «оба они, незнакомые съ Греческимъ подлинникомъ, а можетъ быть и съ языкомъ Славянскимъ, могли-ли не признать перевода Славянской библіи полнымъ, хотя не доставало въ немъ нѣсколькихъ книгъ, особенно когда они не дѣлали критическихъ разысканій по этому предмету и руководствовались только слухомъ и голосомъ чужимъ?»

Наконецъ въ *Четіи-Минеи*, гдѣ вообще всѣ свѣдѣнія о жизни Кирилла и Меѳодія изложены въ подробности, о переводѣ ихъ сказано весьма неопредѣлительно. Она говоритъ, что по смерти Кирилла, Меѳодій «еще книгъ множество съ Греческа языка на Славенскій переведе».

Что-же однакожъ заключимъ мы изъ всѣхъ этихъ преданій? Въ томъ, что они въ основѣ своей достовѣрны, мы не можемъ сомнѣваться; а потому заключеніе это мы вправѣ сдѣлать. Нѣтъ сомнѣнія, что со всею достовѣрностью, мы не въ состояніи исчислить въ по-

---

([27]) О первоначальномъ переводѣ св. писанія на Славянскій языкъ.

дробности, какія именно книги переведены были Кирилломъ и Меѳодіемъ; но опредѣлительно можемъ сказать, что первымъ, а особенно вторымъ изъ нихъ, переведена была съ Греческаго языка на Славянскій значительная часть книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта; что ими переведены были книги и службы, существенно необходимыя при литургіи и другихъ священнодѣйствіяхъ. Наконецъ еще разъ должны мы признать первоучителей Славянскихъ образователями священнослуженія на Славянскомъ языкѣ и родоначальниками Церковно-Славянской письменности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

На какое из Славянскихъ нарѣчій совершенъ былъ переводъ книгъ св. писанія? различныя мнѣнія ученыхъ по этому предмету.

На вопросъ: какое изъ различныхъ Славянскихъ нарѣчій послужило основою перевода книгъ св.-писанія, совершеннаго Кирилломъ и Меѳодіемъ? ученые изыскатели отвѣчали разично. Изложимъ ихъ мнѣнія и въ-заключеніе представимъ то, которое есть господствующее въ наше время и кажется наиболѣе вѣроятнымъ. Замѣтимъ однакожь предварительно, что ни одно изъ нынѣшнихъ Славянскихъ нарѣчій, въ своемъ настоящемъ видѣ, не можетъ прямо и исключительно предъявлять своихъ правъ на эту честь: всѣ они не сохранились до нашего времени въ своихъ первобытныхъ формахъ, а измѣнились съ теченіемъ времени. Причины этого измѣненія заключаются, во первыхъ, въ полнѣйшемъ развитіи ими своихъ собственныхъ началъ, въ Грамматикѣ и Словарѣ, а во вторыхъ, въ иноземныхъ вліяніяхъ, которымъ почти всѣ они подверглись.

Шафарикъ дѣлитъ всѣ мнѣнія по этому предмету на два главные отдѣла. Къ первому изъ нихъ онъ относитъ всѣ тѣ предположенія, по коимъ переводъ совершенъ былъ на коренный обще-Славянскій языкъ; а ко второму—мнѣнія, что онъ былъ сдѣланъ на то или другое изъ нарѣчій Славянскихъ въ-частности.

Раковецкій, *Карамзинъ* и *Калайдовичъ* слѣдовали тому мнѣнію, что книги св. писанія переведены были Кирилломъ и Меѳодіемъ на общій Славянскій, слѣдовательно всѣмъ племенамъ равно понятный языкъ. Эти ученые, равно какъ и другіе, слѣдовавшіе той-же мысли, обыкновенно ссылались на слова Нестора, который говоритъ просто, что переводъ книгъ св. писанія сдѣланъ былъ на языкъ Славянскій. Касательно *Карамзина* здѣсь необходимо замѣтить, что изъ «Исторіи Государства Россійскаго» (1) не видно съ ясностію, что-бы авторъ ея рѣшительно держался этого мнѣнія, хотя посредствомъ умозаключенія это можно вывести изъ его словъ. Что касается *Калайдовича*, то онъ думаетъ такимъ образомъ только въ своемъ разсужденіи «о древнемъ Славянскомъ языкѣ». Въ послѣдствіи-же, въ «Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ», онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи уступки въ пользу Моравскаго нарѣчія. Большая часть доказательствъ *Раковецкаго*, какъ это мы видѣли въ первой главѣ настоящаго изслѣдованія, есть апріористическая, и основывается на томъ, что переводъ начатъ былъ за-долго до Солунскихъ братьевъ, которые, по мнѣнію его, были только продолжателями въ этомъ дѣлѣ. Конечно мнѣніе это находитъ подтвержденіе въ различныхъ обстоятельствахъ. Нельзя напримѣръ отрицать, что въ IX столѣтіи различныя нарѣчія Славянскія дѣйствительно имѣли между собою болѣе сходства, нежели нынѣ. Должно также обратить вниманіе на слова Нестора (2), Діоклейца, Четіи-Ми-

---

(1) Исторія Государства Россійскаго. Томъ I, страницы 140 и 141.

(2) Несторъ: «симъ бо первое преложены книгы въ Моравѣ, яже прозвася грамота *Словеньска*, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ.»

нен ([3]) и сочинителя легенды о Людмилѣ, которые всѣ говорятъ просто, что книги св. писанія переведены были на Славянскій языкъ; но не упоминаютъ, на какое именно изъ нарѣчій его. Наконецъ важно и то обстоятельство, что переводъ такъ легко распространился между Моравами, Болгарами, Сербами и Русью.

Тѣмъ не менѣе однакожь всѣ сіи обстоятельства недостаточны для того, чтобы вполнѣ утвердить предположеніе. Раковецкаго Извѣстно, что еще за-долго до IX-го столѣтія Славяне дѣлились на Антовъ, Венедовъ и собственно Славянъ. Поколѣнія эти конечно отличались между собою и по языку. Извѣстно далѣе, что въ IX столѣтіи изъ Славянскихъ племенъ начали уже образовываться отдѣльныя, самобытныя государства, а образованіе это необходимо должно было вести за собою и различіе въ языкѣ и другихъ условіяхъ народности. Значительное различіе Славянскихъ нарѣчій въ эти времена подтверждается еще тѣмъ, что мы находимъ его въ древнѣйшихъ памятникахъ Славянской письменности. Припомнимъ только различіе въ языкѣ между Краледворской рукописью и между древнимъ Польскимъ переводомъ молитвы ко Пресвятой Богородицѣ, равно какъ и въ языкѣ Іоанна Экзарха Болгарскаго отъ языка въ Несторѣ, Словѣ о Полку Игоревѣ и другихъ памятникахъ древней Славянской письменности. Очень естественно и понятно также, почему Несторъ и другіе не означаютъ съ точностію—на какое именно нарѣчіе переведены были книги св. писанія. Во-первыхъ вопросъ этотъ не имѣлъ тогда особой важности; во-вторыхъ

([3]) Четія-Минея: «и всѣ къ Церковному правилу потребныя книги съ Греческаго *на Славянское чтеніе* переведоша.»

и во время Нестора, чтобъ говорить о немъ, нельзя было обойтись безъ разысканій, которыхъ, какъ можно предполагать, онъ не дѣлалъ; въ-третьихъ — Церковный языкъ, по многоразличнымъ заимствованіямъ изъ Греческаго, не представлялъ и тогда буквальнаго согласія ни съ однимъ изъ нарѣчій Славянскихъ, а содержалъ корни всѣмъ имъ принадлежащіе. По этимъ причинамъ Несторъ и его современники не могли въ этомъ случаѣ употребить другаго выраженія, кромѣ: «языкъ Славянскій». Слово это вполнѣ выражало языкъ перевода и, содержа въ себѣ нѣкоторую возвышенность значенія, совершенно соотвѣтствовало возвышенности Церкви и ея словесъ.

Понятность-же перевода для всѣхъ Славянскихъ племенъ объясняется весьма легко. Во-первыхъ, переводъ этотъ былъ въ употребленіи преимущественно у Славянъ восточныхъ, то есть: Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ. Богемцы и Поляки, наиболѣе отличающіеся разностью языка отъ прочихъ Славянъ, не употребляли его. Съ своей стороны Моравы, обратясь вскорѣ къ Католичеству и Латинской литургіи, не долго пользовались имъ. При-томъ въ IX столѣтіи Моравія—обширное царство извѣстнаго Святополка Моравскаго—обнимала собою несравненно большее пространство, нежели теперь; пространство, въ которомъ жили и другіе Славяне. Во-вторыхъ—каждый Болгаринъ, Русскій и Сербъ долженъ былъ не только читать, но въ извѣстной мѣрѣ изучать книги св. писанія, потому что переводъ сдѣланъ былъ буквально и съ сохраненіемъ многихъ Греческихъ словъ, такъ что основное нарѣчіе перевода находилось въ немъ все-таки не во всей чистотѣ. При изученіи, производившемся съ пособіемъ духовныхъ лицъ, болѣе или менѣе образованныхъ, читавшій, по корнямъ и общему смыслу рѣчи, объяснялъ себѣ то, что было чуждо его род-

ному нарѣчію, какъ это теперь видимъ мы въ примѣрѣ нашихъ простолюдиновъ. Еще болѣе разительнымъ доказательствомъ того, что языкъ церковныхъ книгъ, будучи нарѣчіемъ одного какого-либо племени Славянскаго, могъ быть понятенъ и для всѣхъ Славянъ, служитъ то обстоятельство, какъ легко распространились въ Сербіи и вообще въ Славянскихъ, при-Дунайскихъ земляхъ церковныя книги нашей Русской редакціи и нашей Кіевской и Московской печати: книги этѣ, подвергшись разнымъ измѣненіямъ въ редакціяхъ XVI и XVII столѣтій, конечно были отличны отъ первоначальныхъ Кирилловскихъ церковныхъ книгъ, а между-тѣмъ все-таки остались понятны для Русскихъ, какъ и для при-Дунайскихъ Славянъ. Такимъ образомъ, въ противность мнѣнію Раковецкаго, мы видимъ, что книги св. писанія, по всей вѣроятности, были переведены на одно какое-либо изъ частныхъ нарѣчій Славянскихъ, и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ могли быть понятны и другимъ племенамъ.

Переходимъ ко мнѣніямъ, въ слѣдствіе коихъ языкъ перевода приписывается тому или другому изъ нарѣчій Славянскихъ въ отдѣльности.

Коль, первый профессоръ Церковной Исторіи и Словесности при Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ, думалъ, что книги св. писанія переведены были на *Южно-Русскій* языкъ. Въ мнѣніи своемъ, по словамъ Шафарика, онъ основывался на свидѣтельствѣ двухъ Русскихъ, изъ которыхъ одинъ увѣрялъ его, что въ Славоніи, между Савою и Дравою, говорятъ съ немногими различіями тѣмъ-же языкомъ, который находимъ въ книгахъ св. писанія; а другой, что Кіево-Украинское нарѣчіе есть самое близкое къ древнему церковному. Очевидно, мнѣніе это, при такихъ основаніяхъ, не заслужи-

ваетъ никакого уваженія, хотя, при историческомъ изложеніи, не излишне упомянуть и о немъ.

Рагузинецъ *Стефанъ Роза*, по словамъ Добровскаго [4] и Шафарика [5], почитаетъ даже Кирилловъ переводъ не чисто Славянскимъ, по причинѣ какихъ-то примѣшанныхъ въ него Ѳракійскихъ словъ. Г. Новицкій [6] даетъ однакожъ нѣкоторую цѣну этому мнѣнію, хотя, какъ думаемъ мы, тутъ слѣдовало-бы прежде всего съ точностью опредѣлить, что должно разумѣть подъ этими Ѳракійскими словами.

Митрополитъ Евгеній и *Калайдовичъ*, позднѣе, въ своемъ «Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ», принимали основаніемъ церковнаго языка Моравское нарѣчіе. Вотъ слова митрополита Евгенія [7]: «Извѣстно, что Константинъ и Меѳодій были учителями особенно Моравскихъ и Болгарскихъ Славянъ. Посему ближе всего заключить, что они должны были писать на ихъ и для нихъ внятномъ нарѣчіи.... Даже, если-бы предположить, что Константинъ и Меѳодій имѣли въ Солуни случай научиться сперва Сербскому нарѣчію; то по прибытіи къ Моравамъ могли они удобно перенять и Моравское, по причинѣ тогдашняго еще недальняго разнства нарѣчій Славянскихъ, а не Моравовъ переучивать на Сербское.» Мнѣніе это нашло для себя противника въ Добровскомъ. Онъ находитъ, что Моравское нарѣчіе,

---

(4) Кириллъ и Меѳодій; страница 100.

(5) Geschichte der slawischen Sprache und Literatur etc. страница 99.

(6) О первоначальномъ переводѣ св. писанія etc. страница 38.

(7) Историческій Словарь о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. Часть 2. страница 66 — 67.

по лексическому и грамматическому образованію, относится къ другой отрасли Славянскихъ нарѣчій, нежели нашъ церковный языкъ, близко подходящій къ Русскому, Болгарскому и Сербскому, но рѣзко отличающійся отъ Богемскаго, Моравскаго и Польскаго нарѣчій. Добровскій утверждаетъ даже, что языкъ Кирилловскихъ книгъ не могъ быть вполнѣ понятенъ Моравамъ. «Славянскія церковныя книги, говоритъ онъ, перешли не изъ Моравіи къ Болгарамъ, но на-оборотъ, чрезъ Кирилла и Меѳодія, изъ Болгаріи въ Моравію, а послѣ уже изъ Болгаріи и Сербіи распространились и въ Россіи». Замѣтимъ однакожь, что, по тѣмъ причинамъ, кои показаны были нами выше, и Моравы могли понимать языкъ Кирилла и Меѳодія. Въ послѣднее время своей жизни, преосвященный Евгеній, кажется, отклонялся отъ этого мнѣнія и подавалъ по этому предмету голосъ въ пользу Болгарскаго нарѣчія. Калайдовичъ (8) полагалъ, что основой Церковно-Славянскому нарѣчію послужилъ языкъ, употреблявшійся въ IX вѣкѣ у Моравовъ и бывшій общимъ для Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ и вѣроятно для другихъ однородныхъ племенъ. Но въ вышеозначенныхъ положеніяхъ Добровскаго заключается опроверженіе и этой мысли.

І. Хр. Іорданъ (9), священникъ *Далимилъ* (10) и *Чапловичъ* (11) дума-

---

(8) Іоаннъ Экзархъ Болгарскій. Страница 8.

(9) Въ своемъ сочиненіи: De origine Slavorum страница 127, онъ говоритъ: Hungaro Slavonicam seu Hungariae Slovaconum dialectum inter omnes ad Slavonicam accedentes proximam linguae matri esse. Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ этого-же сочиненія онъ склоняется въ пользу Болгарскаго нарѣчія.

(10) Далимилъ отзывается по этому предмету такъ: His Hungariae incolis merito adhaesit nomen Slowak, quum praecipue hi linguam Slavonicam videantur retinuisse.

(11) Slavonien und Kroatien. Theil I. S. 219—220. Чапловичъ, основываясь, какъ гово-

ли, что церковный языкъ имѣлъ свое начало въ нарѣчіи Словаковъ, обитающихъ въ нынѣшней Венгріи. Основаніемъ этого мнѣнія служатъ слѣдующія данныя: а) Моравія, кратковременное, но вмѣстѣ и обширное владѣніе Святополка, обнимало собою почти всю землю нынѣшнихъ Словаковъ, а извѣстно, что Меѳодій всего долѣе оставался во владѣніяхъ этого государя. b) Сказаніе Нестора, подтверждаемое и другими лѣтописцами, что Дунайскіе Славяне суть праотцы сѣверныхъ переселенцовъ своего племени. с) Грамматическая и лексическая близость нынѣшняго простонароднаго ([12]), Словакскаго нарѣчія съ языкомъ церковнымъ. По мнѣнію Шафарика ([13]), близость эта особенно видна въ собственно Словакскомъ нарѣчіи, то есть въ томъ, которымъ говорятъ въ воеводствахъ: Турошѣ, Арвѣ, Липтау, Солѣ, Барсѣ, Неоградѣ, Пестѣ, Борсодѣ и Гемерѣ. Вообще Шафарикъ даетъ мнѣнію Чапловича значительную цѣнность и, какъ думаютъ многіе, не безъ основанія. Жаль, что вопроса этого никто не изслѣдовалъ въ подробности.

Копитаръ и *Гриммъ*, одни изъ извѣстнѣйшихъ Славянистовъ нашего времени, думаютъ, что Крайно-Виндское нарѣчіе приняло главное участіе въ образованіи Церковно-Славянскаго языка. Первый изъ сихъ ученыхъ сначала полагалъ, что первона-

---

ритъ объ этомъ Шафарикъ, на своихъ многолѣтнихъ наблюденіяхъ надъ нынѣшнимъ Сербскимъ нарѣчіемъ, пишетъ: «Нынѣшніе Сербы въ Славоніи и Кроаціи говорятъ языкомъ, который отличается отъ ихъ церковнаго языка точно также, какъ Итальянскій отъ Латинскаго. Къ церковному языку несравненно ближе Словакское нарѣчіе. Словакъ понимаетъ болѣе Евангеліе, нежели тотъ Сербъ, который особо не изучалъ церковнаго языка.»

([12]) Письменный языкъ, употребляемый Словаками, есть Богемскій.

([13]) Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, pag. 377.

чальный Сербскій языкъ далъ собою основу нарѣчію церковному; но потомъ, въ 1822 году, разбирая Добровскаго «Грамматику языка Славянскаго по древнему нарѣчію», перемѣнилъ это мнѣніе на вышеозначенное. Вотъ основныя положенія этого мнѣнія. Карантаны или Крайнцы на верхнемъ, а Болгаре на нижнемъ Дунаѣ поселились прежде другихъ Славянскихъ племенъ въ мѣстахъ, прилежащихъ этой рѣкѣ. Только чрезъ два столѣтія затѣмъ слѣдовали поселенія Кроатовъ и Сербовъ. Эти южные Славяне получили Христіанство чрезъ Аквилею и Зальцбургъ, а потомъ, около 863 года, явились къ нимъ преподобные Константинъ и Меѳодій и распространили между ними богослуженіе на Славянскомъ языкѣ. Богослуженію этому нынѣ внимаютъ болѣе тридцати шести милліоновъ Славянъ въ Россіи, Венгріи, Болгаріи, Сербіи, Босніи, Черногоріи и частью въ Далмаціи, Кроаціи и Славоніи. Только въ собственной епархіи Меѳодія, у Паннонскихъ или, употребляя выраженіе Среднихъ вѣковъ, у Карантанскихъ Славянъ оно вышло изъ употребленія. «Удивительно-ли, говорятъ Копитаръ и Гриммъ, что ученые нашего времени ищутъ начала Церковно-Славянскаго языка всюду, кромѣ его собственнаго источника, забывая о бѣдной Карантано-Виндской письменности... Ближайшими соперниками сего послѣдняго нарѣчія въ переводѣ книгъ св. писанія служатъ нарѣчія Болгарское и Сербо-Иллирійское; но, если мы сообразимъ нѣкоторыя обстоятельства, то первенство въ этомъ случаѣ,—продолжаютъ они,—останется не за Болгарскимъ и не за Сербскимъ, а за Карантано-Виндскимъ нарѣчіемъ. Вотъ эти обстоятельства. а) По берегамъ рѣкъ Савы, Дравы, Мура и Раба, на югъ отъ Дуная, въ древней Панноніи, гдѣ Меѳодій оставался всего долѣе, живетъ полтора милліона древнѣйшихъ Славянъ, кото-

рыхъ языкъ и теперь еще несравненно ближе къ церковному, нежели языкъ Иллирійскихъ Славянъ, истина, въ которой легко убѣдиться при небольшомъ сравненіи одного какого либо текста на Иллирійскомъ, Крайнскомъ и церковномъ нарѣчіяхъ. b) Кириллъ и Меѳодій никогда не жили въ Сербіи, а чрезъ Болгарію только проѣзжали. c) Хроники и легенды говорятъ только объ обращеніи Хазаровъ и Паннонскихъ и Моравскихъ Славянъ, а умалчиваютъ по этому предмету о Сербахъ. d) Если Сербы, столь-же мало какъ и Хазары, могутъ имѣть притязаній на то, чтобъ считать Меѳодія своимъ первоучителемъ, то все право на это остается за Болгарами и Паннонскими Славянами; но и первые изъ сихъ послѣднихъ не могутъ удержать его за собою, какъ это видно изъ послѣдняго Копитарова доказательства. e) Оно состоитъ въ сходствѣ языка Церковно-Славянскаго съ Карантано-Виндскимъ ([14]), равно-какъ и въ германизмахъ, которые будто-бы встрѣчаются въ ихъ обоихъ. Эти германизмы, по словамъ Копитара, могли быть въ употребленіи только у обитателей Панноніи, а не Мизіи,-обстоятельство, исключающее Болгаръ изъ соисканія. Мнѣніе Копитара было принято Гриммомъ въ его предисловіи къ Сербской грамматикѣ Вука Стефановича (Лейпцигъ. 1824). — Мы думаемъ однакожь, что оно не заслуживаетъ полнаго одобренія. Первые пять изъ вышеозначенныхъ основаній слишкомъ неопредѣлительны: по-крайней-мѣрѣ, они не представляютъ собою, если можно такъ выразиться, фундаментальной прочности,

([14]) Одинъ изъ ученѣйшихъ соотечественниковъ нашихъ, недавно бывшій въ Западно-Славянскихъ земляхъ, подтверждалъ это сходство и въ примѣръ указывалъ на слова *гряди семо*, слышанныя имъ въ Крайнѣ.

слишкомъ частны и могутъ быть оспариваемы. Послѣднее-же, и притомъ главнѣйшее, очевидно нелѣпо. Кто до Копитара и послѣ него находилъ германизмы въ нашихъ православныхъ книгахъ св. писанія? и что это за германизмы? — *олтарь*, *крестъ*, *крестить*, *оцетъ*, *псалтирь*, *монахъ*, *церковь*, *постъ*, *столъ*, *уповати* (будто-бы отъ hoffen?!) *пенязь*, *плугъ*. Корни первыхъ четырехъ словъ находятся въ языкѣ Латинскомъ, трехъ слѣдующихъ въ Греческомъ; а корни остальныхъ словъ не общи-ли равно Германскому, какъ и Славянскому языкамъ? Это, по всей очевидности, прародительское достояніе. Наконецъ, если слово *попъ* и взято съ запада, то что̀ можетъ доказать собою одно слово? Притомъ въ св. писаніи оно и не встрѣчается.

Имя знаменитаго аббата *Добровскаго* стоитъ во главѣ ученій о томъ, что книги св. писанія переведены были на *Сербское* нарѣчіе, хотя въ послѣдствіи онъ и измѣнилъ свое мнѣніе по сему предмету. Этому-же, прежде и послѣ Добровскаго, слѣдовали: *Соларичъ*, *Матвѣй Мѣховита*, *Дольчи*, *Энгель*, *Бекъ*, *Луцій*, *Шенлебенъ*, сначала *Каченовскій*, *Полевой*, *Гречь* и другіе. Добровскій приступилъ къ изслѣдованію этого вопроса, какъ ученый критикъ. Разсмотрѣвъ внутреннія основанія Славянскихъ нарѣчій, онъ раздѣлилъ ихъ на двѣ отрасли: на юго-восточную, къ которой отнесъ Русское, Болгарское, Сербское, Далматское, Кроатское и Виндское нарѣчія, и на сѣверо-западную, къ которой причислилъ нарѣчія Польское, Богемское, Словакское и Сербо-Виндское въ Лузаціи. Онъ нашелъ далѣе, что Славяне первой отрасли понимаютъ несравненно легче церковный языкъ, нежели Славяне второй изъ нихъ. Церковный языкъ относится, по его мнѣнію, къ Русскому, Сербскому, Болгарскому и

другимъ не какъ родъ къ своимъ видамъ, но сораздѣляется съ ними и есть въ отношеніи къ нимъ такой-же видъ, хотя образовался изъ древле-Сербскаго языка. Сей послѣдній, продолжаетъ онъ, былъ въ употребленіи въ IX столѣтіи по правому берегу Дуная отъ Бѣлграда на Востокъ до Чернаго, на Западъ до Адріатическаго морей, а на Югъ отъ Дуная до Өессаловикъ, гдѣ Кириллъ и Меөодій могли выучиться ему еще въ молодости ([15]). Такъ думалъ Добровскій еще въ 1808 году. Чрезъ 15 лѣтъ послѣ-того, при изданіи «Кирилла и Меөодія» утверждалъ онъ почти тоже, но уже съ измѣненіями. «При обработываніи Славянской грамматики, я рачительно сличалъ новыя редакціи съ древними рукописями, говоритъ онъ, и посредствомъ этого сличенія убѣждался болѣе и болѣе, что языкомъ Кирилла и Меөодія было древнее Сербо-Болгаро-Македонское нарѣчіе, которое тогда еще не раздѣлилось и не исказилось примѣсью чужаго, и остаюсь въ этомъ убѣжденіи, не смотря на новое изслѣдованіе Калайдовича, и проч.» Уступка эта довольно важна и клонится въ пользу Болгарскаго нарѣчія, какъ видно изъ послѣднихъ словъ той-же главы въ «Кириллѣ и Меөодіѣ», гдѣ Добровскій говоритъ, что Славянскія церковныя книги перешли изъ Болгаріи въ Моравію, а потомъ уже изъ Болгаріи и Сербіи въ Россію ([16]). *Соларичъ* писалъ въ пользу перваго мнѣнія Добровскаго, съ патріотическимъ жаромъ, а потому пристрастно ([17]). Къ тому-же у него всюду явный

([15]) Slawin v. S. Dobrowsky. Prag. 1808. in 12° Статья: Ueber die Altslawische Sprache nach Schlözer.

([16]) Добровскій: Кириллъ и Меөодій. Въ Нѣмецкомъ подлинникѣ страница 136; въ Русскомъ переводѣ страницы 100 и 101.

([17]) Rimliani Slawenstwowawsi. 1818. in 8°.

недостатокъ въ положительныхъ данныхъ и фактахъ. Вообще должно замѣтить, что однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ доказательствъ въ пользу того, что книги св. писанія переведены на первоначальное Сербское нарѣчіе, служитъ обстоятельство, что Кириллъ и Меѳодій были родомъ изъ Солуни (нынѣшнихъ Ѳессалоникъ), города, населеннаго въ то время Сербами, и что слѣдовательно, воспитавшись среди Сербовъ, они должны были прежде всего узнать это нарѣчіе. Мѣсто рожденія Кирилла и Меѳодія не есть однакожь дѣло важное, относительно вопроса о сдѣланномъ ими переводѣ, потому что все образованіе свое они получили въ Константинополѣ и только въ послѣдствіи выучились окончательно Славянскому языку. При-томъ, по увѣренію г. Априлова ([18]), въ Ѳессалоникахъ живутъ нынѣ потомки Славянъ, издревле здѣсь обитавшихъ, и это Болгаре, а не Сербы. Что касается наконецъ филологической близости Сербскаго нарѣчія съ церковнымъ, то она не такъ значительна и важна, тѣмъ болѣе, что Болгарское нарѣчіе имѣетъ на это гораздо болѣе правъ, какъ увидимъ ниже.

Въ наше время, по поводу разсматриваемаго нами предмета, большая часть ученыхъ соединяетъ голоса свои въ пользу *Болгарскаго* нарѣчія. По-крайней-мѣрѣ, сюда должно отнести имена: *Шлецера*([19]), родоначальника этого мнѣнія, и гг. *Востокова*, *Максимовича*, *Шевырева*, *Венелина*, *Новицкаго*, *Погодина*, *Априлова*, *Бодянскаго* и *Шафарика*, который впрочемъ прежде въ своей «Исторіи Славянскаго

([18]) «Болгарскіе книжники» или какому Славянскому племени собственно принадлежитъ Кирилловская азбука? соч. Вас. Априлова. Одесса. 1841.

([19]) Смотри его: Nordische Geschichte.

языка и литературы по всѣмъ нарѣчіямъ» ([20]), считалъ, согласно съ Добровскимъ, основою нашего церковнаго нарѣчія то, которымъ въ древности Славяне говорили во Ѳракіи, Македоніи и Иллиріи, а потомъ уже, въ своихъ «Славянскихъ древностяхъ (§ 30)», склонился въ пользу Болгарскаго нарѣчія. Съ своей стороны мы также послѣдуемъ въ этомъ случаѣ за Шлецеромъ, потому что ни одно изъ прочихъ мнѣній, по всѣмъ соображеніямъ, не имѣетъ въ свою пользу столь много разнообразныхъ и сильныхъ данныхъ.

Данныя эти состоятъ въ доказательствахъ трехъ родовъ, кои суть: 1) историческія, 2) филологическія и 3) доказательства древними свидѣтельствами.

Доказательства *историческія*. 1. Въ 858 году въ Константинополь, къ императору Михаилу прибыло посольство отъ Хазаръ съ просьбою — прислать къ нимъ кого нибудь для наставленія въ вѣрѣ Христіанской. Дѣло обращенія поручено было Константину Ѳессалоникскому. Подробное сказаніе объ этомъ, какъ было показано въ предыдущей главѣ, находимъ въ Четіи-Минеи, изъ которой между-прочимъ узнаемъ еще, что Константинъ и Меѳодій, «достигше до Херсона, «града Хазаромъ *сопредѣльнаго*, умедлиша тамо время довольно, «дондеже изучишася добрѣ языку Хазарскому, бесѣдоваху бо Ха-«зары языкомъ Славенскимъ». Извѣстно, что Болгаре жили въ мѣстахъ сопредѣльныхъ Хазарамъ, а ученый Френъ замѣчаетъ даже, что языкъ сихъ послѣднихъ былъ схожъ съ Болгарскимъ, хотя и отличенъ отъ языка Руссовъ. На этомъ основаніи, г. Но-

---

([20]) Страница 118.

вицкій ([21]) дѣлаетъ прямое заключеніе, что Кириллъ и Меѳодій должны были перевесть св. писаніе на то Славянское нарѣчіе, которому изучились «добрѣ», т. е. на Хазарское, или, по ближайшему его сходству, на Болгарское. По нашему мнѣнію однакожь такъ рѣшительно нельзя дѣлать этого вывода, потому что совершенная близость Хазарскаго нарѣчія съ Болгарскимъ не доказана еще въ ученомъ мірѣ, а вышеприведенныя данныя слишкомъ недостаточны для этого. Пока довольно и того, что изъ словъ Четіи-Минеи и изъ преданія о крещеніи Хазаръ мы видимъ, что Кириллъ и Меѳодій были въ Болгаріи или вообще у какого-либо Славянскаго народа восточной отрасли прежде, нежели въ Моравіи и Панноніи, и что они изучили языкъ Славянскій именно здѣсь. Далѣе, Четія-Минея разумѣетъ подъ Хазарами Славянъ. Справедлива-ли она въ этомъ случаѣ или нѣтъ — все однакожь изъ ея сказаній очевидно слѣдуетъ, какъ показано было въ предыдущей главѣ, что подъ призваніемъ Кирилла и Меѳодія въ Хазарію, должно разумѣть призваніе ихъ въ какую-либо Славянскую землю и вѣроятно въ Болгарію. Если-же при этомъ вспомнимъ о крещеніи Болгарскаго царя Богориса, почти современномъ преданію о призваніи Кирилла и Меѳодія въ Хазарію; то предположенія наши получатъ новую силу. 2. Гораздо важнѣе однакожь доказательство, представляемое Шафарикомъ, переведенное Бодянскимъ и повторенное Максимовичемъ. Оно состоитъ въ томъ, что въ VII и послѣдующихъ столѣтіяхъ Мизія или сѣверная часть древней Македоніи называлась двояко: во-первыхъ своимъ древнимъ именемъ Славиніей, по Славянамъ,

---

([21]) О переводѣ книгъ св. писанія. Кіевъ. 1837. страница 35.

искони обитавшимъ въ ней, а во-вторыхъ Болгаріей, по Урало-Чудскимъ Болгарамъ, покорившимъ ее въ VII столѣтіи. Слова «Болгарскій и Славянскій» были позднѣйшими писателями принимаемы одно за другое. Не мудрено-же потому, что и у Нестора и у другихъ, передавшихъ намъ преданіе о переводѣ книгъ св. писанія на Славянскій языкъ слова: Болгарскій и Славянскій (Церковно-Славянскій), принимаются одно за другое ([22]).

Доказательства *филологическія.* 1. Сличеніе древне-Болгарскихъ текстовъ съ соотвѣтственными имъ мѣстами въ древнихъ-же Церковно-Славянскихъ текстахъ, предложенное гг. Калайдовичемъ и Новицкимъ въ ихъ изслѣдованіяхъ, убѣждаетъ насъ въ совершенной близости, чему дальнѣйшимъ подтвержденіемъ служатъ и рукописи Болгарскія, найденныя г. Шевыревымъ въ Ватиканской библіотекѣ и описанныя имъ. 2. Буква *юсъ*, характеризующая собою древнія Церковно-Славянскія рукописи, въ живомъ произношеніи не встрѣчается ни у одного изъ Славянскихъ племенъ, кромѣ Болгаръ. Они произносятъ ее не какъ польское ą- и ę- но какъ нѣчто среднее между звуками: о и у, сообщая при-томъ этой буквѣ носовой отголосокъ. Отъ того-то сими буквами замѣнены были древніе *юсы* въ нашихъ новѣйшихъ редакціяхъ книгъ св. писанія. Отъ того-то и новѣйшіе

([22]) Такимъ образомъ «въ рукописномъ Словарѣ Кирилла Александрійскаго читаемъ: Славинія, т. е. Булгарія; Абульфараджъ называетъ Симеона (888—927) Княземъ Болгаровъ и Славянъ; сочинитель житія св. Климента, помня перенесеніе чужаго имени Булгаровъ на Славянъ, нѣсколько разъ употребляетъ выраженія: народъ Славянскій и Болгарскій, языкъ Болгарскій, Славенскія письмена, чѣмъ очевидно намѣкаетъ на старобытность и первенство названія Словенъ въ Мизіи, въ послѣдствіи затменнаго именемъ Булгаровъ.»—Шафарикъ. Славянскія древности. § 30. Переводъ г. Бодянскаго.

Болгаре, въ произношеніи своемъ сохранившіе свой юсъ до сихъ поръ, выражаясь по-Русски, смѣшиваютъ *о* и *у*. 3. Наконецъ, если обратимъ вниманіе на грамматику нынѣшняго Болгарскаго языка, то найдемъ въ ней много сходнаго съ Церковно-Славянскими формами, не смотря на то, что Болгарскій языкъ, отъ соприкосновенія съ Турецкимъ и отъ разныхъ другихъ причинъ, очевидно уклонился (именно своими членами при существительныхъ) отъ обще-Славянской грамматической нормы ([23]). Руководствомъ въ этомъ случаѣ можетъ служить: «Болгарска грамматика сега перво сочинена отъ Неофvта. въ Крагуевцѣ. 1835 in 8°.»

Въ устахъ нынѣшнихъ Болгаръ можно еще слышать: «градъ, «злато, животъ вм. жизнь, знаменіе, естество, вретище, человѣце, «домове, сынове, троица, четворица, пятина, единадесятый, двана-«десетый, азъ, мене, ты, онъ, себѣ, самъ, кой, некой, оный, «есмь, еси, есть, есмы, есте, суть, бѣхъ, былъ, будемъ, бу-«дете, будатъ, яко самъ былъ» и проч.

Доказательства *древними свидѣтельствами*. 1. Греческій біографъ Болгарскаго архіепископа Климента опредѣлительно говоритъ, что Кириллъ и Меѳодій перевели Богомъ дарованныя писанія съ Греческаго языка на *Болгарскій* ([24]). 2. Градищенскій монахъ (въ Моравіи въ XII столѣтіи), говоря о призваніи Солунскихъ братьевъ въ Моравію, называетъ буквы, изобрѣтенныя ими, *Болгарскими* ([25]). 3. Слова Нестора: «Симъ бо первое преложены книги Моравѣ, яже

([23]) Добровскаго «Кириллъ и Меѳодій.»

([24]) Тамъ-же-стр. 37.

([25]) Шлецеровъ: Несторъ. томъ 2. глава 10.

прозвася грамота Словеньская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ.» На эти достойныя примѣчанія слова обратилъ вниманіе свое еще Шлецеръ. «Не ужели, говоритъ онъ (26), при Несторѣ Славянскій языкъ употреблялся только въ Россіи и Болгаріи?... можно надѣяться, что въ Болгарскихъ монастыряхъ есть еще рукописи, писанныя древнимъ Кирилловскимъ письмомъ.» Въ означенныхъ словахъ Нестора очевидно указаніе на то, что церковная грамота была первоначальною собственностію Болгаръ, отъ которыхъ, какъ извѣстно, книги св. писанія перешли къ Руссамъ.

4. Немаловажнымъ ручательствомъ въ пользу этого господствующаго нынѣ мнѣнія служатъ и открытія г. Бодянскаго. Первое изъ нихъ сдѣлано было имъ въ 1838 году, въ проѣздъ его чрезъ Малороссію за границу, въ библіотекѣ Полтавской Семинаріи въ Переяславѣ, уѣздномъ городѣ Полтавской губерніи. Онъ нашелъ тутъ четвероевангеліе, которое переведено было на южно-Русское (Малороссійское) нарѣчіе протопопомъ Саноцкимъ въ 1591 году и въ которомъ говорится, что переводъ его сдѣланъ съ *Болгарскаго* подлинника (27). Здѣсь слово: «Болгарскій» употреблено, какъ собственное названіе языка Церковно-Славянскаго. Второе, гораздо важнѣйшее открытіе сдѣлано было имъ въ 1842 году, въ Бреславѣ. Въ тамошней гимназической библіотекѣ, при церкви св. Магдалины, найденъ имъ Молитвенникъ или Служебникъ, въ которомъ сказано между прочимъ: «въ царство сего Михаила царя крещенъ бысть Словенскыи языкъ Моравà. и дан быст им епископь Мефеди и поиде съ ним брат его Кирил оба философа суща сына Леонова Селоунѣ-

(26) Шлецеровъ Несторъ. томъ II. глава 10.
(27) Жур. Мин. Народ. Прос. 1838. Май.

нина. Сіа ж прѣложиста вьсе Божественное писаніе Греческихъ книг на Словенскы языкъ на блъгарскы ([28])». О языкѣ этого Служебника г. Бодянскій говоритъ, что «хотя онъ принадлежитъ рукописи, коей существованіе неоспоримо уже въ половинѣ XVI столѣтія (1546), но судя по его внутреннимъ и внѣшнимъ свойствамъ, онъ далеко старѣе упомянутаго времени, покрайней мѣрѣ тремя ежели не болѣе столѣтіями.» Г. Бодянскій доказываетъ это сличеніемъ языка текста съ языкомъ рукописи Черноризца Храбра, находящейся тутъ же. Какъ бы то ни было, это послѣднее открытіе важно, потому что служитъ яснымъ, положительнымъ подтвержденіемъ мнѣнія, въ пользу котораго говоритъ столько разнообразныхъ данныхъ.

Такимъ образомъ большая часть доказательствъ склоняется въ пользу того, что основою Церковно-Славянскаго языка въ лексическомъ отношеніи было древне-Болгарское нарѣчіе. Въ синтаксическомъ же отношеніи, этою основою служилъ разумѣется во многомъ языкъ Греческій. Будемъ однакожъ откровенны и безпристрастны. Вопросъ о лексической основѣ языка Церковно-Славянскаго остается все еще проблемой. Когда будетъ рѣшена эта проблема? конечно, когда съ одной стороны, открыто будетъ большее число древнѣйшихъ памятниковъ письменности Церковно-Славянской, а съ другой, — когда основательное и при томъ сравнительное изученіе нарѣчій Славянскихъ распространится въ кругу ученыхъ Славянофиловъ.

([28]) Жур. Мин. Нар. Просв. 1843. Іюнь. стр. 137.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Послѣдующія судьбы языка Церковнаго у Западныхъ и Восточныхъ Славянъ и его древнѣйшіе рукописные и печатные памятники. Его Грамматики и Словари. Церковно-Славянскія типографіи.

Дѣйствія Кирилла и Меѳодія сосредоточены были въ *Моравіи* (1). Едва поставили они Церковно-Славянскій языкъ на ту степень, на которой онъ готовъ былъ содѣлаться богослужебнымъ и письменнымъ языкомъ всѣхъ Славянъ, какъ явились многочисленныя и непреодолимыя препятствія къ тому. Зальцбургскіе епископы не разъ приносили жалобы въ Римъ на Меѳодія, какъ на нововводителя. При своей жизни однакожъ онъ счастливо преодолѣвалъ всѣ эти навѣты; но, по его смерти, дѣло приняло худшій оборотъ. Римскіе священнослужители ревностно заботились о распространеніи своей духовной власти; а потому Баварскимъ епископамъ въ Пассау и Зальцбургѣ вскорѣ подчинены были всѣ тамошніе Славяне, по жительству своему въ ихъ епархіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Шаффарикъ, что по удаленіи Меѳодія и еще болѣе по смерти его, Славянское богослуженіе было стѣснено всего болѣе стараніями и происками Вихинга, открытаго врага Восточной патріархіи. Архіепископъ Іоаннъ и епископы Даніилъ и Бенедиктъ, которыхъ папа Іоаннъ IX отправилъ въ 899 г. въ Моравію, были уже

---

(1) Geschichte der Slaw. Sprache und Literatur nach allen Mundarten von P. S. Schaffarik. Ofen. 1826. pag. 119 — 133.

Латиняне. Чрезъ сто лѣтъ послѣ того папа Іоаннъ XII въ буллѣ своей, которою онъ разрѣшалъ основаніе Пражской епархіи, писалъ: Verumtamen non secundum ritus aut sectam Bulgaricae gentis, vel Russiae, aut Slavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta apostolica, unum potiorem totius ecclesiae ad placitum eligas in hoc opus clericum, latinis apprime litteris eruditum (2). Замѣтимъ мимоходомъ, что и здѣсь всего прежде указывается на Болгарію, какъ на источникъ Церковно-Славянской литургіи.

Судьба столь же плачевная постигла вѣроятно Славянское богослуженіе и въ *Панноніи* и *Каринтіи*, еще прежде, нежели въ Моравіи. Между тѣмъ борьба Славянской литургіи съ Латинскою продолжалась бы гораздо долѣе, если бы нападеніе Венгровъ не произвело въ этомъ отношеніи рѣшительнаго переворота. Латиняне Нѣмецкаго и Итальянскаго происхожденія вполнѣ овладѣли при этомъ случаѣ Церковью въ западно-Славянскихъ земляхъ. Они наполнили собою Моравію (землю нынѣшнихъ Словаковъ) и Паннонію и безусловно утвердили здѣсь свою церковную власть. Священники-Славяне должны были искать убѣжища и покрова въ другихъ странахъ

Въ *Далматіи* и *Кроатіи* Славянская литургія не могла также долго поддержаться: Латиняне проникали всюду. Что сказать о Соборѣ, бывшемъ въ 1060 г. въ Салонѣ (въ Далматіи), на которомъ Преп. Меѳодій объявленъ былъ еретикомъ? на этомъ Соборѣ поло-

(2) т. е. не склоняясь къ обряду и ученію Болгарскаго народа, или Русскаго или Славянскаго языка, но слѣдуя болѣе учрежденіямъ и постановленіямъ Апостольскимъ избери, по своему усмотрѣнію, въ это дѣло старшаго для всего округа священника, въ Латинской словесности искуснаго.

жено было чтобы никто не могъ отправлять священнослуженіе на иномъ языкѣ, кромѣ Латинскаго и Греческаго. Dicebant enim, говоритъ архидіаконъ Θома, gothicas litteras a quodam Methodio haeretico fuisse repertas, qui multa contra catholicae fidei normam in eadem Slavonica lingua manendo conscripsit. Quamobrem divino judicio repentina dicitur morte fuisse damnatus (3). Для этихъ людей Готскій и Славянскій языкъ было одно и тоже. Тутъ-то, чтобы сколь возможно болѣе отклонить Далматовъ и Кроатовъ отъ Восточной Церкви, изобрѣтена была Глагольская или такъ называемая Іеронимовская азбука (4). Посредстомъ ея сохранили для этихъ Славянскихъ племенъ церковнослуженіе на родномъ языкѣ, но по служебникамъ и миссаламъ, приспособленнымъ, въ основаніи по Кирилловскому переводу, къ тексту и чтеніямъ Западной Церкви. Замѣтимъ, что съ этого времени, т. е. съ XII ст., по замѣчанію Добровскаго, вошло въ употребленіе выраженіе: «Кирилловская азбука», названная такъ по имени Преп. Кирилла, въ противоположность другой, изобрѣтенной будто бы Блаж. Іеронимомъ. Выгоднымъ слѣдствіемъ этого нововведенія для Церковно-Славянскаго языка было то, что онъ до нашихъ дней сохранился въ богослуженіи у нѣкоторыхъ Далматовъ, особенно на островахъ Адріатики, хотя въ небольшомъ объемѣ. Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что древнѣйшая книга на Славянскомъ языкѣ напечатана Глагольскими буквами Это канонъ, относящійся къ 1483 г. безъ означенія мѣста печатанія.

(3) т. е. утверждали, что Готскія буквы изобрѣтены нѣкіимъ еретикомъ Меθодіемъ, который на Славянскомъ языкѣ оставилъ многое написанное противъ основаній Католической вѣры. Почему божескимъ судомъ осужденъ былъ умереть скоропостижно.

(4) См. ниже.

Въ *Богеміи*, воспринявшей св. Вѣру отъ Латинскихъ священниковъ, Церковно-Славянскій языкъ, по видимому, никогда не былъ въ большомъ употребленіи. Въ 1030 г. св. Прокопій, родомъ Чехъ, славившійся въ свое время глубокими познаніями въ Славянскомъ языкѣ, построилъ здѣсь въ Сазавѣ монастырь для иноковъ-Славянъ и ввелъ между ними богослуженіе на Славянскомъ языкѣ по правиламъ св. Венедикта. Чрезъ два года однакожъ, по его смерти въ 1055 г., Герцогъ Спитиневъ изгналъ этихъ иноковъ какъ еретиковъ изъ своей земли и отдалъ монастырь нѣмецкимъ монахамъ. Потомъ Герцогъ Вратиславъ не только требовалъ, хотя тщетно, у папы Григорія VII позволенія Богемцамъ отправлять церковную службу на Славянскомъ языкѣ; но въ 1061 г. призвалъ снова изгнанниковъ, иноковъ Славянскихъ. Это было однакожъ не на долго: преемникъ Вратислава, Бржетиславъ изгналъ ихъ вторично. При Императорѣ Карлѣ IV, въ 1347 г., основанъ былъ въ Прагѣ Славянскій монастырь въ память блаженнаго Іеронима и Преп. Кирилла и Меѳодія, для Славянъ-Глаголитовъ, Бенедиктинскихъ монаховъ, вышедшихъ изъ Далматіи. Со смертію этихъ монаховъ, въ монастырь приняты были природные Богемцы и Славянское богослуженіе замѣнено Латинскимъ. Изъ этого видно, что успѣхи Церковно-Славянскаго языка въ Католической Богеміи были совершенно незначительны (5).

Въ *Польшѣ* въ X стол. Славянскіе иноки основали церковь св. Креста въ Краковѣ и отправляли въ ней богослуженіе на своемъ

---

(5) Добровскій: Slawin. Prag. 1808 in 12. стр. 443 и слѣд. Статья: Der grichische Ritus in Slawonischer Sprache in Böhmen. Его же: Geschichte der Böhmischen Litteratur. стр. 46 и слѣд.

родномъ языкѣ. Хотя въ этой странѣ, за исключеніемъ Русскихъ областей, принадлежавшихъ въ то время Польшѣ, Латинская литургія была господствующею и имѣла постоянное преимущество предъ Славянскою, тѣмъ не менѣе однакожъ, здѣсь болѣе, нежели гдѣ либо на Западѣ, впрочемъ только до послѣднихъ двухъ столѣтій, терпима была Славянская литургія. По крайней мѣрѣ Славянскіе священники Восточной Церкви, до временъ Длугоша († 1480) и еще позднѣе, имѣли въ Краковѣ, какъ средоточномъ мѣстѣ между Русью и другими Славянскими племенами, свою собственную церковь, въ которой отправляли богослуженіе на родномъ языкѣ, и всего прежде по изобрѣтеніи книгопечатанія основали здѣсь свою типографію. Тутъ около 1490 г. основана была типографія для Кирилловскихъ буквъ нѣкіимъ Швайнольдомъ Фіоломъ и въ 1491 г. въ ней отпечатаны были Псалтирь съ возслѣдованіемъ, Октоихъ и Часословъ, хотя объ этомъ, по словамъ Сопикова (6), сохранилось одно только преданіе.

Только у Восточныхъ Славянъ Греческаго вѣроисповѣданія, Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ языкъ Кирилловскаго перевода пустилъ глубокіе корни и содѣлался языкомъ Церкви и письменности. Въ этихъ земляхъ не только иноки и вообще духовныя лица, но и люди свѣтскаго званія писали на немъ сочиненія разнаго рода. Таковы были вообще: церковныя службы, поученія, посланія, лѣтописи, грамоты и проч. Здѣсь общая судьба языка этого была та, что онъ обнаружилъ сильное вліяніе на развитіе народныхъ нарѣчій и самъ, въ свою очередь, подвергся ихъ вліянію. Неправы

(6) Сопиковъ: Опытъ Россійской библіографіи. Спб. 1813. Часть 1. стр. XLVII.

слѣдовательно тѣ, которые называютъ церковный языкъ нашъ мертвымъ: онъ постепенно болѣе и болѣе внѣдрялся въ жизнь народа, въ его уста и помышленія. Замѣтимъ, что взаимное вліяніе это имѣло мѣсто и совершилось особенно въ сочиненіяхъ свѣтскаго содержанія, которыя писались тоже на церковномъ языкѣ.

Востоковъ (7) дѣлитъ исторію Церковно-Славянскаго языка и его письменнаго обрабатыванія на три слѣдующіе періода. Первый изъ нихъ, по его мнѣнію, продолжается отъ Кирилла и Меѳодія или отъ IX стол. по XIII, когда первоначальный языкъ церковныхъ книгъ началъ проникать въ уста грамотныхъ людей и постепенно сближаться съ народными нарѣчіями. Языкъ этого періода нашъ ученый Славянологъ называетъ древнѣйшимъ. Второй періодъ языка церковнаго продолжается отъ XIII до XVI столѣтія, т. е. до того времени, когда церковныя книги начали поступать въ печать. Языкъ этого періода называетъ г. Востоковъ среднимъ, который, въ продолженіе XVI и XV столѣтій образовался отъ народныхъ варіантовъ, внесенныхъ какъ переписчиками въ древніе тексты, такъ и новыми тружениками въ собственныя ихъ сочиненія и переводы. Третій періодъ продолжается отъ XVI ст. до нашего времени и объемлетъ собою языкъ печатныхъ Церковно-Славянскихъ книгъ, со времени ихъ тисненія. Языкъ этотъ можетъ быть названъ новѣйшимъ. Замѣтимъ, что правописаніе церковныхъ рукописей и книгъ слѣдовало также въ паралель за этими измѣненіями самаго языка.— До сихъ поръ нѣтъ еще полной исторіи не только Церковно-Славянскаго языка, но и большей части другихъ Славянскихъ нарѣчій. Потому то

(7) Труды Московскаго Общества любителей Россійской словесности. XVII. Москва. 1820.

раздѣленіе это, предложенное А. Х. Востоковымъ, весьма выгодно и въ теоретическомъ и въ чисто филологическомъ отношеніи: оно сообщаетъ основную мысль и главные моменты въ развитіи не только Церковно-Славянскаго языка, но и всѣхъ другихъ нарѣчій, бывшихъ съ нимъ въ родственной связи.

Прежде, нежели мы перейдемъ къ показанію судебъ нашихъ церковныхъ книгъ въ странахъ, въ коихъ онѣ сроднился съ мыслію и духомъ самаго народа, намъ необходимо замѣтить, что средоточіемъ письменной дѣятельности на языкѣ этомъ и мѣстомъ, гдѣ всего ревностнѣе поддерживалась эта дѣятельность со стороны Сербовъ и Болгаръ, служили Славянскіе монастыри на Аѳонской горѣ. Изъ значительнаго числа ихъ здѣсь особенно славны *Зографскій* св. Георгія, основанный, по туземнымъ преданіямъ, въ 919 г., и *Хилендарскій.* Въ нихъ и теперь, по всеобщему мнѣнію, хранится въ забвеніи и неизвѣстности множество памятниковъ древней Церковно-Славянской письменности.

Болгаре. Происхожденіе Болгаръ, какъ и вообще первыя времена ихъ исторіи, представляютъ обширное поле для критическихъ разысканій. Тунманъ, Энгель и другіе считали ихъ народомъ Турецкаго племени; иные ученые приписывали имъ Финское происхожденіе; третьи наконецъ принимали ихъ за одно съ Хозарами. Шаффарикъ (8) думаетъ, что Славянское племя, въ послѣдствіи назвавшееся Болгарами, прежде, въ началѣ VI стол., обитало на сѣверъ отъ Дуная, въ нынѣшней Молдавіи, Валахіи и южной Венгріи; что въ половинѣ этого столѣтія оно начало переходить въ Мизію, откуда, не смотря на сопротивленіе Аваровъ, распрос-

(8) Safar. Slow. Staroz. Okr. II. Cl. III.

транилось въ Македоніи и Греціи; и что въ половинѣ VII в. было покорено Волжскими или Уральскими Болгарами, отъ коихъ приняло свое названіе, но коихъ за то побороло своей національностію. Венелинъ и его послѣдователи признаютъ Болгаръ коренными Славянами. Должно замѣтить, что это послѣднее мнѣніе въ наше время приобрѣтаетъ болѣе и болѣе силы. Какъ бы то ни было, однакожь, достовѣрно, что Болгаре въ IX вѣкѣ говорили уже Славянскимъ языкомъ, ибо въ это время церковныя книги по Кирилловскому переводу были уже распространены между ними.

Первыя преданія о восприиятіи Болгарами Христіанской вѣры относятся къ IX стол. и именно къ 860-862 годамъ, хотя полагаютъ, что Христіанство у Славянъ этихъ существовало еще прежде. Въ 860 г. Болгарскій царь Богорисъ или Борисъ, подвигнутый съ одной стороны своей сестрой, бывшей плѣнницей въ Константинополѣ и воспитанной тамъ въ Христіанской вѣрѣ, а съ другой — голодомъ, свирѣпствовавшимъ въ то время въ его землѣ, крестился въ Константинополѣ и во св. крещеніи принялъ имя своего воспріемника отъ купели, тогдашняго императора Византійскаго Михаила. Замѣтимъ, что преданіе это, равно какъ и учительское посланіе Кирилла и Меѳодія къ Хозарамъ современны. Не разумѣютъ ли лѣтописи и четіи въ этомъ случаѣ подъ именемъ Хозаръ именно Болгаръ? Выраженіе ихъ: бесѣдоваху бо Козаре языкомъ Словенскимъ» (см. выше) должно же обратить на себя вниманіе. Нѣтъ ли тутъ какого либо смѣшенія двухъ различныхъ народовъ и не произошло ли отъ того недоразумѣнія? — Сохранилось еще преданіе, что императоръ Василій, преемникъ Михаила, въ 867 г. послалъ въ Болгарію архіепископа и нѣсколько епископовъ.

Ко второй половинѣ IX столѣтія относятся также пренія Константинопольскаго и Римскаго архипастырей, Фотія и Николая, кому изъ нихъ должна принадлежать Болгарія? Тогда то преимущество слушать литургію на своемъ родномъ языкѣ побудило Болгарскаго царя Михаила-Богориса изгнать изъ своихъ владѣній Латинскихъ священниковъ.

Въ слѣдствіе этого, въ IX, X и до начала XI стол., Болгарія признавала себя въ прямомъ и ближайшемъ родствѣ духовномъ съ Восточною Церковію, хотя государи Болгарскіе вели постоянныя войны съ Византіею. Таковъ былъ особенно Симеонъ, славный покровитель церковной письменности, царствовавшій съ 886 по 942 г. При немъ Болгарія управлялась своимъ собственнымъ экзархомъ, который не былъ подчиненъ Константинопольскому и имѣлъ въ своемъ управленіи десять епископовъ. Тогда, само собою разумѣется, и церковный языкъ находилъ для себя усердное обработываніе, хотя до насъ дошло весьма мало памятниковъ церковно-литературной дѣятельности отъ этого времени. По крайней мѣрѣ нынѣ почти всѣ согласны въ томъ, что въ Болгаріи именно получили начало свое и Славянское богослуженіе и письменность Славянская. Въ этомъ не сомнѣваются Востоковъ и Шаффарикъ.

Сюда относятся первые сотрудники преп. Кирилла и Меѳодія, въ переводѣ книгъ св. Писанія, Гораздъ, Климентъ, Наумъ, Лаврентій, Савва и Ангеларій, отъ которыхъ преданіе сохранило одни только имена. Они, говоритъ это преданіе, бѣжали отъ преслѣдованій Нѣмцевъ изъ великой Моравіи въ Болгарію и поддержали здѣсь церковную письменность.

Преданіе передало намъ еще многое о подвигахъ на поль-

зу письменности сына Бориса-Михаила, крестившаго Болгаръ, царя Симеона, которaго современники называли *книголюбцемъ*, *извыкшимъ чести вся книги*, и о которомъ уже упомянули мы выше сего. Преданіе говоритъ, что онъ приказалъ нѣкоему іеромонаху *Григорію* (9) перевести съ Греческаго Исторію Церкви и гражданскую, гдѣ съ подробностію описано взятіе Трои и дѣянія Александра Македонскаго. Переводъ этотъ дошелъ до насъ между многими другими статьями въ сборникѣ, писанномъ во второй половинѣ XV вѣка, подъ заглавіемъ: «книгы Завѣта Божіа Ветхаго, « сказающе образы Новаго Завѣта истинну, сущу, преложеныя отъ « Греческаго въ Славянскый при Князи Блъгарьстѣмъ Симіонѣ, « сынѣ Бориси, Григоріемъ Презвитеромъ, мнихомъ, всѣхъ церков- « никъ Блъгарьскыхъ церквій, повелѣніемъ того книголюбца Князя « Симіона, истинѣ же рещи боголюбца.» Сборникъ этотъ хранится въ Московскомъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ.

По повелѣнію того же Симеона въ 906 г. нѣкій епископъ *Константинъ*, будто бы ученикъ Меѳодія, архіепископа Моравскаго, перевелъ съ Греческаго языка на Славянскій четыре слова на Аріянъ св. Аѳанасія, архіепископа Александрійскаго. Рукопись, въ которой дошелъ до насъ этотъ переводъ, хранится въ Патріаршей библіотекѣ. По словамъ К. Калайдовича, она писана въ XV вѣкѣ и весьма любопытна въ филологическомъ отношеніи.

Всего важнѣе однакожъ, по мнѣнію того же ученаго, въ отношеніи къ филологіи Славянской, труды *Іоанна экзарха Бол-*

---

(9) Всѣ свѣденія о трудахъ Григорія, Константина и Іоанна, экзарха Болгарскаго, заимствованы нами изъ сочиненія К. Калайдовича: Іоаннъ экзархъ Болгарскій. Москва. 1824. in fol.

гарскаго, относящіеся къ началу X столѣтія, и изъ нихъ преимущественно переводъ *Богословія*, сочиненнаго Греческимъ писателемъ VIII вѣка, Іоанномъ Дамаскинымъ, іеромонахомъ въ лаврѣ св. Саввы, умершимъ послѣ 754 года. Списокъ съ этого перевода, скрѣпленный по листамъ рукою патріарха Никона, отысканъ былъ въ 1813 г. К. Калайдовичемъ въ Патріаршей (или Синодальной) библіотекѣ. Онъ писанъ въ большой листъ, на хорошемъ пергаменѣ, двумя столбцами, крупнымъ уставомъ и относится, по предположенію К. Калайдовича, къ XII столѣтію. Замѣтимъ еще, что къ 48 главамъ Богословія Іоанна Дамаскина въ переводѣ, сдѣланномъ Іоанномъ экзархомъ, сохранившемся въ нашемъ спискѣ, прибавлено еще 6 главъ «о вѣрѣ и воскресеніи», которыя, по его же мнѣнію, не принадлежатъ Дамаскину.

Другой не менѣе важный трудъ Іоанна экзарха есть *Шестодневъ*, извлеченіе изъ сочиненій Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Северіяна, философа Аристотеля и другихъ, содержащее въ себѣ изложеніе шести дней творенія. Трудъ этотъ поднесенъ составителемъ также Симеону, царю Болгарскому, вѣроятно тому же, о коемъ говорено было выше. Въ основаніе труда своего, экзархъ Болгарскій положилъ знаменитое сочиненіе Василія Великаго: «бесѣды о шестидневномъ твореніи міра» и, пользуясь другими писателями, составилъ собственное разсужденіе по сему предмету, которое сохранилось въ древнемъ спискѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Шестоденье, съпсано «Іоаномъ Презвитеромъ экзархомъ отъ светаго Василія, Іоана (Златоу-«стаго) и Сеуріяна (Северіяна, епископа Гевальскаго) Аристотелѣ фило-«софа и инѣхъ.» Поднося трудъ свой Болгарскому царю Симеону, сочинитель скромно уподобляетъ его храму, щедростію богатыхъ

сооруженному, къ которому, по недостатку крова, онъ исплелъ верхъ изъ хвороста и соломы, несоотвѣтствующій великолѣпнымъ стѣнамъ всего зданія. Вообще твореніе это исполнено краснорѣчія. Оно дошло до насъ во многихъ спискахъ; важнѣйшій изъ нихъ найденъ въ Патріаршей библіотекѣ. Онъ писанъ на пергаменѣ, въ небольшой листъ, крупнымъ уставомъ и относится къ 1263 году. Списокъ этотъ сдѣланъ былъ въ Сербіи нѣкіимъ Ѳеодоромъ Грамматикомъ, а потому въ него вкралось нѣсколько Сербизмовъ, которыхъ нѣтъ въ другихъ спискахъ, сдѣланныхъ въ Россіи. Списокъ этотъ вѣроятно также привезенъ былъ въ Россію Арсеніемъ Сухановымъ и былъ въ рукахъ Никона, въ его Воскресенской, Новоіерусалимской библіотекѣ. Іоаннъ экзархъ Болгарскій не ограничился однакожь этимъ. Онъ перевелъ еще сочиненіе Іоанна Дамаскина: «о осьми частяхъ слова» или Греческую грамматику, примѣнивъ ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ употребленію языка Славянскаго. Къ сожалѣнію время пощадило одно только начало этого труда Іоаннова. (См. гл. 5).

Кромѣ грамматики Іоаннъ экзархъ перевелъ еще изъ Дамаскина *философію*, «по Словенскому языку Любомудріе», какъ сказано у экзарха, содержащуюся въ спискѣ митр. Москов. Даніила (ум. 1593 г). Она раздѣляется на нѣсколько главъ и содержитъ при себѣ *поднесеніе* (посланіе) сочинителя епископу Маіумскому Козмѣ. Въ началѣ Дамаскинъ бесѣдуетъ о разумѣ и мысли, опредѣляетъ науку, наставницу жизни, предлагаетъ раздѣленіе оной, говоритъ о ея пользѣ, и, соединяя логическія умствованія съ Филологіею, заключаетъ свое сочиненіе обозрѣніемъ явленій природы. Нѣтъ системы, говоритъ К. Калайдовичь, нѣтъ постепенности въ умозрѣніяхъ, но нерѣдко блистаютъ мысли возвышенныя.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ нашихъ помѣщено еще «слово на вшествіе (вознесеніе) Господа нашего Іисуса Христа», приписываемое въ нихъ также Іоанну экзарху Болгарскому. К. Калайдовичь соглашается признать его подлиннымъ сочиненіемъ сего писателя, за то сомнѣвается, чтобы и другія два слова: на преображеніе и на текстъ изъ Іоанна (XX, 10 и 11), также приписываемыя сему учителю, дѣйствительно принадлежали ему.

Замѣтимъ, что Востоковъ и Пав. Строевъ сомнѣваются въ древности этихъ трудовъ Григорія, Константина и Іоанна экзарха. Строевъ ([10]), ссылаясь на Вѣстникъ Европы (1826. № 23. стр. 248) относитъ ихъ къ XII столѣтію.

Самъ Симеонъ, какъ свидѣтельствуетъ преданіе, составилъ изъ бесѣдъ Златоуста Сборникъ, названный *Златоструй*. Остатки вѣроятно этого труда найдены Палацкимъ въ Латинской рукописи IX вѣка. Сюда же, по мнѣнію Кеппена (библ. листы № 14), относятся: Псалтирь IX вѣка, хранящаяся въ Императорской публичной библіотекѣ, житія святыхъ отъ 4 до 31 Марта и бесѣды Іоанна Златоуста, тридцать словъ Григорія Назіанзина, (Кеп. бил. лис. № 7), писанныхъ въ XI столѣтіи, и проч. Наконецъ этому же столѣтію принадлежитъ переводъ Пандекта монаха Антіоха (Калайд. I. е. Б. стр. 12).

Вскорѣ послѣ смерти Симеона, Болгарія подпала подъ владычество Грековъ. Іоаннъ Цимисхій покорилъ было Болгарію своей власти и перевелъ въ нее изъ Арменіи вторую колонію Павликіянъ ([11]). Отсюда, какъ извѣстно, секта эта распространилась во многихъ

---

(10) Жур. Минис. Нар. Просв. 1834. Февраль. Статья г. Строева: Хронол. указаніе матеріяловъ отечественной исторіи etc.

(11) Первая переведена была туда еще въ VIII вѣкѣ Константиномъ Копронимомъ.

странахъ Европы. Царствовавшій съ 978 г. Болгарскій царь Самуилъ въ продолженіе 27 лѣтъ велъ постоянную войну съ Византіею, опустошалъ Θракію, Македонію, Θессалію, Грецію и Пелопонесъ. Наконецъ разбитый императоромъ Василіемъ II Болгароубійцею онъ умеръ съ горя. Съ этого времени, т. е. съ 1014 г. Болгарія болѣе полутора вѣка томилась подъ игомъ Греческимъ. Началомъ XI ст. или паденіемъ Болгаріи подъ это иго оканчивается первый періодъ ея письменной дѣятельности. За этимъ событіемъ слѣдуетъ глубокое молчаніе въ преданіяхъ о ея письменности.

Въ концѣ XII столѣтія ([12]), именно въ 1185 г. Болгарія освободилась отъ ига Греческаго. Въ царствованіе Исаака Ангела родные братья, Петръ и Асенъ, родомъ Болгаре, при помощи Половцевъ, возвратили своему отечеству независимость. Асенъ содѣлался родоначальникомъ дома Асенидовъ. По кончинѣ Асена, одинъ изъ преемниковъ его, Іоаннъ (или Кало-Яни) хотя счастливо воевалъ съ Греками, но искалъ еще покровительства у папы Иннокентія III, подчинился Риму и принялъ отъ него архіепископа и епископовъ ([13]).

([12]) Энцик. Лексиконъ. Томъ VII. статья: « Булгаре » В. Григорьева.

([13]) Слѣды бывшаго господства Западной Церкви въ Болгаріи остаются однакожь и по нынѣ. Въ Филиппополѣ и особенно въ окрестностяхъ сего города селеніями живутъ Болгаре-католики. Они питаютъ ненависть къ своимъ соотечественникамъ православнаго исповѣданія, почти не имѣютъ съ ними сношеній и не вступаютъ въ браки. Почти всѣ они не бѣдны, но не имѣютъ церквей и школъ по недопущенію къ тому мѣстнаго Греческаго митрополита. Римская Пропаганда печется о нихъ много. Она выбираетъ способнѣйшихъ юношей, обучаетъ ихъ въ Римѣ и затѣмъ отсылаетъ служить преподавателями догматовъ и обрядовъ Римской церкви въ семействахъ и по домамъ. Наставники сіи пекутся и о бѣдныхъ, имѣя на то подъ руками особо назначенный капиталъ. Никогда Болгаринъ-католикъ не останется въ долгу у правительства или у частнаго лица. При ежегодномъ торжественномъ собраніи Пропаганды въ Римѣ произносится рѣчь и на Болгарскомъ языкѣ.» Денница ново-Болгарскаго образованія. соч. В. Априлова. Одесса. 1841 г.

Въ 1203 г. вся страна эта отдана была подъ церковное управленіе примаса Терновскаго. Эта зависимость продолжалась однакожъ не долго: въ 1235 году царь Іоаннъ Асенъ произвелъ совершенное отдѣленіе Болгаріи отъ Латинянъ и побудилъ Константинопольскаго императора Іоанна Дуку-Ватаци признать независимость Всеболгарскаго патріарха отъ имперіи и іерархіи Греческой. Между тѣмъ, хотя въ концѣ XII стол. Болгарія и освободилась отъ Греческаго ига, но подпавъ вскорѣ вліянію Западной церкви, она не могла такъ легко возстановить свою письменность. Въ продолженіе Западнаго владычества, Славянскій языкъ долженъ былъ разумѣется уступить Латинскому, какъ въ церковномъ употребленіи, такъ и въ кругу письменности, хотя въ самомъ народѣ онъ потерпѣлъ мало ущерба.

Съ освобожденіемъ отъ вліянія Римской іерархіи, что, какъ мы видѣли выше, было въ половинѣ XI стол., Болгаре начали мало по малу возобновлять и письменную дѣятельность по прежнему на Церковно-славянскомъ языкѣ. Въ XIII и XIV ст. Князья Болгарскіе въ глубинѣ души преданные ученію Восточной церкви, покровительствовали наукамъ и родному языку и посылали сыновей своихъ въ Константинополь для образованія. Важнѣйшіе памятники Церковно-славянскаго языка, дошедшіе до насъ отъ этого времени, суть слѣдующіе.

Еще въ предыдущемъ періодѣ, въ IX вѣкѣ, въ Болгаріи положено было начало составленію и переводу съ Греческаго языка Кормчей книги (Номоканона) (14), т. е. собранія правилъ святыхъ отцевъ

(14) Обозрѣніе Кормчей книги. Соч. Бар. Розенкампфа. Москва. 1829.

и учителей Церкви. Кормчая книга составлялась съ теченіемъ времени, такъ что разныя статьи въ составъ ея вошедшія не всѣ имѣютъ одинаковое происхожденіе и принадлежатъ, говоря словами Бар. Розенкампфа, не одному, но разнымъ временамъ, разнымъ сочинителямъ, отъ первыхъ вѣковъ Христіанства до напечатанія Кормчей въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Въ XIII стол. переводные списки Номоканона были уже распространены въ Болгаріи и хотя еще прежде могли быть занесены отсюда въ Россію, но въ этомъ столѣтіи уже заподлинно и по достовѣрнымъ даннымъ, перешли сюда. У Грековъ первоначально существовали двѣ главныхъ редакціи Номоканона или собранія правилъ св. отцевъ: одно Патріарха Іоанна Схоластика, а другое—патріарха Фотія, по коимъ и позднѣйшіе списки дѣлятся на два главные разряда. Собраніе Іоанна Схоласника, по словамъ Бар. Розенкампфа, долженствовало быть переведено прежде Фотіева и вѣроятно при его преемникахъ патріархахъ Стефанѣ, Антоніѣ и Николаѣ Мистикѣ, которые всѣ продолжали попеченія свои о Болгарской церкви.

Далѣе къ этому періоду относятся: рукопись *о письменѣхъ Словенскихъ*, написанная монахомъ *Храбромъ*, о лицѣ, времени и обстоятельствахъ жизни коего мы не имѣемъ почти ни какихъ положительныхъ свѣденій; Нила Философа *о осьми помыслѣхъ*, житіе св. Іоанна Милостиваго, переводъ хронографа Георгія Амартола и проч.

Написаніе Кирилловской части въ такъ называемомъ Реймскомъ евангеліи ([15]) относится также, по всей вѣроятности, сюда. Реймское евангеліе, какъ извѣстно, состоитъ изъ двухъ частей: Кирилловской

(15) Извѣстія о немъ Серг. Строева помѣщены въ Жур. Мин. Народ. Просвѣщенія 1839. Январь и въ Сѣвер. пчелѣ 1839, № 260.

и Глагольской, переплетенныхъ въ одну книгу. На немъ, какъ гласитъ довольно достовѣрное преданіе, присягали Французскіе короли при своихъ вѣнчаніяхъ на царство въ Реймсѣ, отъ Франциска II до Людовика XVI включительно, отчего во Франціи рукопись эта извѣстна подъ названіемъ le Texte du Sacre. Кирилловская часть есть отрывокъ изъ Болгарскаго евангелія, расположенный не по Евангелистамъ, но по днямъ мѣсяцевъ. Глагольская часть, по извѣстію покойнаго Серг. Строева, заключаетъ въ себѣ отрывокъ какой то Богослужебной книги, потому что въ ней вмѣстѣ съ чтеніями изъ Евангелія находятся также чтенія изъ Ветхаго Завѣта. Изъ Глагольской приписки явствуетъ, что рукопись эта относится къ 1395 году и что Кирилловская часть ея писана будтобы св. Прокопомъ Чешскимъ (ум. 1035). Это послѣднее показаніе писца, какъ справедливо замѣчаетъ г. Востоковъ, опровергается почеркомъ рукописи, гораздо новѣйшимъ. Касательно появленія этой рукописи было много предположеній. Въ старину, одни, вмѣстѣ съ Альтеромъ, думали, что она похищена была изъ ризницы Константинопольскаго Софійскаго собора крестоносцами, овладѣвшими Цареградомъ въ 1204 г.; другіе, вмѣстѣ съ Добровскимъ, утверждали, что она подарена Французскому королю Людовику св. Сербскою владѣтельницею Еленою; третьи, что она перевезена во Францію, Анною, дочерью Ярослава и т. д. Сер. Строевъ полагаетъ, что рукопись эта появилась во Франціи между 1545 и 1574 годами, при королѣ Генрихѣ II и во время архіепископства кардинала Лотарингскаго, который могъ пріобрѣсти ее во время своего путешествія въ Римъ, а потомъ подарить Реймскому собору. Замѣтимъ, что нѣкоторое время думали, что Реймское евангеліе погибло во время революціи: это оказалось однакожъ несправедливымъ.

Нынѣ, въ 1843 г., оно великолѣпно издано г. Сильвестромъ въ Парижѣ.

Затѣмъ къ XIV ст. относится переводъ на Церковно-славянскій языкъ хроники Византійскаго лѣтописца Константина Манассіи, сдѣланный въ первой половинѣ этого столѣтія при Болгарскомъ царѣ Іоаннѣ Александрѣ. Переводъ этотъ обращаетъ на себя въ наше время большое вниманіе ученыхъ, а потому мы должны распространиться о немъ. Эта хроника писана въ Греческомъ подлинникѣ витіеватымъ слогомъ и притомъ стихами и начинаясь отъ созданія міра, объемлетъ свящ. исторію, Троянскую войну, исторію Рима, Византіи и простирается до Никифора Вотоніата, царствовавшаго въ Константинополѣ съ 1078 г. по 1080 г. До насъ дошли два списка съ Болгарскаго перевода этой хроники. Оба они относятся къ XIV стол., близки между собою и весьма замѣчательны какъ по лексико-грамматическимъ формамъ Церковно-славянскаго языка, который употребленъ въ нихъ и на которомъ здѣсь излагается предметъ свѣтскаго содержанія, такъ и по отношенію къ Болгарской и даже Русской исторіи въ припискахъ переводчика или переписчика, касающихся этой исторіи. Списки эти суть Ватиканскій и другой нашей Патріаршей или Синодальной библіотеки въ Москвѣ. Первый давно уже обращаетъ на себя вниманіе ученыхъ Славянологовъ. Онъ былъ описанъ Ассемани, потомъ профессоромъ бывшаго Виленскаго университета Мих. Бобровскимъ (1820) и съ его словъ библіотекаремъ Ватиканскимъ Майо, а наконецъ профессоромъ Шевыревымъ въ его извѣстіи «о Славянскихъ рукописяхъ Ватиканской библіотеки» (16). Списокъ этотъ украшенъ 67 рисунками, которые,

(16) Жур. Мин. Народ. Прос. 1839. Май.

хотя не отличаются изяществомъ, но, по свидѣтельству г. Шевырева, сохранили яркость красокъ и особенно любопытны тѣмъ, что даютъ понятіе о нарядѣ Болгарскомъ и Греческомъ XIV вѣка, а нѣкоторые относятся къ событіямъ изъ Русской исторіи. Таковы: «изображеніе царя Болгарскаго Іоанна Александра, крещеніе Роусомъ, Русскій плѣнъ (война съ Русью)» и проч. Другой списокъ Церковно-славянскаго перевода Манассіина хронографа былъ найденъ вице-президентомъ Московскаго общества исторіи и древностей г. Чертковымъ въ Патріаршей библіотекѣ. Этотъ списокъ, по предположенію г. Черткова, былъ привезенъ въ Москву съ Аѳонской горы изъ Хиландарскаго монастыря Арсеніемъ Сухановымъ, который какъ извѣстно, для закупки разныхъ церковныхъ книгъ, былъ посыланъ патріархомъ Никономъ на Востокъ. Далѣе весь списокъ этотъ, равно какъ и весь сборникъ, въ которомъ онъ помѣщенъ, скрѣпленъ по листамъ рукою самого Никона. Замѣтимъ, что въ Ватиканскомъ спискѣ недостаетъ начальныхъ листовъ, тогда какъ Патріаршій сохранился въ цѣлости. Г. Чертковъ издалъ описаніе обоихъ списковъ въ сочиненіи своемъ: «о переводѣ Манассіиной лѣтописи по двумъ спискамъ Ватиканскому и Патріаршей библіотеки съ очеркомъ исторіи Болгаріи» (Москва, 1842, in 4°) и выписалъ тѣ примѣчанія Славянскаго переводчика или переписчика, которыя касаются Болгарской и Русской исторіи. Въ другомъ сочиненіи г. Черткова: «о войнѣ Вел. Князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ» (Москва, 1843 in 4°) находится также много любопытныхъ подробностей о Болгаро-славянскомъ переводѣ Манассіиной лѣтописи.

Вообще ко второй половинѣ XIII и до конца XIV ст. относится процвѣтаніе Церковно-славянской письменности въ Болгаріи, хотя

время, и особенно вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшее Турецкое иго, не оставили намъ почти ни какихъ ея памятниковъ. Конечно многіе изъ нихъ хранятся въ архивахъ православныхъ монастырей въ Болгаріи ([17]) и на Аѳонской горѣ, но любознательныя разысканія ученыхъ не проникли еще туда. Сохранилось преданіе ([18]), что даже Турки во время Венгерскаго короля Матвѣя Корвина писали свои грамоты на Болгарскомъ, т. е. на древне-Славянскомъ языкѣ и что самъ король этотъ былъ свѣдущъ въ немъ. Въ 1392 г. Болгарія была окончательно покорена Баязетомъ. Съ этого времени образованность ея, а съ нею и воздѣлываніе церковнаго языка быстро пошло къ упадку: многіе Болгаре перешли даже къ Магометанству. Съ XVI ст. письменная дѣятельность въ этомъ народѣ совершенно прекратилась, хотя въ цѣлости онъ остался вѣренъ Православію. Въ наше время ново-Болгарская письменность возраждается, но уже не на церковномъ, а на народномъ языкѣ. Важнѣйшимъ фактомъ этого возрожденія служитъ переводъ Новаго Завѣта на ново-Болгарское нарѣчіе, сдѣланный монахомъ Неофитомъ; но это уже не относится къ исторіи Церковно-славянскаго языка.

Сербы и Хорваты (Кроаты). Въ 640 г. императоръ Ираклій вызвалъ Хорватовъ и Сербовъ изъ Бѣлохробатіи и Бѣлосербіи для защиты имперіи отъ Аваровъ. Племена эти утвердились первоначально между Дриною и Адріатическимъ моремъ и оттуда разсѣ-

---

(17) Таковъ особенно *Рыльскій,* находящійся въ Македоніи и названный такъ по горѣ *Рылъ* (Orbelus), на которой онъ построенъ. Онъ основанъ, какъ гласитъ преданіе, преп. Іоанномъ Болгариномъ, умершимъ въ 846 г. Монастырь этотъ пользуется правами ставропигіи. Монахи въ немъ, въ числѣ 150, все Болгаре. Служба въ немъ на Церковно-славянскомъ языкѣ.

(18) Schaffarik: Gesch. d. Slaw. Spr. und Lit. стр. 224.

лились далѣе. Въ послѣдствіи Сербо-Хорватское племя распространилось отъ предѣловъ Болгаріи до Адріатическаго моря, заняло Македонію и Эпиръ и простерлось до Дуная и Кульны.

Въ Сербіи и Хорватіи начало Христіанства относится къ эпохѣ, которую исторія не можетъ опредѣлить съ точностію. По преданіямъ туземныхъ лѣтописцевъ, слѣды Христіанской вѣры являются въ этомъ народѣ еще въ VII стол. т. е. вскорѣ послѣ переселенія его въ Иллирику, и при томъ отъ Восточной, Греческой каѳедры. Энгель (19) видитъ на противъ въ этихъ начаткахъ покушеніе епископовъ Западной церкви. Преданіе говоритъ далѣе, что Болгаре въ послѣдствіи оставили Христіанство (по Мацеевскому только отпали отъ Грековъ) и оставались въ дикомъ невѣжествѣ. Какъ бы то ни было, съ достовѣрностію извѣстно, что полное обращеніе Сербіи относится къ 868 г., ко времени Византійскаго императора Василія и при томъ Греческими священниками. Замѣтимъ, что Кириллъ и Меѳодій ни когда не были въ Сербіи и Хорватіи. Съ X-го столѣтія началось между племенами этими и религіозное раздѣленіе, достигшее рѣзкой особности съ обѣихъ сторонъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Далматія и Хорватія по Савѣ съ поморскими городами присоединились къ Западной церкви, а собственно Сербія съ частію Босніи остались вѣрны Восточной.

Послѣ этого церковнаго раздѣленія, письменность Глагольская водворилась у Далматовъ и Хорватовъ, а Кирилловская содѣлалась удѣломъ собственно Сербовъ. Первая нѣкогда была распространена у Иллирійскихъ Славянъ, но въ послѣдствіи была болѣе и болѣе

---

(19) Engel's Geschichte v. Ungern und d. Nebenland. Часть II. 453, 62. III. 180.

стѣсняема и наконецъ осталась въ немногихъ приходахъ въ Далматіи и Истріи. Замѣтимъ, что Глагольская письменность у этихъ племенъ существованіемъ своимъ одолжена папѣ Иннокентію IV,который въ 1245 г. разрѣшилъ литургію по Глагольскимъ книгамъ. (см. главу 5).

Собственно Сербы, сначала вмѣстѣ съ Болгарами, подпали было подъ власть Греческой имперіи ; но, въ половинѣ XI стол., подъ управленіемъ дома Неманичей, возвратили совершенно свободу. Съ этого времени начинается исторія Сербіи, какъ самостоятельнаго государства. Подъ управленіемъ царей изъ этого дома, Сербія далеко расширила свои предѣлы, но вскорѣ потомъ, въ концѣ XIV и въ началѣ XV ст., подпала, вмѣстѣ съ Болгаріей и частію Далматской Хорватіи, владычеству Турокъ, всесокрушающая власть которыхъ на долго подавила здѣсь всякое умственное развитіе, а вмѣстѣ и письменную дѣятельность на языкѣ церковномъ (20).

Цвѣтущій періодъ письменности этой въ Сербіи относится ко времени между началомъ XIII и концемъ XIV стол., хотя зачалась она гораздо ранѣе. Отъ XIII-го же столѣтія дошли до насъ древнѣйшіе памятники Церковно-славянской письменности въ этой странѣ. Таковъ: « Шестодневъ » Василія Великаго отъ 1263 г. и «Апостолъ» отъ 1324 г. Непосредственно за этими слѣдуетъ памятникъ, писанный хотя церковнымъ языкомъ, но съ примѣсью народнаго. Это-«Родословъ», который составленъ былъ Даніиломъ архіепископомъ Сербскимъ, современникомъ тамошнихъ царей Уроша, Драгутина, Милутина и Дечанскаго. Памятникъ этотъ относится

(20) Опытъ изложенія литературы Словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ. Соч. В. Григоровича. Казань. 1843 г.

ко времени между 1272 и 1336 годами и содержитъ въ себѣ описаніе царствованія сихъ государей. Копитаръ думаетъ, что этому же самому Даніилу архіепископу принадлежитъ первоначальный переводъ Кормчей книги. Къ этому же времени относится здѣсь сочиніе, писанное такимъ же языкомъ. Это — «Лѣтопись», состоящая изъ нѣсколькихъ листковъ. Далѣе времени нѣсколько позднѣйшему принадлежитъ книга такого же рода: «Цароставникъ», т. е. исчисленіе царей Сербскихъ, Греческихъ, Болгарскихъ и Русскихъ. Самая же блестящая эпоха Церковно-славянской письменности въ Сербіи есть царствованіе перваго тамошняго царя Душана сильнаго или могучаго (1336-1356). Тогда большое число церковныхъ книгъ было переводимо съ Греческаго языка и списываемо во множествѣ экземпляровъ. Извѣстно, что митрополитъ Кипріянъ, прибывшій въ Россію въ 1376 г. изъ Сербіи, привезъ съ собою оттуда множество церковныхъ книгъ.

Вскорѣ однакожь настали бѣдственныя времена для Сербіи: явились Турки и изувѣрскому мечу ихъ должны были покориться всѣ по-Дунайскія, Славянскія племена. Иго Турецкое остановило всякое развитіе письменной дѣятельности у Сербовъ, какъ и у Болгаръ. Съ конца XVI ст. дѣятельность эта стѣснилась въ предѣлы весьма не обширные: все ограничивалось списываніемъ немногихъ богослужебныхъ книгъ. Столь же пагубно было владычество Турокъ въ отношеніи къ остаткамъ древней письменности Сербской: большая часть ихъ погибла въ пламени войны и въ развалинахъ опустошенія. Можно сказать, что въ битвѣ на Косовомъ полѣ (1389 г.), гдѣ послѣдній Сербскій царь Лазарь плѣненъ и казненъ былъ Муратомъ, погибшимъ въ свою очередь отъ руки Серба Ми-

лоша Обилича, нанесенъ былъ первый и вмѣстѣ окончательный ударъ всѣмъ внутреннимъ силамъ этого народа. Письменность, можно сказать, теплилась только въ монаст. Аѳонскихъ и отдаленныхъ Сербскихъ, гдѣ даже въ XV ст. литература Славянская обогатилась многими переводами съ Греческаго. Отсюда они перешли и въ Россію.

Немногіе слѣды процвѣтавшей нѣкогда письменности въ Сербіи хранятся теперь, по словамъ архимандрита Раича, сочинителя Исторіи Сербіи, приведеннымъ Шафарикомъ въ его исторіи, въ слѣдующихъ изъ тамошнихъ монастырей: въ Сербской лаврѣ Студеницѣ (Studenica), въ Дечанѣ и въ Ипекѣ (собственно въ Эпирѣ), прежнемъ мѣстопребываніи патріарховъ. Нѣкоторые остатки ея находятся вѣроятно и въ Славянскихъ монастыряхъ на Аѳонской горѣ. Все это однакожь неизслѣдовано и даже неизвѣстно (21).

Замѣтимъ, что съ 1493 г. въ Черногоріи и потомъ въ мѣстахъ, сопредѣльныхъ съ Сербіею, въ Венеціи и Угровлахіи, (съ 1512 г.) являются типографіи, имѣвшія Кирилловскія буквы и снабжавшія церковными книгами Славянскія, по-Дунайскія земли. Въ наше время Сербы употребляютъ по большей части церковныя книги нашей Кіевской и Московской печати.

Въ *Россіи* судьба языка церковнаго представляется совсѣмъ въ другомъ видѣ, нежели въ Болгаріи и Сербіи. Здѣсь нашелъ онъ обширное и свободное поле, на которомъ не только вполнѣ и многосторонне могъ развить свои лексическія и грамматическія начала, но и служить Церкви и народу свободно и дѣятельно.

---

(21) Любопытны будутъ извѣстія, которыя привезетъ съ собою г. Григоровичь, посланный отъ Казанскаго университета въ Славянскія земли и посѣтившій многіе монастыри въ Валахіи, Болгаріи, Сербіи и на Аѳонской горѣ.

Преданія и сказанія лѣтописей о томъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ Россія восприняла Христіанскую вѣру, всѣмъ извѣстны. Замѣтимъ только, что вмѣстѣ съ принятіемъ вѣры этой, по ученію Восточной Церкви, Русь приняла и богослуженіе на родномъ Славянскомъ языкѣ, которое съ своей стороны не могло не пробудить и не распространить здѣсь развитія церковной письменности. Можно предположить, что съ самаго начала изъ Болгаріи привезены были въ Россію книги, необходимыя для богослуженія. Потомъ ихъ начали списывать, распространять по церквямъ и приходамъ, такъ что письменность на языкѣ церковномъ водворилась вскорѣ. Изъ разныхъ мѣстъ древнихъ лѣтописей нашихъ видимъ мы, что Великій князь Владиміръ Святославичь и еще болѣе сынъ его Ярославъ Владиміровичь способствовали умноженію книгъ. «И бѣ Ярославъ, говоритъ лѣтописецъ (22), любя церковные уставы и книги прочитая и собра писцы многи и прелагаше отъ Грекъ на Словенское писаніе, и списаша книги многи, Ярославъ же сей любяше книги зѣло и многи написавъ, положи въ святой Софіи Церкви.» Такимъ образомъ преданіе сохранило намъ еще имя св. Евфросиніи, дочери князя Полоцкаго, которая день и ночь трудилась надъ списываніемъ книгъ церковныхъ.

Средоточіемъ развитія письменной дѣятельности на церковномъ языкѣ въ Россіи въ XI, XII и до половины XIII ст. служилъ Кіевъ и преимущественно Печерскій монастырь, хотя письменность эта распространена была и на сѣверѣ Руси, какъ на примѣръ въ Новгородѣ и другихъ мѣстахъ. Въ Печерскомъ монастырѣ, съ самаго

(22) Несторъ по Никоновскому списку. Стр. 134.

его начала, списываніе церковныхъ книгъ шло усердно. Преданіе сохранило для насъ имена инока Иларіона, который списывалъ книги, Никона, который сшивалъ и обдѣлывалъ ихъ, Ѳеодосія, который прялъ для того волну и вервіе. Тутъ инокъ Григорій сочинялъ каноны святымъ; тутъ Несторъ положилъ начало нашему лѣтописанію; тутъ Симонъ и Поликарпъ трудились надъ составленіемъ Патерика. Мало по малу, письменность, зародившаяся въ Печерскомъ монастырѣ, распространилась и по всей Россіи, хотя до половины XIII ст. когда Кіевъ былъ разоренъ до основанія и сожженъ Монголами, монастырь этотъ сохранялъ за собою первенство въ этомъ отношеніи.

Древнѣйшимъ памятникомъ Церковно-славянской письменности служитъ такъ называемое Остромірово евангеліе, которое по написанію своему принадлежитъ Россіи. Оно содержитъ въ себѣ не всѣ Евангелія и не въ обыкновенномъ порядкѣ евангелистовъ, а только чтенія евангельскія на извѣстные дни и праздники (23). Рукопись эта писана въ Новгородѣ въ 1056 и 57 годахъ діакономъ Григоріемъ для тамошняго посадника Остроміра, на пергаменѣ, въ листъ красивымъ уставнымъ письмомъ въ два столбца. Она найдена была Я. А. Дружининымъ въ покояхъ Императрицы Екатерины II послѣ ея кончины и въ 1806 г. поднесена была имъ Императору Александру, который повелѣлъ хранить ее въ Имп. публичной

(23) Такъ расположены, замѣчаетъ г. Востоковъ, всѣ древнѣйшіе списки Евангелій; полныя же, по Евангелистамъ расположенныя Евангелія или четвероевангелія, большею частію сохранились только въ спискахъ XV и позднѣйшихъ вѣковъ. Мало ихъ встрѣчается принадлежащихъ XIV вѣку. Замѣтимъ, что всѣ свѣденія объ Остроміровомъ Евангеліи взяты нами изъ предисловія А. Х. Востокова къ его изданію: «Остромірова Евангелія, 1056—57 года. Спб. 1843 in 4.»

библіотекѣ. Евангеліе это принадлежало прежде Новгородскому Софійскому собору, что доказывается надписью XVI вѣка на оборотѣ перваго листа. «Хотя писецъ былъ Русскій Словенинъ, говоритъ г. Востоковъ, какъ то видно по нѣкоторымъ особенностямъ Русскаго нарѣчія, однако онъ вообще сохранилъ древнѣйшее правописаніе Церковно-славянскаго языка, въ другихъ, позднѣйшихъ рукописяхъ болѣе или менѣе измѣненное, а потому то рукопись сія особенно достопримѣчательна какъ ближайшій къ началу Словенской письменности памятникъ Церковно-словенскаго языка. Языкъ же сего памятника можно назвать по преимуществу Церковно-славянскимъ, т. е. тѣмъ, который сохранился въ церковныхъ книгахъ Словенъ Грековосточной церкви, какому бы впрочемъ племени ни принадлежалъ этотъ языкъ Болгарскому или Паннонскому.» Замѣтимъ, что Остромірово Евангеліе въ 1843 г. издано г. Востоковымъ. Къ изданію этому присовокуплены Греческій текстъ Евангелія, грамматическія правила Словенскаго языка, извлеченныя изъ текста, и словоуказатель.

Почти такую же древность имѣютъ два сборника, содержащіе въ себѣ извлеченія изъ св. писанія и отцевъ и написанные для В. К. Святослава Ярославича, одинъ въ 1073 г. діакономъ Іоанномъ, а другой въ 1076 г. вѣроятно тѣмъ же Іоанномъ. Первый изъ нихъ въ 1817 г. былъ открытъ К. Калайдовичемъ и хранится въ Нововоскресенскомъ, Іерусалимскомъ монастырѣ возлѣ Москвы; а второй принадлежалъ прежде государственному исторіографу кн. Щербатову, а теперь хранится въ библіотекѣ Эрмитажа.

Наконецъ къ XI ст. относятъ еще *Поученіе архіепископа Лоукы къ братии*. Этотъ Лука Жидята или Жирята, архіепископъ Нов-

городскій,— современникъ Ярослава 1-го и сына его Владиміра, князя Новгородскаго. Пав. Строевъ называетъ это поученіе писаніемъ позднѣйшимъ.

Въ XII и XIII ст. Церковно-славянская письменность распространилась у насъ значительно. Древнѣйшіе памятники этого времени, дошедшіе до насъ въ подлинникѣ, суть: 1. Евангеліе, написанное въ 1125 г. для князя великаго Мстислава Владиміровича, и хранящееся нынѣ въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ, 2. Грамота жалованная князя Новгородскаго Мстислава Владиміровича и сына его Всеволода (между 1128 и 32 гг.) Новгородскому Юрьеву монастырю. Каченовскій сомнѣвался въ ея подлинности; П. Строевъ называетъ ее древнѣйшимъ дипломомъ, который заслуживаетъ особеннаго вниманія. 3. Евангеліе отъ 1143 г., принадлежащее Патріаршей библіотекѣ въ Москвѣ (24).

Изъ произведеній письменности, дошедшихъ до насъ отъ этого времени не въ подлинникѣ, а въ позднѣйшихъ спискахъ, наиболѣе замѣчательны (25):

---

(24) Кромѣ сихъ памятниковъ Славянской древности извѣстностію пользуются еще: 1. Надпись на Тмутороканскомъ камнѣ, хранящемся въ Керченскомъ музеѣ гласящая о томъ, что Князь Глѣбъ мѣрилъ море (Таврич. Босфоръ). Въ подлинности этой надписи сомнѣваются многіе. 2. Крестъ св. Евфросиніи, хранящійся въ Полоцкѣ, съ Славянскою надписью отъ 1161 г. 3. Надпись на такъ называемомъ Рогвольдовомъ камнѣ отъ 1171 г. по имени Полоцкаго Князя Рогвольда лежащемъ на пути изъ Орши (въ Могилевской губерніи) въ Минскъ. 4. Договоръ Князя Мстислава (Ѳеодора) Давидовича съ городомъ Ригою отъ 1229 г. и проч.

(25) Имѣя цѣлію показать только общія судьбы Церковно-славянскаго языка и обозрѣть современныя мнѣнія о важнѣйшихъ предметахъ по этому поводу, мы не можемъ представить здѣсь полной исторіи церковной литературы, а принуждены ограничиваться одними указаніями и притомъ на главнѣйшіе факты. Подробнѣйшее изложеніе всего этого должно войти въ составъ исторіи Русской

1. «Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда Руская земля стала есть,» — соч. Преп. Нестора, инока Кіево-Печерскаго монастыря (умер. въ 1110 г). Лѣтопись Нестора, какъ извѣстно, дошла до насъ въ спискахъ XIV, XV и послѣдующихъ столѣтій и притомъ не отдѣльно, а въ связи съ повѣствованіями его продолжателей. Иноку же Нестору приписываютъ житіе св. Θеодосія и сказаніе о князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ. 2. Паломникъ или хожденіе игумена Даніила въ Палестину (около 1105 г.) 3. Поученіе дѣтямъ своимъ Вел. кн. Владиміра Мономаха, дошедшее въ спискѣ XV в. 4. Слова, поученія и сказанія, каноны и молитвы, Кирилла епископа Туровскаго (сконч. въ 1182), изданныя К. Калайдовичемъ въ книгѣ: «Памятники Русской словесности XII вѣка,» и надъ коими, по словамъ П. Строева, критикѣ и филологіи есть надъ чѣмъ потрудиться. 5. Патерикъ Печерскій или житія св. и преп. мужей Кіево-Печерскаго монастыря, коему начало положили Симонъ, епископъ Суздальскій и Поликарпъ, архимандритъ Печерскій. Полнѣйшее изслѣдованіе объ исторіи текста и редакціяхъ Патерика принадлежитъ г. Кубареву (Ж. М. Н. П. 1838. Окт.) 6. Кормчая книга (или Номоканонъ), коей первый списокъ, по словамъ П. Строева, полученъ Кіевскимъ митрополитомъ Кирилломъ въ 1270 г. изъ Болгаріи. Древнѣйшіе списки ея у насъ суть Новгородскій (1282 г.) и Рязанскій (1284). Ко временамъ послѣдующимъ относятся разныя редакціи Кормчей книги.

литературы, которая до Ломоносова, составляла особую *(Русскую)* вѣтвь литературы Церковно-славянской, съ немногими исключеніями. Руководствомъ въ этомъ обозрѣніи послужило намъ Хронол. указаніе матеріяловъ отечеств. исторіи, литературы и проч. (Ж. М. Н. П. 1834. Февр.).

Во второй половинѣ XII ст. Кіевъ началъ уже клониться къ упадку въ политическомъ отношеніи. Въ замѣну того средоточіе жизни собственно, сѣверо-Русской начало тогда же образовываться на сѣверѣ, сперва нерѣшительно во Владимірѣ, потомъ въ Костромѣ и Твери, а наконецъ окончательно въ Москвѣ. Послѣдній, можно сказать смертный ударъ Кіеву нанесенъ былъ въ 1240 г. Монголами, кои опустошили и сожгли его. Вскорѣ за тѣмъ Кіевъ отторгнутъ былъ Литвою, потомъ Польшею и на три съ половиною вѣка отдѣлился отъ сѣверной Руси. Эта послѣдняя напротивъ съ первой половины XIV ст. со временъ Іоанна Калиты (1328—40), начала постепенно болѣе и болѣе крѣпнуть въ политическомъ и гражданственномъ отношеніи. Очевидно, развитіе и успѣхи языка Церковно-славянскаго дожны были сосредоточиться на сѣверѣ въ Москвѣ и Владимірѣ, тогда какъ на югѣ преобладаніе Западнаго духовенства и появленіе уніи не могли тому благопріятствовать.

Такимъ образомъ второй, уже собственно Русскій ([26]) періодъ Церковно-славянскаго языка начинается XIV столѣтіемъ. Читатель видитъ, что въ этомъ случаѣ, мы остаемся вѣрны дѣленію А. Х. Востокова, приведенному выше. Мы продолжимъ однакожъ этотъ періодъ не до XVI ст., но до половины XVII. Исправленіе церковныхъ книгъ, произведенное Максимомъ Грекомъ въ половинѣ XVI ст., равно какъ и печатаніе ихъ, начавшееся почти тогда же, не имѣли такого рѣзкаго вліянія, которое въ половинѣ XVII ст. произошло съ одной стороны отъ прибытія изъ Кіева въ Москву

([26]) Припомнимъ что въ концѣ XIV ст. Сербія и Болгарія пали подъ мечемъ Турокъ. Припомнимъ, что Куликовская битва была въ 1380, а битва на Косовомъ полѣ почти въ одно время съ нею, въ 1388 г.

ученыхъ Малороссіянъ-богослововъ, а съ другой отъ полнаго исправленія книгъ этихъ, начатаго Никономъ, и отъ того, что съ этого времени языкъ церковный началъ полнѣе и рѣшительнѣе сближаться съ народнымъ нарѣчіемъ. Тутъ духовные пастыри наши начинаютъ уже писать по Русски и служатъ образцами церковнаго краснорѣчія, на языкѣ народномъ.

Важнѣйшими памятниками Церковно-славянской письменности въ періодѣ съ XIV ст. до половины XVII служатъ: 1. *Хожденіе* въ Іерусалимъ Стефана Новгородца, (около 1349 г.) сходное во многомъ съ Паломникомъ Даніила. 2. Къ 1370 г. относится древнѣйшій списокъ *Палеи* (отъ παλαιός — ветхій, древній), т. е. особаго рода хронографовъ еще не изслѣдованныхъ. 3. *Грамоты и поученія Алексѣя*, митрополита Всероссійскаго ск. 1378. 4. Къ 1377 относится *древнѣйшій списокъ лѣтописи* Нестора, написанный инокомъ *Лаврентіемъ*. 5. Переводъ поэмы Георгія Писида, митрополита Никомидійскаго: *Похвала къ Богу*, сдѣланный нѣкіимъ *Дмитріемъ Зоографомъ* (1385). 6. *Хожденіе въ Цареградъ* митр. Пимена (1390 г.), описанное діакономъ *Игнатіемъ*, бывшимъ при немъ. 7. Труды *митр. Кипріяна* (скон. 1406), мужа знаменитаго въ исторіи Церкви нашей; онъ перевелъ съ Греческаго *Служебникъ*, разные *Чины* и *молитвы;* сочинилъ житіе св. Петра митрополита, *Слово прощальное*, читанное надъ его гробомъ; онъ привезъ съ собою изъ Сербіи много церковныхъ рукописей. 8. Труды митроп. Кіевскаго, *Григорія Цамблака* (ск. 1419), мужа, по свидѣтельству лѣтописей, *зѣло книжнаго* (разныя поученія его, житія и проч). 9. *Посланія и поученія* митр. *Фотія* (ск. 1431). 10. *Повѣсть о Флорентійскомъ соборѣ* инока Симеона, бывшаго вмѣстѣ съ митр. Исидоромъ въ Италіи (1440). 11. Каноны и

житія разныхъ, преподобныхъ и святыхъ мужей Русскихъ, соч. *Пахомія Логоѳета*, инока Аѳонскаго, жившаго въ Новгородѣ и Москвѣ (1459—61). 12. *Посланія* Іоны митрополита (ск. 1461). 13. Къ 1460 г. относится первая полная редакція Патерика Печерскаго, составленная въ Кіевѣ и привезенная въ Москву. 14. *Василія*, гостя Московскаго: *Хожденіе въ Палестину* (1466). 15. Купца *Аѳанасія Никитина* сказаніе о четырегодичномъ его странствованіи въ Индію (1468). 16. *Вассіана Рыло*, архіеп. Ростовскаго (ск. 1481), Посланіе на Угру къ Вел. кн. Іоанну III, три поученія и житіе св. Пафнутія Боровскаго. 17. Къ 1494 г. относится древнѣйшій изъ множества списковъ *Хронографа*, этой Всемірной исторіи нашихъ предковъ. 18. Къ 1499 г. относится первый полный *списокъ Библіи* (второй къ 1558). 19. *Посланія* и *Пасхалія* на 70 лѣтъ *Геннадія*, архіеп. Новгородскаго (ск. 1506 г.), извѣстнаго преслѣдователя жидовской ереси. 20. Сборникъ *житій святыхъ пустынножителей* инока Нила Полева (сост. въ 1514 г.) 21. Труды *Іосифа Санина*, игумена Волоколамскаго (ск. 1515), знаменитаго полемика и обличителя Новгородской жидовской ереси. Онъ написалъ книгу: *Просвѣтитель* (собраніе обличительныхъ словъ противъ этой ереси), *посланія* къ разнымъ лицамъ и *двѣ духовныя съ прибавленіями* (уставъ монастыря Іосифова). Вообще должны мы замѣтить, что съ XVI стол. и до половины XVIII число сочиненій и переводовъ на Церковнославянскомъ языкѣ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго содержанія увеличивается въ мѣрѣ весьма значительной, такъ что мы здѣсь принуждены уже ограничиться указаніемъ только на самые важные памятники. Таковы: 22. Труды *Максима Грека*, инока Аѳонскаго, прибывшаго въ Москву въ 1506 г. и скончавшагося въ 1556.

Онъ первый, по порученію Вел. князя Василія IV Іоанновича и митрополита, началъ исправленіе церковныхъ рукописей отъ ошибокъ, внесенныхъ въ нихъ переписчиками. По словамъ Пав. Строева, «его *Слова* и *Главизны* (числомъ до 140) полемическія, учительныя, филологическія и проч. имѣли (въ XVII вѣкѣ) достоинство почти кононическое. Для исторіи Церкви, современныхъ мнѣній и народной характеристики здѣсь разсѣяно не мало любопытныхъ свѣденій» ([27]). Изъ переводовъ Максимовыхъ съ его помощниками Димитріемъ, Власіемъ, Сильваномъ, извѣстны Псалтирь толковая, Апостолъ толковый, Златоустовы бесѣды на Евангелія Матѳея и Іоанна, и проч. 23. Труды *митрополита Макарія* (1542—64). Его *Стоглавъ* (опредѣленія Собора, бывшаго въ Москвѣ въ 1551 г.), *Окружныя грамоты* и *посланія* свидѣтельствуютъ о его разумѣ и ревности къ церковному благоустройству. Онъ собралъ *Великую книгу правила келейнаго и путнаго*, которая, по словамъ П. Строева, есть полный уставъ и обиходникъ тогдашней Церкви. Важнѣйшій же трудъ этого митрополита есть *Минеи Четьи*, въ 12 огромныхъ фоліантахъ, т. е., какъ сказано въ предисловіи «сборъ всѣхъ книгъ чтомыхъ, которыя въ Русской землѣ обрѣтаются». Напрасно думаютъ, говоритъ тотъ же ученый, что въ сихъ исполинскихъ Минеяхъ одни житія святыхъ: это драгоцѣннѣйшая энциклопедія литературы того времени ([28]). Замѣтимъ еще, что подъ наблюденіемъ сего іерарха составлены были *Степенныя книги Царскаго Родословія* (въ 17 степеняхъ), которыя прежде приписывали митр. Кипріяну. 24. Посланія къ князю Курбскому и въ монастыри Ки-

---

([27]) Ж. М. Нар. Пр. 1834. Февраль. 167.

([28]) Ibidem. стр. 169.

рилловъ, Троцко-Сергіевъ и проч. Царя Іоанна Васильевича (ск. 1584). Не имѣя цѣлію подробнаго изложенія всѣхъ памятниковъ языка Церковно-славянскаго, мы, въ заключеніе этого обозрѣнія укажемъ на труды патріарха Никона. Онъ вновь и прочно началъ исправленіе церковныхъ рукописей и книгъ, самъ писалъ разныя поученія и грамоты, составилъ сводъ Русскихъ лѣтописей, извѣстный подъ названіемъ *Никоновскаго списка* и вообще трудился много на пользу Церкви. По его порученію іеромонахъ Арсеній Сухановъ ѣздилъ въ Грецію и на Аѳонъ для закупки книгъ и рукописей церковныхъ, что много содѣйствовало обогащенію Патріаршей библіотеки.

Между тѣмъ въ концѣ XVI ст. Православіе, не смотря на происки Католиковъ и Уніатовъ, начинаетъ вновь утверждаться и пріобрѣтать болѣе и болѣе правъ въ Кіевѣ и вообще въ Западной Руси. Вмѣстѣ съ нимъ и письменность на церковномъ языкѣ распространяется здѣсь болѣе и болѣе. Является книгопечатаніе въ Львовѣ, Острогѣ, Кіевѣ и другихъ мѣстахъ; являются первые опыты опредѣлить грамматическія формы и составить словарь языка Церковно-славянскаго; въ Кіевѣ, съ начала XVII ст. постепенно расширяетъ кругъ дѣйствій своихъ Коллегія, облагодѣтельствованная, какъ извѣстно, Петромъ Могилою; такъ что въ половинѣ XVII ст. уже достаточно развивается воздѣлываніе Церковно-славянскаго языка на югѣ Россіи, въ Малороссіи. Это развитіе, зародившееся съ половины XVI ст., распространившееся особенно во второй половинѣ XVII ст. въ Кіевѣ и Москвѣ (куда изъ Кіева переселилось много ученыхъ Малороссіянъ-богослововъ) и продолжившееся до половины XVIII ст., когда раждается чисто Русское духовное

краснорѣчіе, составляетъ собою особую вѣтвь въ общихъ судьбахъ Церковно-славянскаго языка. Припомнимъ имена Лаврентія Зизанія, Кирилла Транквилліона, Захарія Копыстенскаго, Памвы Берынды, Мелетія Смотрицкаго, Петра Могилы, Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго, Іоанникія Голятовскаго, Иннокентія Гизіеля, Лазаря Барановича, Антонія Радивиловскаго, Ѳеофана Прокоповича и друг. Именами этими опредѣляется очеркъ того развитія, которое языкъ Церковно-славянскій совершилъ въ южной, Малой Россіи.

Изъ этого легкаго обозрѣнія мы видимъ, что до половины XVII ст., на языкѣ церковномъ писали почти исключительно Великороссіяне; съ половины этого столѣтія до половины XVIII ст. онъ распространенъ былъ подъ перомъ Малороссіянъ, которые въ Москвѣ принимали не малое участіе въ дѣлахъ Церкви. Съ половины XVII ст., когда появилось духовное краснорѣчіе на языкѣ народномъ, чего начало видимъ мы еще при Петрѣ Великомъ въ проповѣдяхъ того времени, языкъ церковный замѣненъ былъ, въ произведеніяхъ свѣтской литературы и духовнаго ораторства, языкомъ народнымъ Русскимъ и содѣлался собственно и ближайшимъ образомъ достояніемъ Церкви.

Грамматики и Словари языка Церковно-славянскаго. Грамматики. Мы уже видѣли, что первый опытъ опредѣлить грамматическія формы языка Церковно-славянскаго принадлежитъ Іоанну, экзарху Болгарскому. Мы видѣли, что онъ перевелъ сочиненіе Іоанна Дамаскина «о осьми частяхъ слова» или Греческую грамматику, примѣнивъ ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ употребленію языка Славянскаго; видѣли также, что время пощадило одно только начало

этого труда. Старѣйшій изъ списковъ этого сочиненія найденъ въ рукописи, которая по разности почерка раздѣляется на двѣ половины и писана въ листъ на лощеной бумагѣ полууставомъ, подходящимъ къ скорописи, и которая принадлежитъ библіотекѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря. Первая половина писана митрополитомъ Московскимъ Даніиломъ (умершимъ въ 1539 г.) и, кромѣ вышеозначенной грамматики, содержитъ въ себѣ еще 10 статей философскаго содержанія. Грамматика помѣщена подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Книга св. Ивана Дамаскина философская о осмихъ «частѣхъ слова, преведе же еа Иванъ Презвитеръ, Экзархъ Бол-«гарскій, отъ Еллинскаго языка въ Словенскій». Замѣтимъ, что названія частей рѣчи, употребляемыя нынѣ, встрѣчаются большею частію еще у Іоанна экзарха. Таковы: *имя*, глаголъ названъ *рѣчью*, *причястіе*, *мѣстоимене*, *предлогъ*, *нарѣчіе*, *съузъ*. Къ нимъ прибавленъ еще членъ, подъ именемъ *различія*. Именемъ, рѣчью (глаголомъ), причастіемъ и различіемъ прерывается грамматика Іоанна Дамаскина въ переводѣ экзарха Болгарскаго по тремъ спискамъ, бывшимъ въ рукахъ К. Калайдовича (29). Павелъ. Строевъ относитъ трудъ Іоанна экзарха Болгарскаго къ XII ст. Во всякомъ случаѣ грамматическій опытъ, приписываемый этому святителю, долженъ почесться древнѣйшимъ.

2. Многіе приписывали, говоритъ митрополитъ Евгеній (30), Максиму Греку *Грамматику Славенскую*, напечатанную при патріархѣ Іосифѣ въ Москвѣ въ 1648 г., но это несправедливо. Грамматика эта не Максимова, а Мелетія Смотрицкаго; а въ концѣ

(29) Іоаннъ, Э. Б. стр. 74 и слѣд.
(30) Словарь Историческій. Ч. 2. 1827. стр. 38 и проч.

только ея приложено издателями разсужденіе Максима Грека: *О пользѣ Грамматики, Реторики и Философіи* съ азбучною росписью и толкованіемъ именъ святыхъ мужей, въ Мѣсяцесловѣ церковномъ находящихся, и съ грамматическимъ разборомъ двухъ молитвъ: Царю небесный и Отче нашъ.

3. Въ 1591 г. въ Львовѣ напечатана была на Греческомъ и Славянскомъ языкахъ древнѣйшая Греко-славянская грамматика, изданная учениками тамошней братской школы. Она носитъ заглавіе: Ἀδελφότης. *Грамматика доброглаголиваго Еллино-славянскаго языка, совершеннаго искуства осми частей слова ко наказанію многоименитому Россійскому роду. Въ Львови, въ друкарни Братской року* 1591,» въ малую осьмушку на 169 ненумерованныхъ страницахъ. Сочинители писали свою книгу для изученія языка Греческаго.

4. «*Грамматика Славянская съвершеннаго искуства осми частей слова и иныхъ нужныхъ новосъставленій Л. Z. Въ Вильнѣ, въ друкарни братской року Божого* 1596.» Грамматика эта написана *Лаврентіемъ Зизаніемъ*, православнымъ протоіереемъ въ Литовскомъ городѣ Корцѣ. Сочинитель въ основаніяхъ своего труда слѣдовалъ Греческимъ образцамъ и писалъ на тогдашнемъ Русскомъ, смѣшанномъ съ Польскими словами, нарѣчіи. Онъ принимаетъ восемь частей рѣчи и между прочимъ *различіе*, т. е. мнимый членъ: *иже, яже, еже* ([31]). Этимъ же Зизаніемъ составлена и напечатана въ томъ же году Славянская азбука съ молитвами и краткимъ лексикономъ языковъ Церковно-славянскаго и тогдашняго Русскаго.

5. «*Грамматики Славянскія правильное Синтагма потщаніемъ*

([31]) см. подробности въ Опытѣ краткой Исторіи Русской литературы соч. Н. Греча. Спб. 1822.

многогрѣшнаго мниха Мелетія Смотрицкаго въ Киновіи братства церковнаго Виленскаго, при храмѣ Сошествія Пресвятаго и Животворящаго Духа назданномъ странствующаго снисканное и прижитое лѣто Воплощенія Бога Слова 1618», Авторъ этой грамматики, Мелетій Смотрицкій былъ сперва іеромонахомъ въ Виленскомъ, Стародуховскомъ монастырѣ, а потомъ Уніятскимъ епископомъ въ Полоцкѣ и ум. въ 1663 г. ([32]). Грамматика эта имѣла четыре изданія: 1619, 1629, 1648 и 1721. При третьемъ изданіи находится предисловіе, въ коемъ говорится о пользѣ Грамматики и о нуждѣ исправленія книжнаго, и нѣкоторыя выписки изъ сочиненій Максима Грека. Четвертое изданіе нѣсколько исправлено и издано справщикомъ Московской типографіи *Θедоромъ Поликарповымъ*. При семъ изданіи нѣтъ предисловія изъ и выписокъ Максима Грека.

6. «*Грамматика или письменница языка Словенскаго, тщателемъ вькратцѣ издана въ Кремянци* (на Волыни) въ 1638 года. Образцемъ этой грамматики послужилъ трудъ Смотрицкаго.

7. «*Грамматика Словенская въ кратцѣ собранная въ Греческо-Словенской школѣ, яже въ Великомъ Новѣградѣ при домѣ Архіерейскомъ.*» Эта грамматика также извлечена изъ книги Смотрицкаго иподіакономъ Софійскаго Новгородскаго собора *Θедоромъ Максимовымъ*, и напечатана въ С. Петербургѣ, при Троицкомъ Александроневскомъ монастырѣ, въ 1723 году.

8. «*Грамматика или письменница языка Словенскаго;*» въ Кременцѣ. 1638.

([32]) ibidem.

9. «*Грамматика Русскаго и Славянскаго языковъ*», по Латыни написанная Генрихомъ Лудольфомъ и посвященная имъ Петру Великому; въ Оксфордѣ. 1696 г.

10. «*Грамматика Словенская*,» сочиненная Ново городскія школы учителемъ иподіакономъ *Өедоромъ Максимовымъ*. Спб. 1723.

11 «*Грамматика Словенская*,» непечатанная въ епископіи Римнической для Сербовъ. 1755.

12. «*Предисловіе ко Грамматикѣ Словенской*», напечатанной при Іосифѣ патріархѣ, въ которомъ содержится о пользѣ грамматики, о нуждѣ чтенія св. писанія, о необходимости исправленія книжнаго и проч. Москва. 1782.

13. «*Грамматика Славянская*,» сочиненія *Лоносовича*. Ессекъ. 1778. Ея второе изданіе съ Нѣмецко-Венгерскимъ переводомъ въ Budинѣ, 1795.

14. Бесѣдованіе Максима Грека о пользѣ грамматики. М. 1782.

15. «*Грамматика Славенская*», сочиненія *Релковича*. Вѣна. 1789.

16. «*Грамматика Славенская*», соч. *Бернолака*. Познань. 1798.

17. «*Грамматика, руководствующая къ познанію Славено-Россійскаго языка*», соч. *Аполлосомъ*, епископомъ Севскимъ. Кіевъ. 1794.

18. «*Грамматика или руководство къ правоглаголанію и правописанію*», сочинено во употребленіе Сербскихъ училищъ *Стефаномъ* Вуяновскимъ. Вѣна. 1793.

19. «*Грамматика или Руководство къ Славянской грамматикѣ* во употребленіе Славено-Сербскихъ народныхъ училищъ», соч. *Авраамомъ Мразовичемъ*. Вѣна. 1794. Два изданія.

20. «Сокращеніе Славянской Этимологіи, собралъ *Өома Розановъ*. М. 1810.

21. *«Краткая Славенская Грамматика»* составилъ *Петръ Виноградовъ.* Спб. 1825.

22. *«Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris»* соч. аббата Іос. Добровскаго, въ трехъ частяхъ. Вѣна. 1822. Грамматика эта на Русскій языкъ переведена Гг. Погодинымъ и Шевыревымъ и издана въ 1833 г.

23. *«Славянская Грамматика»* заимствованная преимущественно изъ Грамматики Добровскаго *Ив. Пенинскимъ.* Спб. 1825, 1826, 1827 г.

Словари:

1. *«Лексиконъ Славено-Россійи именъ толкованіе*, съ приложеніемъ именъ отъ Еврейскаго, Греческаго, Латинскаго, и отъ иныхъ языковъ, приданы же суть имена преложенія на постриженіи калугерства, (монашества), знаки калугеромъ, або инокомъ; зграмаженный всечестнымъ отцемъ *Памвою Берындою.»* Кіевъ. 1627. Это былъ первый, послѣ краткаго Зизаніева, Славянскій словарь. Въ немъ Славянскія слова истолковываются языкомъ такъ называемымъ Русскимъ, господствовавшимъ тогда въ нашей письменности. Второе изданіе его было въ Кутеинскомъ монастырѣ, въ 1653 г.

2. *«Полный Лексиконъ Греко-Славяно-Латинскій»*, въ 2 томахъ составленный Епифаніемъ Славинецкимъ въ половинѣ XVII стол. и доселѣ хранящійся въ рукописи.

3. *«Лексиконъ треязычный* реченій Славенскихъ, Еллино-Греческихъ и Латинскихъ сокровище, изъ разныхъ древнихъ и новыхъ книгъ собранное, и по Славенскому алфавиту въ чинъ расположенное,» Московской синодальной типографіи справщикомъ Ѳеодоромъ Поликарповымъ. Москва. 1704.

4. «*Лексиконъ*, сирѣчь словесникъ Словенскій, имѣющъ въ себѣ словеса: первѣе Славенскія азбучныя, посемъ же Польскія, благопотребный къ выразумѣнію словесъ Словенскихъ, обрѣтающихся въ книгахъ церковныхъ»; въ Супраслѣ. 1722 г.

5. «*Лексиконъ Славено-Сербскій и Нѣмецкій*,» безъ означенія года и мѣста печатанія.

6. «*Церковный Словарь* или истолкованіе реченій Славенскихъ древнихъ также иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ священномъ писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ; соч. протоіерея *Петра Алексѣева*. 3 части. Москва. 1773—76. Изданія 1794; 1815—18 (въ 5 частяхъ); 1817 — 19.

7. «*Аналогическія таблицы* Славено-Россійскаго словаря; изданы *Академіею наукъ* въ 5 частяхъ. Спб. 1781.

8. «*Краткій Словарь Славянскій*, съ прибавленіемъ Славянскихъ склоненій, спряженій и нѣкоторыхъ нужнѣйшихъ грамматическихъ правилъ»; собралъ іеродіаконъ *Евгеній* (въ послѣдствіи митрополитъ Кіевскій). Спб. 1784.

9. «*Опытъ Словаря древнихъ Славянскихъ* словъ и реченій, находящихся въ древнихъ Россійскихъ рукописяхъ и Лѣтописцахъ харатейныхъ и печатныхъ и прочихъ памятникахъ древней Русской словесности, съ изъясненіемъ значенія оныхъ.» Составленъ *А. Петровымъ*. М. 1831.

10. «*Общій Церковно-Славяно-Россійскій Словарь*, или собраніе рѣчей, какъ отечественныхъ такъ и иностранныхъ въ Церковно-Славянскомъ и Россійскомъ нарѣчіяхъ употребляемыхъ.» Состав. П. С. Спб. 1834.

Древнѣйшія типографіи въ коихъ печатались книги на Церковнославянскомъ языкѣ съ означеніемъ времени, съ коего каждая изъ нихъ начала дѣйствовать и ея старѣйшихъ книгъ. (33)

1. Въ Краковѣ, съ 1491. Псалтырь съ возслѣдованіями и Часословецъ.
2. ,, Угровлахіи, съ 1512. Евангеліе напрестольное.
3. ,, Прагѣ (въ Богеміи), съ 1517 — 19 г, Библія переводъ док. Скорины.
4. ,, Вильнѣ, съ 1525. Апостолъ, того же переводчика.
5. ,, Венеціи, съ 1527. Катихизисъ.
6. ,, Сербіи, съ 1547. Молитвословъ.
7. ,, Тубингѣ, съ 1554. Новый Завѣтъ.
8. ,, Несвижѣ, съ 1562. Катихизисъ Симона Буднаго.
9. ,, Тригуріи, съ 1562. Евангелія воскресныя и праздничныя.
10. ,, Москвѣ съ 1564. Апостолъ.
11. ,, Львовѣ, съ 1573. Апостолъ.
12. ,, Острогѣ, съ 1580. Новый Завѣтъ. Библія въ 1681.
13. ,, Дерманскомъ монастырѣ, близь Острога, съ 1603. Октоихъ.
14. ,, Стрятинѣ, съ 1604. Служебникъ.
15. ,, Галичѣ, съ 1606. Евангеліе толковое воскресное.
16. ,, Евю, близь Вильны, съ 1611. Новый Завѣтъ.
17. ,, Кіевѣ, съ 1614. Канонникъ.
18. ,, Могилевѣ, съ 1616. Евангеліе учительное воскресное.
19. ,, Почаевѣ, съ 1618. Зерцало Богословіи.

---

(33) Опытъ Россійской библіографіи В. Сопикова. Спб. 1813. Часть 1. стр. CXIII—CXIII.

20. Въ Угорцахъ, съ 1618. Собраніе словесъ отъ божественнаго писанія.
21. „ Рохмановѣ, съ 1619. Евангеліе учительное воскресное.
22. „ Луцкѣ, съ 1628. Давида Андреевича Ламентъ.
23. „ Стокгольмѣ, съ 1628. Катихизисъ.
24. „ Кутеинскомъ монастырѣ, близь Орши, съ 1632. Новый Завѣтъ.
25. „ Кременцѣ, съ 1638. Грамматика Славенская.
26. „ Черниговѣ, съ 1646. Слова похвальныя Кирилла Транквилліона.
27. „ Дельскомъ монаст., съ 1647. О подражаніи Іисусу Христу.
28. „ Тереговищахъ, съ 1649. Трипѣснецъ св. Четыредесятницы.
29. „ Лореттѣ, съ 1649. Сокровище Славенскаго языка.
30. „ Иверскомъ монастырѣ, что при Валдаяхъ, съ 1656. Рай мысленный, соч. Никона.
31. „ Новгородѣ, съ 1658. Псалтирь съ возслѣдованіемъ.
32. „ Будинѣ, съ 1670. Евангелія свв. Матѳея и Марка.
33. „ Уневскомъ монастырѣ, съ 1674. Выкладъ о церкви святой.
34. „ Новгородѣ-Сѣверскомъ, съ 1678. Анѳологіонъ.
35. „ Яссахъ, съ 1680. Псалтирь.
36. „ Монастырѣ Супраслѣ, съ 1695. Минея общая.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О Глагольской азбукѣ и письменности (1).

Въ ближайшей связи съ Кирилловскою азбукою и даже въ своего рода соперничествѣ съ нею касательно первобытности и древности, находится Глагольская. Потому то мы должны представить здѣсь главнѣйшіе результаты изслѣдованій о ней, сдѣланныхъ въ наше время.

Извѣстно, что изъ среды при-Адріатическихъ Славянъ, нѣкоторые Далматы и Кроаты имѣютъ особаго рода азбуку, которая въ качествѣ и порядкѣ буквъ согласна съ Кирилловскою, но отличается отъ нея довольно страннымъ и вычурнымъ ихъ изображеніемъ. О происхожденіи этой азбуки писано было довольно

---

(1) Источники: 1. *S. F. Frisch* Origo characteris Slavonici vulgo Cyrillici, et glagolitici. Berol. 1727. 4. — *S. P. Kohl* introductio in rem liter. Slavorum. — *Cl. Grubissich* in orig. et histor. alphabeti Slavonici glagolitici vulgo Hieronymiani disquisitio. Venet. 1766. 8. — *F. Durich* Dissert. de Slavo-Bohemica S. Codicis versione, Pragae. 1777. 8. (§ 3). — Abhandlungen einer Privatgesellschaft u. s. w. Ir. Bd. 1775. 8. стр. 164 — 199. von *Voigt*. — Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft der Wiss. auf das Iahr 1785. Prag. 8. von *Dobner*. — *K. G. Anton's* erste Linien e. Versuchs üb. d. alten Slawen. 2 Th. стр. 103 и слѣд. — *A Linhard* Vers. e. Gesch v. Krain. 2r. Th. Laibach. 1788. 8. стр. 357 — 358. — *Ch. F. Schnurrer* Slaw. Bücherdruck in Würtemberg im XVI Iahrh. Tüb. 1799. 8. — *S. Ch. Engel* Gesch. d. ungr. Reichs. 1798. II. стр. 472. III. 457 и слѣд. — *I. Dobrowsky* Glagolitica, üb. d. Glagol. Liter. Prag. 1807. 8. — Glagolita Closianus id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi etc. *Bartholomaei Kopitarii*. Vendobonae. 1836. in fol. — *Прейсъ*: О глагольской письменности. Ж. М. Н. Прос. 1843. Мартъ.

много еще до аббата Добровскаго, который первый рѣшилъ вопросъ удовлетворительно и можно сказать окончательно. До него много вредилъ съ одной стороны ложный патріотизмъ, а съ другой недостатокъ въ положительныхъ данныхъ и фактахъ, равно какъ и въ глубокомысленной и безпристрастной критикѣ, которая бы основана была на твердыхъ началахъ ума, образованнаго философски, и которою обладалъ Добровскій.

Господствующимъ, народнымъ мнѣніемъ въ Далматіи, изстари и еще въ наше время, было то, что изобрѣтеніе Глагольской азбуки или буквицы принадлежитъ блаженному Іерониму, отцу IV вѣка, родомъ будто бы Далмату, о коемъ мы говорили уже въ первой главѣ нашей книги. Мнѣніе это распространено было Глаголитами (т. е. Далматскими священниками, кои отправляютъ церковную службу по догматамъ и обрядамъ Западной церкви, но по книгамъ, писаннымъ на Славянскомъ языкѣ). Замѣтимъ еще, что первымъ документальнымъ памятникомъ этого мнѣнія служатъ слова папы Иннокентія IV въ буллѣ его, данной въ 1248 г. одному изъ епископовъ этой страны (episc. Scemensi). Одобряя употребленіе Славянскаго языка и книгъ при богослуженіи, папа пишетъ: porrecta nobis tua petitio continebat, quod in Slavonia est litera specialis, quuam illius terrae clerici se habere a Beato Hieronimo asserentes, eam observant in divinis officiis celebrandis, т. е. «доставленное намъ отъ тебя прошеніе содержало, что въ Славоніи (въ Далматіи и Кроатіи) есть особая азбука, которую церковнослужители этой страны употребляютъ при священнослуженіи, утверждая, что они имѣютъ ее отъ блаженнаго Іеронима.» Мнѣніе это сохранилось и было господствующимъ до прошедшаго столѣтія, когда получили

начало свое первыя критическія предположенія и разысканія о началѣ Глагольскаго письма.

Графъ Грубиссихъ полагалъ начало этого письма во Фригіи и Ѳракіи и утверждалъ, что оно ведетъ свое начало отъ Гетскихъ и Готѳскихъ рунъ. Между тѣмъ еще въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія начались ученыя сомнѣнія въ томъ, — имѣетъ ли Глагольская азбука столь древнее происхожденіе и ведетъ ли она начало свое отъ бл. Іеронима. Однимъ изъ первыхъ усомнившихся въ этомъ былъ *Ассемани*. Въ своихъ Kalend. Slav. T. IV (pag. 408), онъ говоритъ: falsa haec Slavorum traditio inde orta, quod S. Hieronymus Dalmata fuerit, — ceterum literas Slavicas excogitasse Cyrillum, non Hieronymum, res est certo certior. Въ дальнѣйшія разысканія Ассемани не пускался однакожь.

Коль, во второй книгѣ своего Introductio посвятилъ вопросу о Глагольской азбукѣ 6 параграфовъ; но, по справедливому замѣчанію Добровскаго, ничего не рѣшилъ, какъ и Ассемани, хотя разглагольствовалъ болѣе нежели сей послѣдній. *Фришъ* предполагалъ, что Глагольская азбука произошла отъ Кирилловской посредствомъ того, что переписчики въ разныя времена и мало по малу то умышленно разукрашали, то, по своей небрежности, искажали Кирилловскія буквы. Мнѣніе это было принято Кѳлемъ, Фойгтомъ, Шлецеромъ и другими, которые при томъ считали эту азбуку дѣломъ позднѣйшаго преобразователя.

Къ концу прошедшаго столѣтія появилось мнѣніе аббата Добровскаго, этого по истинѣ даровитѣйшаго и ученѣйшаго изъ всѣхъ Славянологовъ, какіе только жили до нашего времени. Мнѣніе его состояло въ слѣдующемъ. Глагольская азбука относится къ XIII ст.,

(въ своихъ первыхъ сочиненіяхъ полагалъ онъ начало ея полутора вѣкомъ раньше. Она изобрѣтена въ Далматіи или въ Кроатіи, съ тою цѣлію, чтобы сохранить Славянское богослуженіе въ этихъ земляхъ, рано проникшее туда вмѣстѣ съ переводомъ св. писанія, сдѣланнымъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ, разницею буквъ удалить Далматовъ и Кроатовъ отъ употребленія при литургіи Кирилловскихъ книгъ, содержавшихъ въ себѣ въ точномъ переводѣ текстъ Восточной Церкви. Вотъ слова его въ извлеченіи (2).

«Не могло быть другаго, болѣе благопріятнаго времени для водворенія первой Славяно-Римской литургіи, какъ начало XII-го столѣтія, когда въ 1204 г. столица Византійской Имперіи покорена была Французами и когда родилась надежда присоединить Грековъ и Славянъ Греческаго исповѣданія къ Латинской церкви. Не легко могъ епископъ изъ Славянъ, получившій отъ Иннокентія IV разрѣшеніе употреблять Іеронимовскія буквы, найти такого снисходительнаго папу, какимъ оказался этотъ первосвященникъ. Иннокентій IV соглашался и Русскимъ, въ Червонной Россіи, оставить ихъ церковнослуженіе на отечественномъ языкѣ, и по Греческому обряду, лишь бы перешли они въ лоно Римской Церкви. Тѣмъ охотнѣе, по требованію епископа Сцеменскаго (episc. Scemensis), одобрилъ онъ Римско-славянскую литургію. Между тѣмъ, за 128 лѣтъ, папа Григорій VII считалъ дерзостію, что жители Богеміи желали слушать литургію на Славянскомъ языкѣ. Иннокентій IV былъ гораздо уступчивѣе. Его согласіе, хотя и не безусловное,

(2) Glagolitica. Стр. 16 и слѣд.

послужило однакожь причиною, что съ того времени, съ 1248 г., Глагольская литургія распространилась мало по малу въ Адріатикѣ. Національное самолюбіе Далматовъ и Кроатовъ находило пищу въ томъ, что изобрѣтателемъ буквъ, которыми глаголиты писали свои книги, полагали столь знаменитаго учителя Церкви, каковъ былъ бл. Іеронимъ, ихъ мнимый соотечественникъ. Это предположеніе находило тѣмъ болѣе правдоподобія, чѣмъ менѣе усомнились отнести къ Далматамъ слова этого церковнаго учителя въ одномъ изъ его посланій къ Софронію: linguae meae hominibus (3). Этого желали, а потому и вѣрили охотно. Поелику же Іеронимъ, въ словахъ своихъ, говоритъ именно о псалтири, которую онъ передалъ «людямъ языка своего по тексту 70 толковниковъ», то не могло быть недостатка въ легковѣрныхъ Далматахъ, которые, увидя псалтирь, приспособленную къ Іеронимову тексту и написанную новыми, невиданными дотолѣ буквами, неусомнились принять ее за подлинный трудъ бл. Іеронима. Такъ случилось въ самомъ дѣлѣ. Такая псалтирь была въ наличности: можетъ быть есть еще и теперь гдѣ либо. Эта псалтирь написана была глагольскими буквами на пергаменѣ въ 1222 г. при папѣ Гоноріѣ, нѣкіимъ Николаемъ, церковникомъ (clericus) на островѣ Арбѣ. Въ первой полов. XVII столѣтія Леваковичь видѣлъ и довольно подробно описалъ ее. Описаніе его буквально приведено у Карамана и Ассемани. Дѣло въ томъ, что Николай, въ предисловіи къ этой псалтири, говоритъ что онъ въ точности списалъ ее съ другой древнѣйшей Славянской, которая написана была по приказанію

---

(3) Смотр. главу первую.

Θеодора, послѣдняго архіепископа Салонскаго. Левакович и Караманъ (см. ниже) принимаютъ это свидѣтельство за истину; относятъ Θеодора, какъ послѣдняго епископа Салоны, которая разрушена была 640 г., къ VII ст., — и думаютъ, что эта древнѣйшая псалтирь содержала въ себѣ переводъ Іеронима, тѣмъ болѣе, что Кириллъ жилъ 200 годами позднѣе. Такимъ увѣреніямъ однакожь въ придисловіяхъ, каково сдѣланное переписчикомъ Николаемъ къ своей псалтири, не всегда должно вѣрить безусловно. Еще Ассемани сомнѣвался не было ли говорено въ древней псалтири просто объ архіепископѣ Θеодорѣ и не сдѣлалъ ли Николай произвольнаго заключенія, что этотъ Θеодоръ былъ послѣднимъ архіепископомъ Салонскимъ. Къ тому же Ассемани приводитъ позднѣйшаго Θеодора, архіепископа Спалатскаго, который жилъ около 880 и 890 годовъ и при коемъ прототипъ Николаевой псалтири могъ быть написанъ, тѣмъ болѣе, что архіепископы Спалаты, куда въ 650 г. перенесена была архіепископская каѳедра изъ Салоны, носили еще позднѣе титулъ архіепископовъ Салонскихъ. Въ этомъ же случаѣ, псалтирь, послужившая Николаю подлинникомъ для переписки, могла быть заимствована уже изъ Кирилловскаго текста. Такъ объясняетъ этотъ вопросъ Ассемани, который никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы до Кирилла могъ существовать Славянскій переводъ книгъ св. писанія. Понятно, что, какъ Левакович и бывшій въ его время епископъ Терлецкій, не понимая Еврейскаго языка, могли Славенскую псалтирь Бревіарія отъ 1648 г. приспособить къ Вульгатѣ, точно такъ могъ и Николай изъ Арбы или кто либо другой, понимавшій по Латыни, измѣнить Кирилловскій переводъ псалтири по Вульгатѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ переводъ этотъ откло-

нялся отъ нея. Николай изъ Арбы, одинъ изъ первыхъ глагольскихъ письменныхъ мужей, сдѣлалъ натяжку и умышленно привелъ послѣдняго архіепископа Салонскаго около 640 г. съ цѣлію привести читателя къ той мысли, что еще до Кирилла существовалъ Славянскій переводъ священныхъ книгъ, согласный съ Вульгатою, и чтобы такимъ образомъ убѣдить его въ истинѣ глагольскаго преданія о блаженномъ Іеронимѣ, какъ о первомъ установителѣ Славянской литургіи въ Далматіи.

«Кто позволитъ, продолжаетъ Добровскій ввести себя въ заблужденіе подозрительнымъ свидѣтельствомъ Николая изъ Арбы? никто, убѣжденный въ томъ, что до Кирилла не было ни Славянской азбуки, ни Славянской литургіи. Только простодушный *Альтеръ* позволилъ себѣ, въ недавнее время, увлечься мнѣніемъ, что древняя Римско-славянская литургія существовала еще въ Ѳессалоникахъ, въ которой назидаемъ былъ и Кириллъ, и что гораздо прежде его существовалъ Славянскій переводъ книгъ св. писанія, сдѣланный съ Италы, а не съ Греческаго текста. *Добнеръ* принималъ сначала также, что до Кирилла не было никакой Славянской литературы, литургіи и редакціи Библіи. Между тѣмъ, когда въ 1782 г. объявилъ я, говоритъ Добровскій, что глагольскія буквы суть позднѣйшее изобрѣтеніе, коимъ сыграли скромный обманъ, приписавъ ихъ бл. Іерониму, почелъ онъ (Добнеръ) себя призваннымъ къ тому, чтобы защитить Глаголитовъ отъ обвиненія въ обманѣ. Чтобы отклонить отъ нихъ подозрѣнія въ умышленно сдѣланномъ измѣненіи Славянскихъ буквъ, Добнеръ рѣшился лучше обвинить Славянъ Греческаго исповѣданія въ томъ, что они истинные, древніе Славянскіе (т. е. по его вновь вымышленной

гипотезѣ, глагольскіе) буквы измѣнили и вмѣсто ихъ ввели мало по малу Греческіе, хотя и съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ фигуръ древне-Славянскаго (т. е. глагольскаго) письма. Всюду, безъ выбора и безъ точнаго изслѣдованія, собиралъ онъ гдѣ могъ все, что только могло хотя издали служить къ подтвержденію его неслыханнаго дотолѣ мнѣнія. Всему этому однакожь онъ умѣлъ дать такой видъ, что его новая гипотеза иному несвѣдущему читателю могла показаться правдоподобною. Между тѣмъ Dr. *К. Г. Антонъ* думалъ, что Добнеръ доказалъ свою гипотезу. Склонный къ тому, что Глагольская азбука древнѣе Кирилловской, онъ легко принялъ его мнѣніе и, основываясь на формѣ буквъ первой изъ сихъ азбукъ, призналъ, что Глагольская азбука древнѣе самого Іеронима и есть первобытное письмо. Такъ далеко предположеній своихъ не простиралъ и Добнеръ, знавшій все таки, что Славянская письменность не восходитъ ранѣе IX столѣтія. Мнѣніе Добнера принялъ и Шимекъ, братъ его по ордену и профессоръ въ Вѣнѣ.» Замѣтимъ еще, что *Лингардъ*, котораго предположенія Добровскій разбираетъ и поясняетъ у себя въ Glagolitica, выводилъ глагольское письмо отъ Греческаго, хотя относилъ его къ V ст., вскорѣ послѣ смерти Іеронима.

Дожно согласиться, что предположенія аббата Добровскаго, въ общихъ своихъ положеніяхъ, были ведены просто и естественно, а потому мнѣніе его вскорѣ распространилось и сдѣлалось господствующимъ. Только въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ приговоры и опредѣленія его слишкомъ рѣзки: такъ напримѣръ нѣтъ основанія думать, чтобы именно Николай изъ Арбы былъ изобрѣтателемъ глагольскихъ буквъ. Весьма правдоподобно, что ими сдѣланъ былъ

небольшой обманъ, но изобрѣтеніе ихъ должно отнести не къ XIII, а къ XI и XII столѣтіямъ, потому что папа Иннокентій IV говоритъ уже объ этихъ буквахъ, какъ распространенныхъ между Далматами. Въ новѣйшее время, уже по смерти Добровскаго, вопросъ о происхожденіи Глагольской азбуки возникъ снова, хотя большинство голосовъ все таки на сторонѣ сего мужа.

Въ 1830 г. Копитару, хранителю Палатинатской биліотеки въ Вѣнѣ, сдѣлалась извѣстна Глагольская пергаменная рукопись, содержащая въ себѣ отрывки изъ Іоанна Златоуста и слово святаго Епифанія и принадлежащая теперь Графу Клоцу (Glagolita Clozianus). Основываясь на палеографическихъ данныхъ и на особенностяхъ языка, Копитаръ полагаетъ, что Клоцева рукопись въ древности можетъ поспорить съ древнѣйшимъ памятникомъ Кирилловской письменности, Евангеліемъ Остроміра, и что Глагольская азбука была въ употребленіи не только у Далматовъ, но даже и у Болгаръ. Поводомъ принять это послѣднее мнѣніе послужила для него во первыхъ надпись, находящаяся на Глагольскомъ Парижскомъ кодексѣ, который относится ко времени не позже XII столѣтія, abecenarium bulgaricum; а во вторыхъ, обстоятельство, что въ Кирилловскихъ рукописяхъ находятся глагольскія буквы. На основаніи этихъ словъ Копитаръ простеръ гораздо далѣе свои предположенія. Онъ допустилъ, что и въ Болгаріи и Далматіи и вообще у Славянъ Задунайскихъ Восточнаго и Западнаго исповѣданія, были въ употребленіи двѣ азбуки: одна Кирилловская, церковная, и другая Глагольская, свѣтская; что первая изобрѣтена Греками, новѣе второй и, будучи въ постоянномъ употребленіи въ церквахъ, вытѣснила вторую въ земляхъ Задунайскихъ. Мнѣніе Копитара нашло осно-

вательнаго цѣнителя для себя въ г. Прейсѣ, занимающемъ каѳедру Славянскихъ нарѣчій въ С. Петербургскомъ университетѣ. Вотъ слова его въ извлеченіи: «1. Глагольскія письмена могли быть извѣстны въ Болгаріи, но это не доказываетъ еще чтобы они были въ общемъ употребленіи въ этой странѣ. Глагольскія буквы, находимыя въ Кирилловскихъ памятникахъ, могли быть затѣею, прихотью писцевъ. Въ Кирилловскихъ памятникахъ встрѣчаются буквы совершенно *неизвѣстнаго* происхожденія. Въ Глагольскихъ рукописяхъ нерѣдко заглавныя буквы заимствованы изъ Латинской, даже изъ Кирилловской азбуки. Притомъ если уже существовало народное глагольское письмо, — къ чему было Кириллу изобрѣтать новый алфавитъ, который, какъ всякая новизна, могъ служить ему только препятствіемъ въ его великомъ дѣлѣ? Болгаре были враждебны Грекамъ и, если бы имѣли свою народную азбуку, не предпочли бы ее Греческой. До сихъ поръ извѣстно множество Болгаро-кирилловскихъ рукописей, но нѣтъ ни одного Глагольскаго кодекса, который бы писанъ былъ въ Болгаріи. Притомъ всѣ извѣстные доселѣ Глагольскіе памятники, въ уклоненіяхъ своихъ отъ общей нормы Церковно-славянскаго языка, ведутъ насъ прямо въ отечество свое, въ приморскую Кроацію. — 2. Слова въ Парижскомъ кодексѣ: «abecenarium bulgaricum,» по всей вѣроятности, значатъ тоже, что и «тарабарская грамота», каковою конечно могли показаться Французу вычурныя, глагольскія буквы. Извѣстно при томъ, что имя Болгарина, со времени перваго Крестоваго похода, употребляемо было, именно Французами, въ самомъ невыгодномъ значеніи. 3. Монахъ Храбръ, Болгаринъ, говоритъ, что до Греческихъ и Латинскихъ буквъ Славяне употре-

бляли черты и рѣзы, подъ которыми никоимъ образомъ нельзя разумѣть глагольскихъ буквъ. 4. Неизвѣстно, на чемъ основываетъ Копитаръ мнѣніе, что Глагольское письмо есть Славянское, а Кирилловское Греко-славянское. Первое ни на чемъ не основано и ничѣмъ не доказано; а Кирилловскій алфавитъ есть Греко-славянскій въ такомъ же смыслѣ, какъ Греческій—Финикійско-Греческій. «Нужны ли были, спрашиваетъ далѣе г. Прейсъ, Славянскому алфавиту Греческія буквы: ς, ω, ο, два *и* (ι, η,)? а между тѣмъ всѣ они находятся въ Глагольской азбукѣ.» Откуда здѣсь они, какъ не изъ Греческаго письма», и притомъ, замѣтимъ мы съ Добровскимъ, чрезъ посредство Кириллицы. «Глагольская фигура буквы *ф* развѣ не есть Греческая? Развѣ буква *оу* не есть Греческая комбинація? Притомъ, нужно ли было Болгарину изобрѣтать знакъ, въ которомъ его нарѣчіе не нуждается? а таковъ именно Хорватскій знакъ j.»

Вообще навязавъ Глагольское письмо Болгарамъ, Копитаръ думаетъ тѣмъ показать его первобытность у Славянъ вообще; но предположенія его лишаются всякой силы предъ основательными возраженіями г. Прейса, который говоритъ въ заключеніе. «Несправедливо называть Глагольскій алфавитъ исключительно Славянскимъ: онъ въ тѣхъ же пунктахъ Греческій, въ которыхъ и Кирилловскій. Наконецъ, прибавляетъ онъ, показавъ неосновательность и филологическихъ выводовъ Копитара на основаніи Клоцевой рукописи, — не должно упускать изъ виду и важнѣйшаго обстоятельства: въ самой Далматіи до XIII столѣтія не упоминается ни слова о Глагольскомъ алфавитѣ, между тѣмъ какъ употребленіе Кирилловскихъ письменъ въ сей странѣ внѣ всякаго сомнѣнія.

Свидѣтельствомъ тому служитъ булла папы Іоанна X отъ 925 г. и опредѣленіе Солинскаго собора въ 1059 г., коими воспрещалось богослуженіе по книгамъ Меѳодія, не находящагося, по словамъ папы Іоанна X, въ числѣ святыхъ, и провозглашеннаго на Солинскомъ соборѣ еретикомъ, при чемъ его буквы названы были готскими, т. е. еретическими (Готы были Аріяне). Такимъ образомъ предположенія Копитара остаются недоказанными.

Яковъ Гриммъ признаетъ также первобытность Глагольскаго письма. Въ древности писали отъ правой руки къ лѣвой. Въ этомъ способѣ письма, согласно съ легчайшимъ способомъ двигать руку, прямолинейныя части буквъ ставились всегда съ-права, а съ-лѣва придѣлывалось уже то, что составляетъ особенность каждой буквы. Когда начали писать тъ лѣвой руки къ правой, прямолинейныя черты буквъ были перенесены на-лѣво, кривыя черты, составляющія собственное отличіе буквы, на-право. На этомъ основаніи, Гриммъ принимаетъ, что Глагольская азбука уже потому обнаруживаетъ свое первоначальное, древнѣйшее происхожденіе, что въ ней именно эти кривыя части находятся съ-лѣва (ꙅ), какъ въ азбукахъ первобытныхъ. Очевидно, это замѣчаніе Гримма не имѣетъ никакой наукообразной важности. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ Европейскія азбуки, въ начертаніи буквъ и въ ихъ порядкѣ, основаны вообще на азбукѣ Греческой или непосредственно, или чрезъ посредство Латинской. Изъ этого общаго правила исключеніе составляетъ азбука небольшаго Славянскаго племени, не игравшаго почти никакой роли ни въ мірѣ политическомъ, ни въ мірѣ умственномъ. Между тѣмъ въ начертаніи буквъ эта азбука чрезвычайно сложна и вычурна; въ порядкѣ ихъ она слѣдуетъ расположенію

Греческой. Изъ этого послѣдняго обстоятельства нельзя не видѣть ея позднѣйшаго происхожденія; равно какъ изъ перваго — того, что буквы въ ней были испещрены и разукрашены умышленно. Одну только азбуку знаемъ мы у всѣхъ образованныхъ народовъ Европы: это азбука Греко-Латинская, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, заимствованная ими въ ту эпоху, когда они подчинились вліянію образованности древнихъ. Далматія не могла составлять собою въ этомъ случаѣ исключенія. Въ послѣдствіи Греческія буквы были приспособлены къ языку Славянскому Константиномъ и Меѳодіемъ, точно также какъ это сдѣлано было за нѣсколько столѣтій предъ тѣмъ на Западѣ съ Латинскими буквами. Видоизмѣненная и приспособленная къ языку Славянскому, Греческая азбука осталась достояніемъ всѣхъ истыхъ Славянъ. Другія изъ племенъ сего поколѣнія, по вліянію Запада, приняли буквы Латинскія, иныя — Нѣмецкія. Откуда же азбука Глагольская, составляющая собою рѣзкое исключеніе изъ этого общаго правила? послѣ этихъ соображеній, происхожденіе ея невольно становится подозрительнымъ, — происхожденіе случайное, вынужденное обстоятельствами, которое такъ счастливо угадалъ Добровскій.

Какимъ же образомъ возникла и распространилась въ при-Адріатическихъ Славянскихъ земляхъ, такъ называемая, Глагольская азбука? на основаніи догадокъ и замѣчаній Добровскаго, подкрѣпленныхъ возраженіями г. Прейса противъ новыхъ гипотезъ Копитара, мы можемъ отвѣчать на этотъ вопросъ слѣдующее. — Когда въ IX столѣтіи Константинъ и Меѳодій преподали Паннонскимъ и Моравскимъ Славянамъ богослуженіе на ихъ отечественномъ языкѣ, тогда богослуженіе это проникло и въ Кроатію и въ

Далматію. Нераздѣльность Церквей Восточной и Западной въ IX и началѣ X-го вѣка способствовала этому, тѣмъ болѣе, что богослуженіе на Славянскомъ языкѣ, въ IX вѣкѣ, не нашло противодѣйствія и со сторы самыхъ папъ Адріана II и Іоанна VIII, заботившихся впрочемъ о поддержаніи своей духовной власти надъ Славянами. Ученики изъ школы Меѳодія, говоритъ г. Прейсъ, распространили Славянизмъ. Хорваты (Кроаты) и Сербы (Далматы) предпочли чуждое имъ, но все-таки Славянское нарѣчіе и Греческому и Латинскому, при священнослуженіи. Предположеніе этого ученаго, которое самъ онъ называетъ слишкомъ смѣлымъ, что Римскіе миссіонеры, изгнанные изъ Болгаріи (878—889) переселились въ Далматію и содѣйствовали здѣсь распространенію знанія Церковно-Славянскаго языка, весьма правдоподобно. Между тѣмъ раздѣленіе Церквей въ первой половинѣ X-го вѣка рѣзко обозначилось; нетерпимость Римскаго духовенства увеличилась; въ Римѣ свѣжо было еще преданіе о томъ, что Славянское богослуженіе, распространенное между Славянами, обитавшими въ Германіи и при-Адріатикѣ, пришло съ Востока, изъ Византіи. Тутъ то загремѣли буллы Римскія. Въ слѣдствіе буллы папы Іоанна X-го въ 925 г., на Сплетскомъ соборѣ Славянское богослуженіе было строго запрещено. Запрещеніе это было подтверждено, чрезъ 134 года, въ 1059 г., на соборѣ въ Солинѣ (возлѣ Сплета). Самое подтвержденіе однакожь симъ послѣднимъ соборомъ запрещенія, объявленнаго за полтора вѣка предъ тѣмъ на соборѣ Сплетскомъ, показываетъ, что богослуженіе на Славянскомъ языкѣ все таки поддерживалось въ Славянской при-Адріатикѣ. Оно поддерживалось тутъ и послѣ того, доказательствомъ чему служатъ приведенныя

выше слова папы Иннокентія IV, хотя въ его время былъ уже въ наличности переворотъ, произведенный Глаголитами въ Славянскомъ богослуженіи, слова, благопріятныя, уже изъ новыхъ видовъ, Далматославянскому тексту литургіи.

Какъ бы то ни было, во время этой борьбы Кирилло-Славянскаго богослуженія съ властію Рима, и именно въ періодъ между половиною XI и началомъ XIII столѣтія получило начало свое Глагольское письмо. Періодъ этотъ назначаемъ мы, потому что съ одной стороны папа Иннокентій IV, въ буллѣ своей отъ 1248, говоритъ объ Іеронимовскихъ буквахъ, какъ о дѣлѣ уже существовавшемъ въ его время, а съ другой — потому что въ запрещеніи Солинскаго собора, въ 1059 г., упоминается еще о Меѳодіѣ и его буквахъ. Въ этомъ то періодѣ и вѣроятно въ XII столѣтіи составлена была Глагольская азбука и вотъ по какому двоякому поводу. При-Адріатическіе Славяне, по примѣру своихъ Восточныхъ соотчичей, восхваляя Бога и воспѣвая литургію на отечественномъ, понятномъ языкѣ, и по Кирилловскимъ книгамъ, съ опасеніемъ взирали на покушенія Рима отнять у нихъ это преимущество. Далматское духовенство, съ своей стороны, приверженное Римскому престолу и воспитанное въ духѣ Западной Церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ преданное своей народности, придумало средство утушить борьбу и согласить противорѣчіе. Въ Кирилловскихъ книгахъ кромѣ того оно могло видѣть и отступленія отъ догматовъ Западной Церкви, въ которыхъ по духу ея, было укоренено. Отъ этого тѣмъ сильнѣе чувствовало оно необходимость переворота въ Славянскомъ богослуженіи у себя въ Кроатіи и Далматіи. Тогда то, въ средѣ этого духовенства, родилась мысль удовлетворить и на-

ціональному порыву своихъ соотечественниковъ, желавшихъ сохранить литургію и чтеніе книгъ на родномъ языкѣ, и сдѣлать это такимъ образомъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе устранить ихъ отъ вліянія Восточной Церкви и удержать въ лонѣ Католицизма. Такимъ образомъ составлена была литургія и прочія церковныя книги, хотя на языкѣ Славянскомъ, но по догматамъ Западной Церкви и по тексту Вульгаты. При этомъ, разумѣется, могъ быть принятъ за основаніе всего ближе Кирилловскій текстъ, только съ измѣненіемъ и приспособленіемъ къ Вульгатѣ. Для большаго отдаленія отъ Славянъ Восточной Церкви и Грековъ, написали новый Славяно-Католическій текстъ церковныхъ книгъ новыми искуственно составленными буквами. Далѣе, такъ какъ Славяне Греческаго исповѣданія, во главѣ своихъ учителей поставляли Константина и Меѳодія; то Далмато-Католическое духовенство, чтобы въ свою очередь удовлетворить національному тщеславію своихъ соотечественниковъ, приписало новый Славянскій текстъ Вульгаты и новыя буквы Бл. Іерониму, родомъ будто бы Далмату. Римское духовенство, руководимое нетерпимостію, долгое время съ недовѣрчивостію взирало на новую Глагольскую литургію, чему доказательствомъ служитъ запрещеніе Иннокентія IV распространять ее въ тѣхъ мѣстахъ, куда она еще не проникла. Въ послѣдствіи же, когда болѣе убѣдились въ ея вѣрности духу и догматамъ Католицизма, на нее взирали уже съ большимъ снисхожденіемъ и Пропаганда печатала глагольскія книги.

Глаголиты имѣютъ и свою письменность, которая однакожь состоитъ исключительно изъ книгъ богослужебныхъ. Древнѣйшимъ памятникомъ Глагольской письменности, по мнѣнію Копитара, служитъ рукопись, принадлежащая Барону Клоцу и содержащая

въ себѣ, какъ мы уже сказали, отрывки изъ Іоанна Златоуста и слово св. Епифанія. Копитаръ относитъ ее къ половинѣ XI столѣтія. За тѣмъ слѣдуетъ Псалтирь церковника Николая изъ острова Арбы, относящаяся къ 1222 году и въ подлинникѣ неосновательно приписанная позднѣйшими глаголитами Бл. Іерониму. Кромѣ этой псалтири, кодекса, который содержитъ въ себѣ чтенія изъ Евангелій въ воскресные и праздничные дни, Миссаловъ и Бревіяріевъ, нѣтъ никакихъ Глагольскихъ рукописей. Позднѣе переведена была вся Библія на Далматскій языкъ, но, не смотря на желаніе одного тамошняго священника въ 1557 г. напечатать ее Глагольскими буквами, это не удалось. Таже участь постигла и переводы Варѳоломея Кассія 1640, и Стефана Розы 1750 г. Гдѣ находятся подлинныя рукописи ихъ переводовъ, не извѣстно.

Въ 1483 г. появилась первая печатная Глагольская книга. Это былъ Миссалъ in fol. безъ означенія мѣста печатанія. Замѣтимъ, что эта книга есть первое печатное произведеніе на Церковно-славянскомъ языкѣ. Восемью годами ранѣе оно первыхъ кирилловскихъ печатныхъ книгъ Псалтири, Октоиха и Часослова, напечатанныхъ въ Краковѣ въ 1491 г. Въ 1507 г. Магистръ Георгій изъ Венеціи обратился къ архимандриту Сильвестру Бедричичу (Bedriccich) въ Зенгъ, и напечаталъ здѣсь три Глагольскія сочиненія. Въ 1528 появились у Биндони и Пазини въ Венеціи Миссалъ и азбука in 4^0; въ 1531 третій Миссалъ, напечатанный Симономъ Козичичемъ (Cosicich), епископомъ Модрушскимъ, въ Фіумѣ. Когда экземпляры этой книги разошлись, епископъ Зендскій Іоаннъ Ачаличь приказалъ напечатать новое изданіе этой книги, подъ смотрѣніемъ Минорита (Францисканца) Франца Главинича. При этомъ случаѣ вы-

раженія и нарѣчіе Миссала были исправлены по древнему рукописному Миссалу изъ библіотеки эрцгерцога Карла Австрійскаго. Къ половинѣ XVI ст. относятся и книги, переведенныя Антономъ Далматою и Стефаномъ Консуломъ (St. Consul) и напечатанныя Глагольскими буквами въ Тюбингинѣ и Урашѣ (1565 — 1564). Они написаны на разговорномъ языкѣ и исчислены у Копитара въ его Крайнской грамматикѣ. Кромѣ того Глагольскими буквами печатали въ Римѣ, гдѣ Пропаганда получила этотъ шрифтъ, имѣвшій свое начало въ Венеціи, въ подарокъ отъ императора Фердинанда II около 1621 г., и гдѣ еще нынѣ печатаются глагольскіе Миссалы для глаголитовъ въ Далматіи и Истріи. Въ настоящее время, замѣчаетъ Шафарикъ, въ своей исторіи Славянскихъ литературъ, это единственная Глагольская типографія. По недостаточности ея, на Далматскихъ островахъ переписываютъ Глагольскія книги, или употребляютъ Кирилловскія, изъ Россіи привезенныя. Существуетъ еще Глагольская переписка между Австрійскимъ и Турецкимъ пограничными начальствами, относящаяся къ половинѣ прошедшаго столѣтія.

Когда въ началѣ XVII ст. почувствовался недостатокъ въ экземплярахъ изданныхъ дотолѣ Миссаловъ, Пропаганда, съ разрѣшенія Урбана VIII, избрала Рафаила Леваковича корректоромъ и реформаторомъ церковныхъ книгъ на иллирійскомъ языкѣ (corrector et reformator librorum ecclefiasticorum linguae illyricae) и возвела его въ санъ почетнаго архіепископа (Titular-Erzbischof) Ахридскаго. По его то старанію Фердинандъ II подарилъ Пропагандѣ глагольскій типографскій шрифтъ. Миссалъ Леваковича явился въ 1631 г. Когда же онъ узналъ древнѣйшую псалтирь и особенно когда познакомился съ Меѳодіемъ Терлецкимъ, епископомъ Хелмскимъ, тогда нашелъ,

что въ изданномъ Миссалѣ Славянскій языкъ не былъ чистъ, тѣмъ болѣе, что въ него вкралось много простонародныхъ Далматскихъ выраженій. Въ слѣдствіе этого въ 1648 г. вышелъ другой Миссалъ съ Псалтирью, одобренный Иннокентіемъ X. Въ 1668 г. явилось второе изданіе этого исправленнаго Бревіярія, подъ смотрѣніемъ аббата Пастриція (Пастрича) съ прибавленными 21 Officiis de praecepto и 12 Officiis ad libitum. Іосифъ Пастрицій († 1708) изъ Спалато, душею преданный изслѣдованіямъ о Церковно-славянскомъ языкѣ, говоритъ при этомъ случаѣ: miror sane tot seculis squaluisse nostras regiones in praecipuo coronae nostrae radio, nempe in litterali dialecto. Quoties enim antiqua manuscripta pervolvi Breviaria, tot erroribus conspersas lineas et in Orthographia et in Grammatica reperi, ut stomachum mihi moveret. Въ 1706 г. явилось второе изданіе и Миссала Леваковича.

Были однакожъ и такіе люди, которые противодѣйствовали Славянской литургіи Глаголитовъ. Таковъ былъ Петръ Маріановичъ, епископъ Зенгскій и Модрушскій и совѣтникъ Фердинанда III. Въ Фіумѣ и въ другихъ мѣстахъ своей обширной епархіи ввелъ онъ изученіе языка Латинскаго и не хотѣлъ рукополагать никакого священника, который бы по крайней мѣрѣ не зналъ читать по Латыни. За это жаловались на него въ Римъ, какъ на врага Славянскаго богослуженія. Кардиналъ-начальникъ Пропаганды дѣлалъ ему по этому поводу въ 1654 г. представленія, на которыя онъ отвѣчалъ ученымъ сочиненіемъ. Онъ писалъ, что поелику на Славяноглагольскомъ языкѣ ничего нѣтъ, кромѣ Миссала и Бревіярія, то священники, ограничивающіеся этими книгами и не знающіе Латинскаго языка, остаются по необходимости въ богословскомъ невѣ-

жествѣ и не могутъ управлять религіозными убѣжденіями не только своихъ прихожанъ, но и своими собственными. Старанія Маріановича, не смотря на свою законность, были тщетны. Римское духовенство находило свою выгоду въ Славяно-католическомъ богослуженіи и думало посредствомъ его преклонить въ свои нѣдра Россію и Русскихъ обитателей въ Польшѣ, а потому терпѣло и даже поддерживало его, не смотря ни на что. Наравнѣ съ Леваковичемъ большія услуги Глагольской письменности оказали епископы Змаевичь и Караманъ.

Винкентій Змаевичь, визитаторъ Албаніи, послѣ архіепископъ Зарскій и Commissarius Apostolicus въ Албаніи, Сербіи, Македоніи, Болгаріи и Босніи, покровительствовалъ развитію народнаго и письменнаго языка Далматовъ и Кроатовъ и поощрялъ ученаго Делла-Белла и Рагузинскихъ стихотворцевъ каковы были Иванъ Гондола, Юній Палмота, Игнатъ Джіорджи, и не менѣе ревновалъ также къ пользамъ древне-Славянскаго, церковнаго языка. Онъ учредилъ Славянскую семинарію въ Зарѣ и исходатайствовалъ для нея у Бенедикта XIII и XIV разныя привиллегіи и даренія. При новомъ изданіи Миссала онъ настоялъ на томъ, чтобы текстъ его былъ улучшенъ и поручилъ это дѣло Караману, уроженцу Спалатскому.

Матвѣй Караманъ, съ согласія Пропаганды, ѣздилъ въ 1732 г. въ Москву въ качествѣ миссіонера и съ цѣлію изучить тамъ Славяно-Русскій языкъ. По возвращеніи своемъ, Караманъ былъ принятъ въ collegio urbano и трудился тамъ надъ правильнымъ изданіемъ Миссала. Его ревизорами были два, другъ за другомъ слѣдовавшіе Генералъ Прокуратора Славянскихъ Базилитовъ (ruthenischen

Basiliten) Максимиліанъ Завадскій, консультаторъ провинціи Литовской, и Цезарео Гебновскій, архимандритъ Онуфрійскій; далѣе Иннокентій Піеговичъ (Piehowicz), архимандритъ Минскій, и Сильвестръ Рудницкій, епископъ Луцкій. Дѣло не ограничилось печатаніемъ Миссала 1740 года. Въ частной конгрегаціи Пропаганды, подъ предсѣдательствомъ папы, въ Сент. 1742 г. опредѣлено было основать въ Collegio urbano Славянскую каѳедру и, для упроченія этой каѳедры, перевести всю Библію. Карамана, въ поощреніе его заслугъ, сдѣлали аббатомъ двухъ монастырей, приписанныхъ по старанію Змаевича къ Семинаріи, епископомъ острова Озеро, и апостольскимъ Визитаторомъ Коллегіи въ Ассизи, Лорето и Фермо, а чрезъ три года архіепископомъ Зарскимъ († 1771), гдѣ онъ въ своей любимой Семинаріи могъ трудиться на пользу древне-Славянскаго, церковнаго языка. Замѣтимъ однакожь, что древніе Глагольскіе Миссалы были гораздо понятнѣе для Далматовъ, нежели редакція Караманова, потому что въ нихъ языкъ былъ гораздо ближе къ народному. Караманъ же, предполагая, что только въ Русскихъ церковныхъ книгахъ древній Славянскій языкъ сохранился во всей чистотѣ, перенесъ въ свой Миссалъ столь много особенностей Русскаго языка, что Далматскіе священники приняли его неохотно. Дѣятельнѣйшимъ и вѣрнымъ сотрудникомъ Карамана въ его трудахъ былъ *Матвѣй Совичь*, ум. въ 1774 г. въ званіи архидіякона острова Озеро. Онъ оставилъ новую редакцію грамматики Смотрицкаго, съ Латинскимъ переводомъ, оставшуюся однакожь въ рукописи. Въ ней особенно замѣчательно предисловіе, въ которомъ Совичь упоминаетъ о многихъ Славянскихъ рукописяхъ, которыя отчасти были у него самого, а отчасти были ему изъестны. Противникомъ

Карамапа былъ Рагузинскій священникъ *Стефанъ Роза*, возстававшій противъ него въ пользу своего народнаго языка для употребленія въ церковныхъ книгахъ. Замѣчателенъ еще епископъ *Качичь* (Cacich), учредившій семинарію въ Алмиссѣ, съ цѣлію содѣйствовать теоретическому познанію языка народнаго.

Употребленіе отечественнаго языка въ церковной письменности у Глаголитовъ было причиною, что съ одной стороны въ Далматію не могла проникнуть реформація, не смотря на покушенія Трубера, Антона Далматы и друг., и что съ другой—обработываніе общенароднаго языка не могло здѣсь начаться ранѣе XVI ст. Тѣмъ не менѣе многіе, даже Католическіе священники покушались ввести Далматское нарѣчіе въ письменное употребленіе ([4]).

«Глагольская литература, говоритъ г. Прейсъ, ожидаетъ еще своего Историка. Изъ остатковъ ея издано очень мало; прочее таится въ библіотекахъ или находится въ рукахъ частныхъ лицъ, которыя рѣдко умѣютъ цѣнить свое богатство..... Къ этому надобно еще присоединить обстоятельство, неблагопріятное и старой и новой Глагольской письменности. Вышли Миссалы на языкѣ народномъ, напечатанные Латинскими буквами. Такимъ образомъ молодые священники служатъ обѣдню уже не по Глагольскимъ миссаламъ, но по новому переводу. Только еще на островахъ Далматіи, скудное и бѣдное населеніе внимаетъ небеснымъ истинамъ на языкѣ Кирилла и Меѳодія. Но, можетъ быть, и здѣсь въ непродолжительномъ времени Глагольская литургія будетъ преданіемъ.»

([4]) Свѣденія о дальнѣйшихъ судьбахъ Глагольской письменности взяты нами изъ соч. Шаффарика: Geschichte der Slawischen Sprache und Litteratur nach allen Mundarten. Ofen. 1826.